

№3
1961

Искатели

**ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

Луцолл & Луцолл
С ОПАСНОСТЬЮ

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ ЧЕЛОВЕКА В КОСМОС ОСУЩЕСТВЛЕН!

Наша нынешняя весна — это стремительный порыв в будущее:

12 февраля. На Венеру стартует советская космическая лаборатория.

9 марта. Выведен на орбиту и приземлен четвертый советский корабль-спутник.

25 марта. Полет пятого корабля-спутника.

12 апреля. В космосе — человек!

Весь мир услышал имя первого космонавта — гражданина СССР Юрия Алексеевича Гагарина. Открыта новая эра в истории Земли. Вековая мечта человечества сбылась.

Откройте страницу 130, и вы узнаете, как спас Борис Нефедов радистку с острова Колючий.

ЭТОТ НОМЕР ПОСВЯЩАЕТСЯ

СМЕЛЫМ, ОТВАЖНЫМ,
МУЖЕСТВЕННЫМ

ТЕМ, КТО НЕ РАЗ ВСТРЕЧАЛСЯ
ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ОПАСНОСТЬЮ
И ВЫХОДИЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ

ТЕМ, КТО СУМЕЛ ДОКАЗАТЬ,
ЧТО В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ
МЕСТО ПОДВИГАМ

ИТАК, В НОМЕРЕ:

**БЕСПРИМЕРНЫЙ
ПОДВИГ
КОММУНИСТА
ЮРИЯ ГАГАРИНА**

*Это случилось на высоте
9000 метров.
Киносценарий*

**SOS! SOS! SOS!
„ПЕРЕСВЕТ“
ИДЕТ НА ПОМОЩЬ**

С КИНОКАМЕРОЙ ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

* * *

Два рассказа Брэдли

Воскрешение из мертвых.
Возможно ли это?

Гости из далекой галактики. Фантастический рассказ А. М. Волкова

ОТКРЫТА НОВАЯ — КОСМИЧЕСКАЯ ЭРА В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«Свершилось великое событие. Впервые в истории человек осуществил полет в космос.

12 апреля 1961 года в 9 часов 7 минут по московскому времени космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту поднялся в космос и, совершив полет вокруг земного шара, благополучно вернулся на священную землю нашей Родины — Страны Советов.

Первый человек, проникший в космос, — советский человек, гражданин Союза Советских Социалистических Республик!

Это — беспрецедентная победа человека над силами природы, величайшее завоевание науки и техники, торжество человеческого разума. Положено начало полетам человека в космическое пространство.

В этом подвиге, который войдет в века, воплощены гений советского народа, могучая сила социализма.

...Волею рабочего класса, волею народа, вдохновляемых партией коммунистов во главе с Лениным, наша страна превратилась в могущественную социалистическую державу, достигла невиданных высот в развитии науки и техники.

...Нам, советским людям, строящим коммунизм, выпала честь первыми проникнуть в космос. Победы в освоении космоса мы считаем не только достижением нашего народа, но и всего человечества. Мы с радостью ставим их на службу всем народам, во имя прогресса, счастья и блага всех людей на Земле. Наши достижения и открытия мы ставим не на службу войне, а на службу миру и безопасности народов».

Из Обращения Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза к Коммунистической партии и народам Советского Союза, к народам и правительствам всех стран, ко всему прогрессивному человечеству

ПЕРВЫЙ КОСМОНАВТ — ГРАЖДАНИН СССР

«Совершенный Вами полет открывает новую страницу в истории человечества, в покорении космоса и наполняет сердца советских людей великой радостью и гордостью за свою социалистическую Родину».

Н. ХРУЩЕВ

Летчик-космонавт СССР Герой Советского Союза
Юрий Алексеевич Гагарин.

Алексей ЛЕОНТЬЕВ.
Андрей ДОНАТОВ

713

ПРОСИТ ПОСАДКУ

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

КИНОСЦЕНАРИЙ

Этот сценарий основан на истинном происшествии. Некоторое время назад о нем сообщала печать. Мы попробовали восстановить события и представить себе участников этого необычайного путешествия. Вот они:

Пассажиры самолета, в том порядке, как они расположились в первом салоне:

Кресло № 1. Миссионер. Католик. Крупный мужчина лет сорока.

Кресло № 2. Солдат. Девятнадцатилетний американский парень.

Кресло № 3. Генри Чармен. 28 лет. Бакалавр права. Лет шесть назад он окончил Принстонский университет, с тех пор по всему свету и без особого успеха ищет работу.

Кресло № 4. Студентка. Девушка восемнадцати лет. Разрез глаз и чуть смуглая кожа выдают в ней коренную обитательницу Азии.

Кресло № 5. Унылый человек. На все смотрит сквозь призму своей бессонницы. Сон — это его недостижимая мечта, счастье.

Кресло № 6. Коммивояжер, или, как часто говорят, «комми». 35 лет. Живая реклама распространяемых им товаров фармацевтической фирмы: энергичный, плотный, розовощекий.

Кресло № 7. Тереза. Креолка, 25 лет. Подруга бывшего диктатора одной из латиноамериканских республик.

Кресло № 8. Диктатор. Бывший.

Кресло № 9. Секретарь диктатора.

Кресло № 10 и кресло № 11. Муж и жена. Молодожены. Он — электрик. Оба из обеспеченных семей. Первое их столкновение с настоящей жизнью происходит теперь, во время свадебного путешествия.

Кресло № 12. Кристин. Красивая женщина лет двадцати шести — двадцати восьми.

Кресло № 13. Мальчик лет семи. Обыкновенный мальчишка этого возраста.

Кресло № 14. Иржи Влчек. Чех, 23 года. Кинооператор.

Кресло № 15. Филуменист. Француз. Ему за шестьдесят. Все свободное время своей жизни он посвятил любимому занятию. Мир до сих пор представлялся ему главным образом по спичечным этикеткам.

Кресло № 16. Англичанин. Почтенный рантье. Главная его забота — хороший завтрак, ленч, обед и, разумеется, ужин.

Кресло № 17. Американка. Женщина неопределенного возраста.

Кресло № 18. Ее муж.

Кресло № 19. Женщина в сари. Немолодая, молчаливая и строгая. Ее дочь, девочка лет пяти. Она не занимает отдельного места.

Во втором салоне находятся двое:

Врач Рихард Гюнтер, ему под пятьдесят.

Агент — человек средних лет с ничем не примечательным лицом.

Команда самолета:

Командир.

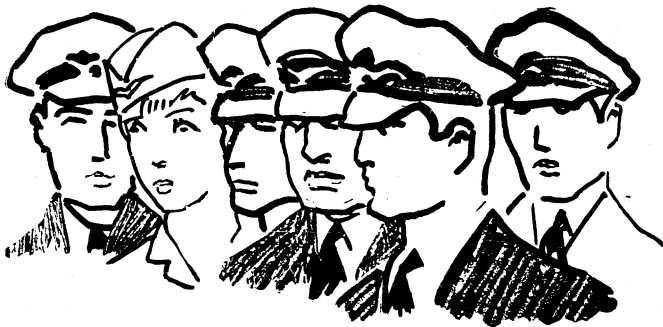
Второй пилот.

Штурман.

Бортинженер.

Радист.

Стюардесса.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЭРОПОРТ

Здесь скрещиваются десятки авиалиний, соединяющих самые различные пункты земного шара. Так же как во времена расцвета морских путей трудно было отличить разноплеменный одесский порт от марсельского или ливерпульский от сиднейского, так же нелегко сегодня определить национальную принадлежность этого большого аэровокзала, лежащего где-то далеко за пределами нашей страны.

В просторном холле пассажиры пестры и разноязычны. Закованные в броню крахмальных сорочек, пиджаков и галстуков, шумные латиноамериканцы, сдержанные обитатели Азии в просторных, сверкающих белизной одеждах, сутаны католических священников, короткие шорты и расписные рубахи американцев.

Снуют служащие, носильщики с вещами, девушки в форменных пилотках с посадочными документами в руках.

— Внимание, внимание! — сообщает металлический голос диктора аэропорта. — Пассажиров, отлетающих рейсом двести сорок пять, просят приготовиться к посадке. Внимание! Пассажиров, отлетающих рейсом двести сорок пять...

У барьера кассы — широкоплечий, с густой проседью человек.

— Очень сожалею, — пожилой кассир разводит руками, — но на семьсот тринадцатый рейс нет ни одного билета. Целый салон забронирован за делегацией.

— Что же делать? — настойчиво спрашивает человек. — Мне необходимо улететь!

— Могу посоветовать только одно: подождать. Быть может, кто-нибудь опоздает или сдаст билет...

БАР В КОНЦЕ ХОЛЛА

У стойки — группа журналистов. Провожают молодого оператора в спортивной куртке.

— Счастливого пути, Иржи!

— Привет Златой Праге!

Звенят рюмки.

1-й журналист (глядя на часы): Однако делегация что-то запаздывает...

В противоположном конце холла видна группа людей во фраках, визитках и расшитых мундирах. Тихо переговариваясь, они не спеша прохаживаются по холлу.

2-й журналист: Увы! Бедные красные шапочки свободного мира вынуждены терпеливо ждать представителей коммунистического волка.

3-й журналист: М-да... Пожалуй, кое-кому очень бы хотелось, чтобы эта делегация исчезла, как дурной сон!

1-й журналист (негромко): Или, во всяком случае, не долетела до цели...

Иржи бросает взгляд на говорящего, но тот уже снова поднимает рюмку.

За одним из столиков завтракает группа людей в форме летчиков: два пилота, штурман, бортинженер, радист, стюардесса.

Второй пилот — седой, коренастый здоровяк — подмигивает моложавому командиру:

— Не знаю, как другим, а мне ужасно не хочется уходить отсюда...

— Уютное местечко?

— Я видел места и получше... Просто последняя трапеза в полном составе.

— Собираешься выходить на пенсию? — улыбается штурман.

— Нет, но, насколько мне известно, наша компания не держит на работе замужних женщин...

Стюардесса, хотя на нее никто не смотрит, густо краснеет.

Врач

Миссионер

И тут же смущается сидящий напротив молодой бортинженер.

Летчики смеются.

— Внимание! — сообщает диктор аэропорта. — Объявляется посадка на рейс девятьсот тридцать шесть. Внимание!..

— Следующий наш, — говорит командир экипажа. — Поторопитесь.

Второй пилот смотрит на часы.

— Еще успеем выпить чашечку кофе...

БАРЬЕР КАССЫ

К кассиру подходит служащий аэропорта, за ним человек среднего роста, в плаще.

— У вас список пассажиров на рейс семьсот тринадцать? — спрашивает служащий.

— Да, господин начальник.

— В нем нет Рихарда Гюнтера, врача?

— Мужчина лет пятидесяти, с сильной проседью, — добавляет человек в плаще. — На левом запястье большой шрам — вытравлен номер.

— Нет, сударь. — Кассир вынимает список. — Можете убедиться...

Его палец скользит вдоль столбика фамилий пассажиров.

БАР

К столику, за которым сидят летчики, подходит официант. У него на подносе шесть маленьких чашечек кофе: по одной на каждого члена экипажа. Стюардесса, пригубив, опускает чашку.

— Какой странный вкус у кофе! Первый раз пью такой...

— Местные сорта, — замечает второй пилот. — Они всегда чересчур горчат...

— Внимание! — объявляет диктор аэропорта. — Внимание! Пассажиров, отлетающих рейсом семьсот тринадцать, просят приготовиться к посадке!..

Команда торопливо допивает кофе...

БАРЬЕР КАССЫ

— Ну как? Вы обещали...

Широкоплечий седой человек перегибается к кассиру.

— Пока ничего, сударь. Но не отчаивайтесь: делегации до сих пор нет...

— Опаздывает?

— Кажется, просто перенесли вылет... Потерпите еще.

К кассе подходят пассажиры. Человек с проседью отходит.

ВТОРОЙ ХОЛЛ

Иржи и его друзья направляются к выходу.

Молодой человек с безукоризненным прической предупредительно распахивает дверь холла перед тучным пожилым мужчиной, на лице которого брезгливое высокомерие странно соседствует с явным испугом. Рядом с мужчиной броско одетая молодая женщина.

— Смотрите! — восклицает один из журналистов. — Президент Лопес! Далеко забрался!..

— Подальше от признательных соотечественников...

— С любовницей и личным секретарем...

— Это все, что осталось от миллионов верноподданных!

Иржи снимает камеру. Наводит объектив на скрывающихся за дверью диктатора и его спутников.

Следом в кадр попадает молодая белокурая женщина. Рядом с ней мальчик лет семи. Иржи опускает камеру.

— Я, кажется, где-то ее видел...

— В мечтах! — усмехается один из журналистов.

— Или во сне! — подхватывает другой.

У выхода на летное поле командир экипажа передает стюардессе посадочные документы.

— Твое счастье — не приехала делегация. Целый салон будет пустым... А вот Жаку, — командир кивает на молодого бортинженера, — огорчение: он так мечтал скоротать время за беседой со своими красными друзьями!

Второй пилот хмурится.

— Ты что? — спрашивает командир. — Тоже стал коммунистом?

— Не люблю, когда кто-нибудь из пассажиров остается на земле, — тихо произносит второй пилот. — Плохая примета...

БАР

Со столика, за которым завтракала команда, официант собирает шесть пустых чашечек из-под кофе.

Тереза и диктатор

БАРЬЕР КАССЫ

— Пожалуйста, сударь, — кассир вручает билет широкоплечему седому человеку. — Вы будете лететь, как глава государства: один в целом салоне.

— Благодарю!

Человек торопливо отходит от кассы.

РАДИОРУБКА

— Внимание! — говорит диктор. — Отправляется самолет компании «Айринтернейшнл», рейс семьсот тринадцать...

БАРЬЕР КАССЫ

Человек в плаще перегнулся к кассиру.

— Больше не было пассажиров на этот рейс?

— Нет... Впрочем, простите... Был один...

— Кто?

— Одну секунду... Вот... Филипп Дюбуа из Гааги.

— Дюбуа? Каков он из себя?

— Лет пятидесяти, широкоплечий... С сильной проседью.

На левой руке...

Кассир загнулся...

— Где он?!

— Я полагаю... Вероятно, в самолете, сударь...

— Задержите вылет! Немедленно!

— Это невозможно, сударь. Они уже отлетают. Необходимо разрешение главы компании.

— Повторяю! — слышится голос диктора. — Отправляется самолет компании «Айринтернейшнл», рейс номер семьсот тринадцать!

Человек достает бумажник.

— Билет! Скорее!..

Торопливо набрасывает на листке бумаги несколько слов.

— Немедленно передайте старшему радисту...

БАР

За стойкой чьи-то руки тщательно перетирают шесть маленьких чашечек из-под кофе.

У стойки двое в спецовках аэродромных рабочих.

1-й рабочий: Что-то сегодня было немного пассажиров на семьсот тринадцатый.

2-й рабочий: Ждали красную делегацию... А она так и не приехала.

Руки, перетиравшие чашки, дрогнули. Одна чашечка, выскользнув, падает на пол...

В ясном безоблачном небе набирает высоту тяжелый, четырехмоторный самолет...

САЛОН САМОЛЕТА

Из динамика доносится голос стюардессы:

— Наш рейс будет происходить на высоте девяти тысяч метров. Скорость — четыреста километров в час. Наш лайнер за семь часов восемнадцать минут перенесет вас через океан и с максимальными удобствами доставит к месту назначения...

Сидящий впереди загорелый человек лет двадцати восьми, в потертом костюме — это Генри Чармен — мельком оглядывает свою соседку — тоненькую, совсем юную девушку-студентку.

— Предупреждаю: храплю во сне. Дурная привычка. Ничего не могу сделать...

Через проход рядом с рослым миссионером сидит пьяный солдат. Он откидывает кресло, вытягивает ноги. Ему мешает небольшой чемодан миссионера, стоящий у передней стенки салона. Солдат пытается сдвинуть его, но чемодан оказывается неожиданно тяжелым.

— Ого!.. Что у вас там, святой отец? Золото чикагского банка?

— Слово господне, сын мой.

— ?!

— Я везу слово господне душам заблудшим, потерявшим истинную веру. Здесь магнитофон и пленки.

— О!.. — оживляется солдат. — Есть у вас «Лысая Элли»? Знаете: «Та-там... та-та...»

— Там псалмы... — укоризненно говорит миссионер, легко переставляя чемодан. — Псалмы и молитвы... Записи хора нашей обители...

Солдат, сразу потеряв интерес, откидывается в кресле...

За спиной миссионера устраивается у окна худой, унылый человек с желчным лицом. Он недовольно ерзает в кресле.

— Располагаетесь ко сну? — дружелюбно интересуется его сосед — розовощекий коммивояжер.

— Я забыл, как это делается... — мрачно произносит унылый пассажир.

— Страдаете бессонницей? — оживляется комми. — Могу предложить вам лучшее в мире патентованное сно-

Солдат

Генри Чармен

Студентка

творное фирмы «Грехэм, Грехэм и Дриблинг». — Он тянется к лакированному, испещренному наклейками чемодану. — Гарантированный...

— Шарлатанство! — обрывает коммивояжера унылый сосед.

— Простите...

— Шарлатанство! — мрачно повторяет пассажир. — Все ваши Грехэмы — шарлатаны! И Дриблинг вместе с ними.

— Виноват... Вы имеете честь быть знакомым с мистером Дриблингом?!

— Я знаком с его продукцией!.. Пять лет меня пичкали всякой дрянью, чтобы избавить от бессонницы, а теперь говорят, что необходимо переменить климат. Климат, оказывается, виноват, а не их паршивые таблетки!

— Поверьте, — с достоинством возражает комми, — если бы вы постоянно пользовались патентованными средствами фирмы «Грехэм, Грехэм...»...

В третьем ряду за коммивояжером и его соседом — молодая пара. Он и она очень юны, и потому особенно нелепо звучит их «семейный» диалог.

Она: Я хотела бы сесть у окна.

Он (очень вежливо): Весьма сожалею, но это мое место. (Вынимает билет.) Можете убедиться...

Она: Но вы могли бы уступить... Любой мужчина...

Он: Вот именно! Любой мужчина — любой женщине... Но не я — вам!..

Позади молодоженов сухонький старичок пытается затолкнуть в сетку нелепый чемодан, представляющий собой увеличенный в сотни раз спичечный коробок.

— Прошу обратить внимание, — доносится из динамика голос стюардессы. — Во внутреннем кармане за каждым креслом имеется спасательный пояс...

Старичок испуганно вздрагивает. Чемодан обрушивается на его соседа — огромного, что-то жующего толстяка.

— Такие вещи следует оставлять в багаже, — ворчит толстяк.

— Простите... Я не знал...

— Первый раз летите в самолете? — смягчается толстяк.

— Да! — Старичок с трудом устраивает чемодан. — Я с детства мечтал объехать свет... И вот, наконец! Неделю назад я взял первый приз на конкурсе филуменистов...

— Филуме...

— Филуменистов. Я собрал сто тысяч этикеток спичечных коробков!

Толстяк подымает глаза на нелепый чемодан.

— Это подарок... — говорит старичок. — Но главное — вот... — Он протягивает соседу билет. — Билет кругосветного путешествия! Для этого стоило потрудиться...

Толстяк недоверчиво разглядывает билет.

— Что-нибудь не так? — тревожится филуменист.

— Нет... Все правильно.

В голосе толстяка сожаление. Кажется, он раздосадован тем, что билет оказался в порядке.

ВТОРОЙ САЛОН

Голос стюардессы (из динамика): Сейчас я покажу вам, как пользоваться поясом в случае вынужденной посадки в океане...

Салон почти пуст. В переднем углу с газетой в руках — широкоплечий седой человек. Какой-то звук привлекает его внимание. Он понимает, что в салоне еще кто-то есть. Пассажиры медленно поворачивают голову.

В противоположном углу сидит человек в плаще с ничем не приметным лицом.

КАБИНА ЭКИПАЖА

Впереди, в креслах, — командир корабля и второй пилот.

За их спинами — столик штурмана, рация и место молодого бортиженера.

— Жак, помоги! — просит стюардесса.

Бортиженер подымается.

Второй пилот (не оборачиваясь): Счастливого мига наступил...

Штурман (не отрываясь от карты): Увы, последний раз...

Штурман не успевает увернуться. Бортиженер шуточно надвигает ему на глаза фуражку.

ПЕРВЫЙ САЛОН

Инженер ловко надевает на девушку пояс. На какое-то мгновение его руки задерживаются на талии стюардессы.

— Вот и все!

Неуловимым движением она прижимается к юноше. Это мгновенное объятие понятно только им двоим. В следующую секунду, прежде чем пассажиры успевают что-нибудь заметить, девушка отстраняется, вынимает из карманчика пояса пакетик.

— Здесь порошок от акул. Вы берете щепотку. Одно движение...

Стюардесса шуточно щелкает пальцами перед лицом бортиженера. Тот с преувеличенным испугом скрывается за дверь кабины пилотов.

Кристин и ее сын

Иржи Влчек

— И все хищники тут же исчезнут!.. Надеюсь, все меня хорошо поняли?

— Да! — отзывается коммивояжер. — Неясно только одно... — Он оглядывает окружающих, предвкушая собственную шутку. — Куда звонить по телефону, чтобы при-слали такси?

Унылый сосед комми только хмыкает, зато сидящая через проход яркая спутница экс-диктатора раздражается неудержимым смехом. Можно подумать, что она в жизни не слышала ничего более смешного. Впрочем, быть может, это действительно так. Рядом с ней скучающий диктатор и на-помаженный секретарь.

— Об этом я сообщу дополнительно! — очаровательно улыбается стюардесса, принимая шутку.

Позади диктатора, у окна, — Иржи. К радости оператора, его соседями оказались красивая блондинка, замеченная в холле аэропорта, и мальчик.

Иржи перегибается к соседке.

— Кажется, я не против вынужденной посадки...

Женщина — ее зовут Кристин — вопросительно смотрит на него.

— Мы бы оказались рядом с вами в открытом океане. Кристин усмехается:

— Я в восторге от подобной перспективы.

— По-моему, это было бы совсем неплохо, — подхватывает Иржи. — Верно, малыш? — обращается он к мальчику. — Мы отыскали бы роскошный необитаемый остров...

— Необитаемых островов теперь нет, — убежденно говорит мальчик.

— Ты уверен?

— Нам говорили в школе...

— Очаровательный малыш! — вновь перегибается Иржи к соседке. — Ваш брат?

Та не отвечает, углубившись в журнал. Но от Иржи не так-то легко отделаться.

— Минуточку! — восклицает он. — Подымите голову! Кристин невольно повинуется.

— Вот так... М-да... Лицо у вас, конечно, не очень фотогенично... Но при известном мастерстве оператора... Повернитесь, пожалуйста, в профиль...

— Было бы лучше, если бы вы повернулись к окну, — с неожиданной усталостью говорит Кристин, — и оставили меня в покое...

Иржи отворачивается. Он совсем по-детски обижен.

На лице женщины мелькает чуть заметная улыбка.

За ними сидит respectable чета американцев: она — высокая, сухопарая, неопределенного возраста; он — большой, полный и добродушный.

Бок о бок с ними — строгая, смуглая женщина в просторном сари, с девочкой на руках.

Американка подзывает стюардессу.

— Вы не можете устроить нас... э-э... в другом месте?

— Вам неудобно?

Американка многозначительно указывает глазами на сидку в сари.

Стюардесса прошла хорошую школу. Она привыкла не выдавать своих чувств.

— Второй салон почти пуст.. Там вам будет спокойней.

ВТОРОЙ САЛОН

— Пожалуйста, — говорит стюардесса, вводя respectable пару. — Можете занимать любые места.

Подозрительно оглядев обоих пассажиров — благодарные богу, эти, кажется, не цветные! — американка опускается в кресло.

— Сюда! — указывает она мужу.

Тот послушно усаживается рядом.

Теперь седой пассажир и человек в плаще — назовем его агентом — разделены четой американцев.

КАБИНА ЭКИПАЖА

Динамик доносит сюда голос стюардессы:

— Экипаж сердечно приветствует всех, кого счастливый случай свел сегодня на борту нашего самолета!..

Второй пилот (подавляя зевок): Каждый раз, как я слышу это сердечное приветствие, меня клонит в сон.

Командир: Можешь вздремнуть. Сменишь меня над океаном.

Голос стюардессы: Завтрак будет подан через час. В буфете имеются виски, коньяк, прохладительные напитки...

ПЕРВЫЙ САЛОН

С подносом, заставленным рюмками и фужерами, стюардесса направляется вдоль прохода.

Генри протягивает руку к подносу.

— Это входит в стоимость билета?

— Безусловно, сударь.

— Самое приятное сообщение...

*Секретарь
диктатора*

Комми

*Унылый
человек*

Генри берет стаканчик виски. Подумав, прихватывает еще рюмку коньяка.

Студентка испуганно забивается в угол...

— Пропустим за те же деньги? — жизнерадостно предлагает коммивояжер унылому соседу.

Тот равнодушно кивает. Комми снимает с подноса два стаканчика.

— У вас есть пльзенское пиво? — серьезно спрашивает Иржи.

Белокурая соседка бросает быстрый взгляд на оператора.

— Простите? — переспрашивает стюардесса.

Иржи, засмеявшись, вынимает камеру. Нацеливает ее на стюардессу.

Мальчишка заинтересованно следит за действиями оператора.

Коммивояжер, воспользовавшись тем, что его унылый сосед внимательно рассматривает открывающиеся за окном дали, всыпает в один стаканчик содержимое маленького пакетика.

Это замечает Тереза.

Комми прикладывает палец ко рту.

— Прошу, старина...

Он протягивает соседу стаканчик виски, где уже бесследно растворился белый порошок.

Унылый пассажир отпивает глоток, удивленно поворачивается.

— Какой странный вкус! Никогда не пил такого...

— Местные сорта, — поспешно вставляет комми. — Ну, за благополучное путешествие!

Они залпом осушают стаканы.

В огромной руке флегматичного толстяка тонет стаканчик виски.

— Местное?

— Настоящее шотландское, сударь...

Толстяк нюхает, осторожно прихлебывает и, наконец, убе-

дившись в справедливости слов стюардессы, выпивает стакан.

— Никогда не следует доверять сообщениям авиакомпаний, — говорит он соседу.

Старичок филуменист вздрагивает.

— Вы имеете в виду... акул?!

— Нет. Завтрак...

Толстяк вынимает из саквояжа объемистый пакет с сэндвичами.

— Прошу...

— Благодарю вас, — отказывается несколько успокоенный филуменист. — Простите... Нет ли у вас спичек?

Толстяк, уже занявшийся сэндвичем, указывает на табличку: «Не курить».

— Пока не наберем высоту, нельзя...

Летит самолет.

Четыре мотора несут его тяжелое тело. Внизу в головокруглительной дали разворачивается причудливая схема земли.

Холмы, леса, поселки, поля и дороги...

А в самолете, этом крохотном мирке, отдаленном от земли расстоянием в девять километров, идет своя дорожная жизнь...

ПЕРВЫЙ САЛОН

Иржи, нацелив вниз камеру, снимает через окно самолета.

Мальчик, сидящий рядом, как замороженный следит за действиями оператора. Он сползает с кресла, перегибается, старается сам заглянуть вниз...

Генри нажимает кнопку звонка. Его соседка с тревогой наблюдает за ним, оторвавшись на секунду от какой-то толстой книги.

Из двери, ведущей в кабину экипажа, появляется стюардесса.

— Что-нибудь выпить, — говорит Генри. — Совсем пересохло в горле.

— Лимонад, сок?

Генри морщится.

— Стаканчик виски.

Юный молодожен подзывает стюардессу.

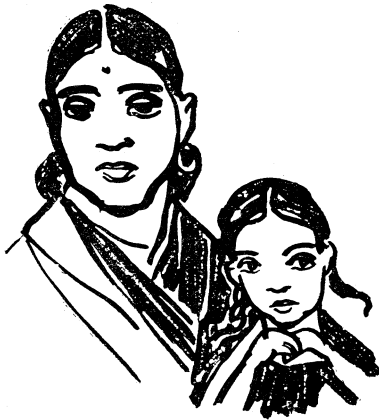
— Мне тоже, — важно говорит он. — И, пожалуйста, поменьше содовой.

— Боже мой! — восклицает жена. — Какое счастье! Через шесть часов я опять буду дома, у мамы!..

— А я у адвоката. Надеюсь, ему не составит труда найти повод для развода...

Во втором салоне тишина.

Американец прилежно читает молитвенник. Его жена изучает журнал с полуобнаженной красоткой на обложке.

Женщина в сари и ее дочь

Огромная шляпа американки мешает агенту наблюдать за широкоплечим пассажиром. Агент меняет место и тут же встречается взглядом с преследуемым...

ПЕРВЫЙ САЛОН

Унылый сосед коммивояжера сладко зевает. Комми торжественно подмигивает своей яркой соседке справа, предлагая разделить очередную шутку.

— Вы, кажется, хотите спать? — невинно спрашивает он.

— Что?! — вспыхивает сосед.

И тут же вновь неудержимо зевает.

КАБИНА ЭКИПАЖА

На передней панели ведут свой немой рассказ приборы. Стрелки отсчитывают скорость, высоту, тонны и килограммы бензина. Вспыхивают сигнальные огоньки. Поблескивает экран радара.

Штурман (радисту): Как метеосводка?

Радист: Не блестящая... (Протягивает листок.) Запрещенные полеты для легких машин.

Штурман: Нашему «Бемби» это не страшно...

Над его столиком висит знакомая всему миру фигурка олененка.

Командир: Курс?

Штурман: Двести семь... Выйдем прямо к месту.

Командир (бегло взглянув на приборы): Снос два градуса. (Кладет руки на штурвал.) Ты представляешь, как когда-то летали без автопилота?

Штурман: У меня не хватает фантазии.

Командир: Вот старик, наверное, помнит. (Посмотрел на второго пилота. Тот мерно всхрапывает во сне.) Смотри-ка, в самом деле заснул.

Радист (снимая наушники): Между прочим, меня тоже клонит в сон.

Штурман (не отрываясь от карты): Понижение атмосферного давления. Первый признак хорошего самочувствия...
И сам подавляет невольный зевок.

Внизу — девственной, арктической белизны снежное поле облаков.

Но вот далеко-далеко в разрывах облаков замелькала иссиня-серая гладь океана...

— Океан! — восклицает мальчик. — Кристин, гляди — океан!

Камера уже в руках мальчика. Рядом Иржи. Женщина, чуть скосив глаза, наблюдает за ними.

— Хочешь снять? — спрашивает оператор.

— А... можно?..

— Конечно! Вот смотри... — Большие руки Иржи покрывают тонкие пальцы мальчика. — Надо сделать вот так... — Он наводит фокус. — Теперь нажимай кнопку...

— Странно! — говорит филуменист, заглядывая в окно. — Он совсем не похож.

— Кто? — равнодушно спрашивает толстяк. Он по-прежнему что-то жует.

— Океан! Я столько раз видел его совсем другим...

— Где?

— На этикетках... — смущается филуменист.

— Я же говорил, что никому не следует доверять, — меланхолически замечает толстяк.

Далеко не всех пассажиров интересует показавшийся внизу океан.

Коммивояжер, например, занят своим соседом. Тот, наконец, уснул!

Свернув в тоненькую трубочку лист бумаги, комми, как школьник, тянется к ноздрям соседа. Жестом он приглашает Терезу полюбоваться.

Листок касается ноздрей уснувшего. Тот встряхивает головой, чихает... и не просыпается.

— Видели?! — торжествующе говорит комми. — Фирма «Грехэм, Грехэм и Дриблинг», патентованные средства — отделения в тридцати странах мира!

Он снова щекочет ноздри соседа. К восторгу Терезы, тот всньв чихает.

Дремлющий впереди солдат приоткрывает глаза.

— Будьте здоровы!

Ему никто не отвечает.

— Будьте здоровы! — настойчиво повторяет он.

Смотрит вокруг и замечает студентку. Генри нет. Его кресло свободно.

— П-сс, малютка! — с трудом поднявшись, солдат шагает через проход. — Рад тебя видеть!

Он тяжело плюхается в кресло. Девушка с мольбой оглядывается вокруг. Позади с брезгливой миной — диктатор. Комми и Тереза заняты уснувшим пассажиром. Деву-

Молодожены

Агент

шка с надеждой останавливает взгляд на миссионере, но тот скромно отводит глаза.

Солдат берет девушку за подбородок.

— Надеюсь, наше путешествие будет приятным...

Девушка вырывается, на ее глазах выступают слезы.

— П-сс, малютка! От доблестной морской пехоты...

Из хвоста самолета приближается Генри. Он чисто выбрит, причесан, в руках у него бритвенный прибор и полотенце. Секунду он смотрит на происходящую сцену, потом кладет тяжелую руку на плечо солдата.

— Это место занято, приятель...

— Что? Доблестная морская пехота...

— Место занято, — рывком Генри подымает солдата. — Ясно?..

Генри садится, загородив собой девушку. Она благодарно смотрит на неожиданного спасителя.

— Большое спасибо...

— Ерунда, я просто привык к этому креслу.

Укладывая в чемодан бритвенный прибор, Генри задевает лежащую на ручке кресла книгу — ее читала соседка. Он подымает книгу, заглядывает в раскрытую страницу.

— «Презумпция невиновности». — Морщит лоб, вспоминая, — «...подразумевает, что суд исходит из принципа презумпции невиновности... Это означает... это означает...» Черт возьми, забыл, что это означает!..

— Вы юрист?

— Бакалавр права... Так что же все-таки означает этот принцип?

— Что обвиняемый не обязан доказывать суду свою невиновность.

— Хм... Оказывается, от долгого бездействия даже знания ржавеют... Итак, вы мой коллега?

Девушка улыбается.

— Будущий... Я еду поступать в университет.

— О! Куда же? В Эдинбург или в Сорбонну?

— Нет. В МГУ.

— М-Г-У?
— Да. В Москву.
— В Москву?! — Генри с изумлением глядит на соседку. — И вы не боитесь? Или, может быть, вы сами коммунистка?!

Лицо девушки становится отрешенно строгим.

— Нет... Но моего отца сжег напалм... Летчик, сбросивший бомбу, быть может, окончил Сорбонну...

Она отворачивается к окну.

Генри, скрывая замешательство, резко нажимает кнопку звонка, ведущего к стюардессе.

Во втором салоне по-прежнему тишина. Пожилая американка дремлет. Ее муж украдкой перелистывает журнал с обнаженной красоткой на обложке. Впрочем, как только супруга открывает глаза, он тут же снова берется за молитвенник.

А впереди — два человека, чье молчание каждую секунду может лопнуть, как перетянутая струна. Агент не выдерживает первым.

— Простите, — говорит он. — Если не ошибаюсь, доктор Гюнтер?

Седой пассажир медленно поворачивает голову.

— Вы ошиблись! Меня зовут Дюбуа... — И как бы желя утвердительно в этом, повторяет: — Филипп Дюбуа...

Но агент не склонен отступать.

— Удивительное сходство! Могу побиться об заклад, что лечился в вашей клинике в Гайтбурге!

Пассажир вынимает сигареты. Взгляд агента падает на его левую руку. Она в перчатке.

— И проиграете... — спокойно говорит седой пассажир, поправляя перчатку. Не торопясь закуривает. — Я не врач... И никогда не был в Гайтбурге...

ПЕРВЫЙ САЛОН

Иржи опускает камеру.

— Вот и все! Кажется, мы с тобой сняли неплохой план.

— Он попадет в фильм? — спрашивает мальчик.

— Весьма возможно...

— А какие вы снимаете фильмы?

— Разные...

— А полнометражные, художественные — тоже?

Осведомленность мальчика для Иржи неожиданна.

— М-м... Как тебе сказать... — Иржи покосился на равнодушную соседку. — В общем приходится...

В глазах Кристины, кажется, впервые промелькнул интерес.

Впереди широкая спина бывшего диктатора. Выпрямившись в кресле, он диктует секретарю:

— «Во имя свободы и человеколюбия я обращаюсь ко всему цивилизованному миру с призывом поднять голос протеста против кучки бунтовщиков, узурпировавших

Англичанин

Филуменист

власть в моей стране, восстановить поправную справедливость и вернуть былое величие...»

Но, по-видимому, даже спутники экс-диктатора не верят в возможность возвращения былого. Во всяком случае, его яркая подруга гораздо больше заинтересована сейчас представителем фирмы «Грехэм, Грехэм и Дриблинг».

Раскрыв чемоданчик, комми демонстрирует ей образцы товаров.

— Какой изящный флакон! Что это?

— «Эликсир молодости». Секрет, сообщенный перед смертью Евой Браун. От трех до семнадцати капель на ночь — и через месяц даже ваша бабушка... — Комми, наклонившись к уху дамы, заканчивает фразу.

Подруга диктатора, отталкивая комми, смеется.

— Возьмите на память. Лет через пятьдесят попробуйте, синьора... синьора...

— Можете звать меня просто Тереза...

Диктатор закончил.

— Как подписать, ваше превосходительство? — спрашивает секретарь.

— Подпиши просто: Рамон Хуан Альварес Мария Бальтазар Лопес — президент.

— Вот! — комми торжественно вынимает из чемодана маленький пакетик. — Лучшее произведение нашей фирмы. Один порошок — и вот результат: этот не верящий в медицину господин проспит до самой посадки!

Комми толкает в бок соседа. Тот только всхрапывает во сне.

— Возьмите, когда-нибудь пригодится...

Генри продолжает яростно нажимать кнопку звонка.

— Черт побери! Можно умереть от жажды, а эта девчонка наверняка болтает с экипажем!

Флегматичный толстяк смотрит на часы.

— Видите, — говорит он соседу, — я был абсолютно прав: час давно прошел, а завтрака нет и в помине!

Он достает термос. Но филумениста волнует другое.

— Мы еще не набрали высоту?

Толстяк на секунду перестает жевать.

— Вам хочется еще выше? Мы уже второй час летим по курсу.

— Тогда почему же...

Филуменист указывает на горящую табличку «Не курить».

— Спросите у стюардессы. — Толстяк вновь принимается за еду. — Я же говорил, что этим новомодным штучкам нельзя доверять.

— Извините...

Филуменист выбирается в проход и направляется к кабине пилотов.

Деликатно стучит в закрытую дверь. Никто не отвечает. Старичок стучит еще раз. Ответа нет.

— Прошу прощения...

Осторожно открыв дверь, скрывается в кабине...

...На передней панели салона, как раз над дверью в кабину пилотов, три круглых циферблата.

Альзиметр, стрелка которого слабо колеблется возле цифры 9 тысяч метров...

Указатель скорости, показывающий около 400 километров в час...

И часы, отсчитывающие второй час полета...

Филуменист появляется в салоне через несколько мгновений. Он так бледен, что Генри невольно поднимается ему навстречу.

— Что с вами?

Филуменист слабо машет рукой в сторону кабины экипажа.

Генри опускает обессилевшего старичка в свое кресло и открывает дверь кабины...

Приборы над дверью показывают ту же высоту и скорость.

И только минутная стрелка часов продвинулась на два деления вперед.

Генри, вернувшись в салон, тщательно прикрывает за собой дверь. Он изменился. Исчезла куда-то равнодушная ленца. Генри медленно обводит глазами салон.

Миссионер... Слегка протрезвевший солдат... Спящий худой человек... Комми, любезничающий с яркой соседкой... Надутые молодожены... Иржи, болтающий с мальчишкой... Толстяк с термосом в руках... Неподвижная как изваяние женщина в сари.

Все заняты своим делом. Только студентка не спускает с Генри тревожного взгляда. Но Чармену сейчас нужна не она. Он снова оглядывает пассажиров...

— ...А вам приходилось снимать фильмы с участием Евы Пристли? — спрашивает оператора мальчик.

Американка и американец

В его глазах мелькает лукавинка, которой Иржи, увы, не замечает.

— Ева Пристли? — Иржи уже не рад, что затеял этот разговор: мальчишка оказался невероятно дотошным. — «Женщина в красном»?

— «Женщина в красном», «Смерть среди слив», «Семнадцатый перекресток», «Тайна леди Бенджамен»... — радостно затараторил мальчишка. Он, видимо, недюжинный знаток кинематографа.

— М-м... — Красивая соседка оставалась такой равнодушной, что Иржи не удержался от искушения: — Как же... Конечно... Приходилось!

Кристин сбернулась и на этот раз посмотрела на молодого оператора с нескрываемым любопытством.

Плеча Иржи касается рука Генри Чармена.

— Прошу прощения... Можете уделить мне две минуты?

Оператор вскидывает глаза.

— Ничего особенного... — предупреждает вопрос Генри. — Просто необходима маленькая консультация... Нет, нет, камеру можете оставить...

Теперь к встревоженному взгляду студентки прибавился недоумевающий — Кристин и заинтересованный — мальчишки.

Генри и оператор скрываются в кабине.

Филуменист вздрагивает от звука захлопнувшейся двери.

— Вам плохо? — склоняется к нему студентка.

— Чепуха! — произносит солдат. — Старикашку просто укачало... Вот лучшее средство!

Он вытаскивает плоскую фляжку, отвинчивает колпачок.

— Ну-ка, глотни, старина...

Филуменист машинально повинуется. Делает глоток, другой.

— Еще, еще... — подбадривает солдат. — Вот так!

— Перестаньте! — отталкивает руку солдата девушка.

— П-сс, малютка!.. Сейчас он будет в полном порядке. Верно, старина?
Филуменист тяжело переводит дух.

КАБИНА

На полу недвижно лежит стюардесса. Рука девушки протянута к двери. Ей не хватило одного мгновения, чтобы добраться до выхода.

Рядом на койке бортинженер. Глаза его закрыты.

Дальше направо, соскользнув с кресла, скорчился на полу, не сняв наушников, радист.

Слева, уронив голову на столик, согнулся штурман.

Впереди, запрокинув головы, неподвижны командир и второй пилот...

И, как в страшном сне, маленькими толчками сам подается вперед и назад полумесяц штурвала...

Прижавшись к двери, с ужасом смотрит на эту картину потрясенный Иржи...

Иржи приподымает с пола стюардессу, усаживает ее около стены. Генри бросается к бортинженеру. Тормозит его. Юноша неподвижен. Иржи кидается к пилотам. Тщетно пытаются привести их в чувство. В глазах оператора растерянность и страх...

Глухой звук заставляет его обернуться. Это вновь бесильно опустилась на пол стюардесса...

САЛОН

Из кабины появляется Иржи. Из глаз его исчезла мальчишеская беспечность. Поднимает руку, призывая к вниманию.

— Здесь есть врач?

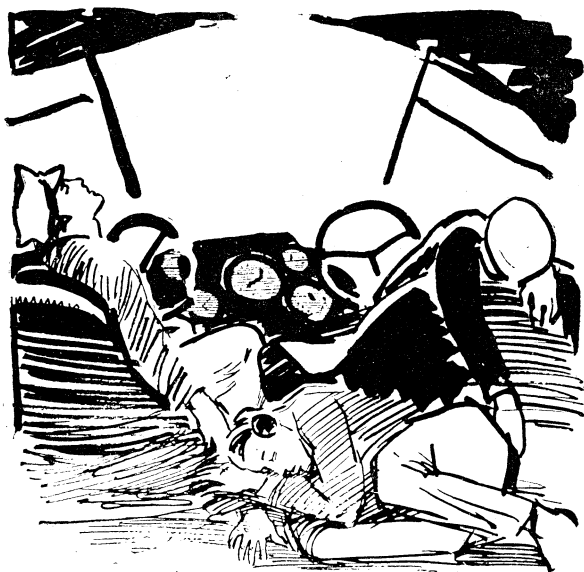
Пассажиры, умолкнув, переглядываются.

— Срочно нужен врач! — повторяет Иржи.

— Что случилось?

— Ничего особенного! Вдруг стало плохо стюардессе. Нужна помощь. Есть на борту врач?

Слова Иржи отчетливо слышны через открытую дверь во втором отделении салона.

Пассажир, назвавшийся Дюбуа, невольно подается вперед, но, натолкнувшись на пристальный взгляд человека в плаще, тут же откидывается обратно в кресло.

— Что же вы? — спрашивает Тереза коммивояжера. — Помогите!

— Понимаете... — растерянно отвечает тот. — Я пятнадцать лет торгую лекарствами, но, разрази меня бог, если сумею отличить аппендицит от воспаления легких...

В последнем ряду поднимается женщина в сари.

— Я была медицинской сестрой...

Иржи обрадованно бросается к ней.

— Идите скорей! Девочка пусть посидит здесь. — Он наклоняется к Кристин: — Вы присмотрите за ней?

Оператор, приподняв девочку, переносит ее на свое место. На мгновение головы Иржи и Кристин оказываются рядом.

— Что-нибудь серьезное? — тихо, одними губами спрашивает женщина.

— Да... — так же тихо отвечает Иржи.

Вот сейчас между ними, кажется, установилось то интимное понимание, которого оператор тщетно добивался в течение полутора часов.

— Но неужели нет ни одного врача! — восклицает Иржи. — Ведь речь идет о жизни человека!

Сейчас Иржи стоит между двумя салонами. Его фигура отчетливо видна седому пассажиру.

Не услышав ответа, Иржи направляется к кабине, где уже скрылась женщина в сари.

— Погодите!

Седой пассажир решительно поднимается.

— Я врач!

Агент едва удерживает счастливую улыбку. Он тут же бросается вслед за пассажиром.

Иржи, пропустив в кабину врача, поворачивается к нему.

— Вы тоже врач?

Агент протягивает оператору служебное удостоверение.

Иржи, усмехнувшись, возвращает его обратно.

— Здесь это не имеет силы...

Он захлопывает дверь.

КАБИНА

Здесь все по-прежнему. Мерно пощелкивают приборы. Недвижны люди. И сама едва заметно передвигается взад и вперед рукоятка штурвала...

— Что с ними? — невольно шепотом спрашивает врач.

— Не знаю... — говорит Иржи. — Кажется... спят...

— Перепились... — мрачно предполагает Генри. — Теперь мы все полетим в тартарары!

Врач и женщина в сари склоняются над стюардессой. Осторожно переворачивают девушку.

Врач проверяет пульс, прикладывает ухо к груди. Выпрямляется.

Пробует пульс бортинженера. Резко приподнимает его, трясет.

Глаза юноши по-прежнему закрыты. Врач осторожно опускает его голову. Вглядывается в лица пилотов.

— Ну?... — не выдерживает Иржи.

— Они действительно спят... — медленно говорит врач.

САЛОН

Пассажиры взволнованы. Легкий рокот разговоров пробегает по рядам.

Дверь, ведущая в кабину, открывается. Выходит Иржи.

Все стихает.

— Есть небольшое сообщение... — Встретившись глазами с мальчиком, он старается улыбнуться. — Дело в том...

КАБИНА

По-прежнему ведут свой немой рассказ приборы. Дрожат стрелки, вспыхивают огоньки. И между бессильно опущенными руками спящего командира маленькими толчками поводится вперед и назад штурвал самолета.

САЛОН

— ...Самолетом управляет автопилот. Непосредственной опасности нет, — по-прежнему улыбаясь, заканчивает Иржи. — Врач принимает меры, чтобы разбудить летчиков. Прошу всех спокойно оставаться на местах...

Но последняя просьба оказывается излишней. Все и так застыли в креслах. В салоне мертвая тишина. Только мерно гудят моторы.

Замерла Кристина, инстинктивно прижав к себе смуглую девочку в сари.

Замер с поднятой для крестного знамения рукой миссионер.

Льется на пол содержимое фляжки солдата, и этого не замечает ее владелец...

Машинально раскрывает и закрывает книгу студентка...

Судорожно вцепилась в рукав мужа молодая жена...

Тереза, как автомат, продолжает красить губы, не замечая, что на ее лице уже уродливый красный шрам.

В мелкие клочья рвет только что написанный документ секретарь.

Застыл диктатор с отвисшей челюстью...

Толстяк с непрожеванным бутербродом...

Безмятежен лишь спящий, мирно похрапывающий в кресле у окна...

Летит самолет. Четыре мотора несут его тяжелое тело. Четыреста километров в час, семь километров каждую минуту остаются позади...

КАБИНА

Врач и женщина в сари склонились над вторым пилотом. Летчик обнажен до пояса. Грудь мерно подымается.

Иржи (тревожно): Ну что?

Врач: Это какой-то сильнодействующий наркотик.

Генри (он стоит у столика штурмана и трогает висящего на шнурке олененка): Мы сейчас не очень отличаемся от него...

В закрытую дверь кабины раздается резкий стук.

Иржи хочет открыть.

— Не надо... — останавливает его врач. — Здесь каждый лишний человек — помеха.

Чьи-то кулаки с яростью обрушиваются на закрытую дверь.

САЛОН

Стоящий у двери кабины агент с гримасой боли опускает разбитый кулак.

— Может быть, попробуете вы, святой отец? — со злостью бросает он.

Миссионер с завидной силой грохает в дверь. К нему присоединяется солдат.

КАБИНА

Отчаянный стук в дверь.

Генри (вставая): Они разнесут всю колымагу.

Он открывает дверь.

Появляются агент и дородный миссионер. Из-за их спин выглядывает солдат.

Агент: Я требую...

Врач подымает голову. Секунду они меряют друг друга взглядом.

Врач (очень спокойно): Вы считаете, что я могу отсюда исчезнуть?..

Агент не находит ответа.

Генри (миссионеру): В чем дело, святой отец?

Миссионер: Парашюты! Где парашюты?!

Генри: Поинтересуйтесь у своего небесного патрона. На борту самолета их нет.

Миссионер (бледнея): Не может быть!..

Генри: Правила... Неумолимые правила международных авиалиний. Стоит ли так волноваться, святой отец? Уж вы-то, наверное, обеспечили себе теплое местечко на том свете...

Воспользовавшись замешательством вошедших, он выталкивает их за дверь и на всякий случай подпирает ее плечом.

ВТОРОЙ САЛОН

Теперь здесь только чета респектабельных американцев.

Она неподвижна. В руках зажат молитвенник.

А он лихорадочными, неверными движениями пытается закрепить на себе спасательный пояс.

ПЕРВЫЙ САЛОН

Торопливо надевают пояса молодожены, комми, агент...

— Погоди, Кристин, погоди же... — отбивается мальчик от женщины, пытающейся надеть на него пояс.

В руках у него камера Иржи, и он увлеченно «обучает» киносъемке свою маленькую смуглую соседку.

— Смотри! Это совсем просто... Поворачиваем объектив, наводим фокус... Теперь нажимаем вот эту кнопку...

Миссионер, надевая пояс, сбрасывает мешающую ему сутану. Под ней оказываются модные узкие брючки и остроносые ботинки.

КАБИНА

Осторожный стук в дверь.

— Какого дьявола!.. — поворачивается Генри. — А... это вы...

На пороге с охалкой спасательных поясов стоит маленькая студентка.

— Простите... Я подумала... Может быть...

— Спасибо, дитя, — говорит врач.

Взяв пояс, он подходит к спящей стюардессе.

— Ну-ка, помогите...

Иржи и сестра приподнимают стюардессу.

Студентка протягивает пояс Генри.

— Спасибо... — Генри повертел пояс. — А вы?

— Сейчас надену...

— Давайте помогу... Бойтесь?

Девушка смотрит прямо в глаза Чармену.

— Нет... Просто не хочу!.. — она застегивает пояс. — Теперь ваша очередь...

— Не люблю лишней одежды, — усмехается Генри, отбрасывая свой пояс. — А потом какая разница? «Тот, кто умер в этом году, во всяком случае избавлен от смерти в следующем...»

Девушка вспыхивает.

— Жестокая философия эгоиста!

— Видите ли, до меня эту мысль высказал Шекспир...

САЛОН

Флегматичный толстяк тщательно закрепляет на груди филумениста спасательный пояс. Захмелевший старичок вздрагивает от прикосновения пальцев соседа.

— Извините... Ой! Оставьте!.. Я с детства боюсь щекотки.

— А акул? — совершенно серьезно спрашивает толстяк. Филуменист покорно замирает.

Перед Терезой на сиденье — маленький чемоданчик. Она перекладывает в него содержимое большого чемодана и ручной сумочки. Мелькают какие-то дамские пустяки: чулки, туфли, пузырьки...

У окна набивает такой же чемоданчик диктатор. Здесь содержимое куда солидней: драгоценности, пачки банкнот...

Чемоданчик Терезы никак не закрывается.

— Хозе, помоги!

Вдвоем с секретарем наваливаются на крышку.

— Хозе! — взвизгивает диктатор, тоже тщетно пытающийся закрыть чемодан. — Оставь эту идиотку! Помогите мне!

Секретарь бросается к патрону. Крышка чемодана Терезы отскакивает. Летят туфли, пузырьки, свертки...

КАБИНА

У панели с приборами Генри.

— Насколько я понимаю в этой тарабарщине, — говорит он, — бензина хватит еще на четыре часа.

Врач отирает со лба пот.

— Тот, кто дал снотворное, хорошо рассчитал.

Иржи бледнеет.

— Вы думаете...

— Я не сомневаюсь, — твердо говорит врач. — Это не могло произойти само собой...

САЛОН

Тереза, стоя на коленях, собирает рассыпавшиеся вещи. В ее руке оказывается маленький пакетик — тот самый, что шутя подарил комми. Из пакетика сыплется белый порошок.

Тереза хочет отбросить пакетик, но ее останавливает внезапно родившаяся мысль. Она пристально смотрит на коммивояжера.

Переводит взгляд на его безмятежно спящего соседа, потом снова на комми.

На высоте девяти километров мир безмятежен и чист. Ясное небо, яркое солнце, белая кипень облаков. Залит ярким послеполюденным солнцем летящий самолет...

САЛОН

Встав на колени, обратив свой взор к альтиметру, иступленно молится миссионер. К нему склоняется бледный агент.

— Позаботьтесь о ближних, святой отец! Тут все нуждаются в утешении господнем!..

ВТОРОЙ САЛОН

Пожилой американец с ужасом смотрит вниз в окно. Его супруга остается неподвижной. В ее руках судорожно зажат молитвенник. Невидящие глаза устремлены вдаль.

САЛОН

Тереза, перегнувшись, что-то тихо говорит Кристин.

Та с изумлением смотрит на комми.

Миссионер дрожащими пальцами продергивает на магнитофоне пленку. Нажимает кнопку. Раздаются торжественные звуки органа...

ВТОРОЙ САЛОН

Звучат органные аккорды.

Пожилая американка внезапно выпрямляется. Протягивает руку мужу.

— Час настал! Пойдем!..

КАБИНА

Здесь продолжается борьба за спасение.

— Нашатырь... — коротко бросает врач. — Еще там пон... Еще...

Сильный удар распаивает дверь.

Влетает всклокоченный, с расстегнутой грудью солдат.

— К черту! Я не хочу умирать в мышеловке! Сажайте самолет! Сажайте!..

Он бросается к штурвалу. На его пути оказывается Иржи. Завязывается яростная схватка.

Врач и женщина в сари не прерывают работы.

Иржи отлетает в сторону. Солдат оказывается у штурвала. Еще секунда...

В последнее мгновение выпрямляется Генри. Сильный удар отбрасывает солдата к двери.

Иржи, подхватив обмякшее тело, выталкивает солдата в салон.

— Еще нашатырь... — говорит врач, не отрываясь от работы. — Еще, сестра...

САЛОН

Забыв раздоры, испуганно прижалась к мужу молодая женщина.

— Успокойся... — сбивчиво говорит он. — Опасности нет... Я отлично плаваю... Сегодня вечером пойдем в театр... Ты хотела посмотреть эту новую пьесу... Опасности нет... Ты всегда отлично ныряла... Лучше пойдем в ресторан... Самый дорогой... Закажем королевский ужин. Не беспокойся... В океане всегда масса спасательных судов... Опасности нет...

Тереза шепчет что-то на ухо толстяку. У того округляются глаза.

Звучит орган.

Прямая как свеча американка падает на колени перед миссионером.

— Святой отец! Мой грех! За него карает нас создатель! Перед лицом смерти я должна облегчить душу. Всю жизнь несла я тяжкий грех лжи. Всю жизнь я скрывала, что во мне есть кровь черных!..

КАБИНА

Врач закуривает сигарету, смотрит на часы.

— Еще три часа спокойного полета...

Иржи: Если не встретится какого-нибудь препятствия...

Генри: И будет хорошая погода... Совсем как на воскресном пикнике...

Иржи (стискивая кулаки): Кто? Кто мог это сделать?!

САЛОН

— Это он! — восклицает Тереза. Ее лицо, перечеркнутое красным шрамом помады, страшно.

Перед ней бледный, перепуганный коммивояжер.

Вокруг разъяренное кольцо: солдат, миссионер, диктатор, его секретарь, молодой муж, американец...

Комми пытается что-то сказать, но язык не повинуется ему. У него вырывается нечто похожее на бляение.

Кольцо сжимается.

Кристин, закрыв глаза, прижимает к себе обоих детей.

— Стойте!

К коммивояжеру пробивается агент. На помощь агенту, тяжело дыша, спешит флегматичный толстяк. Впрочем, подойти к комми он не может, застряв в узком проходе рядом с тучным диктатором.

— Остановитесь! Все должно быть по закону!

— Правильно! — поддерживает толстяк. — Мы вздернем его, но нужен судья!

Маленькая студентка торопливо проскальзывает в кабину.

— К черту! — кричит солдат. — Линч!

— Я сам покараю грешника! — вторит миссионер, обнажая мускулистую руку.

— Судья! Нужен судья!

— Вот судья! — провозглашает студентка.

За ее спиной недоумевающий Генри.

Агент: Вы судья?

Генри: Собственно...

Студентка (поспешно): Он бакалавр права!..

Агент: Согласны ли вы принять на себя обязанности судьи?

Генри: Гм... Видите ли... (Несмотря на ситуацию, Генри не покидает юмор.) Я не захватил с собой мантши.

Толстяк (абсолютно серьезно): Не имеет значения... Важно только, чтобы все было по закону...

Генри пожимает плечами.

— Извольте...

Люди расступаются. Солдат неохотно отпускает комми. Миссионер не без сожаления расправляет рукав. Помятый «преступник» со страхом подымает голову.

Генри: В чем его обвиняют?

Тереза: Это он!

Генри: Кто он?

Диктатор: Убийца!

Американец: Он усыпил команду!

Генри вздрагивает.

Комми: Поверьте, я не виноват. Это была шутка...

Молодожен: Странные шутки!..

Миссионер: Он похвально своим гнусным деянием!

Тереза: Пусть он докажет, что это не так!

Диктатор: Пусть докажет!

Генри бросает беспомощный взгляд на студентку. Та что-то беззвучно шепчет. Генри угадывает. Широким жестом простирает руки.

Генри (торжественно): Принцип презумпции невиновности...

Как ни странно, но эти слова оказывают какое-то действие на разгоряченных людей.

Генри: ...означает, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность... (Он напряженно вспоминает и, наконец, облегченно заканчивает.) А суд, если он имеет достаточно оснований, обязан доказать его вину! Есть у вас доказательства?

— Есть! — говорит Тереза и показывает пакетик. — Вот этим он усыпил своего соседа!

Генри: Это верно?

Комми: Да... Но поверьте... Только шутка... Я хотел лишь доказать, что наша фирма...

Генри: Ну, — он кивает в сторону кабины. — А тех?

Комми: Клянусь! Если б я знал, что такое случится, никогда бы не сел в этот проклятый самолет!..

Солдат (отталкивая Генри): К черту! Они заодно!

КАБИНА

Здесь по-прежнему только шумят моторы.

Врач устало опускается в кресло.

Иржи (дрогнувшим голосом): Все?

Врач (не сразу): Я испробовал все возможное. Нужен кофеин...

Женщина в сари: В аптечке нет, доктор...

Врач: Я знаю... Но если б мы имели хоть дощину ампул кофеина!..

Иржи: Стоп, доктор! По-моему, среди пассажиров был фармацевт!..

САЛОН

Бац! Солдат с размаху бьет комми фляжкой. Тот едва успевает прикрыться чемоданчиком. Чемоданчик летит на пол. Разлетаются ампулы и порошки.

— А-а!!!

Респектабельный американец с визгом топчет лекарства.

— Бандит!..

— Убийца!..

— Торговец смертью!..

Генри отброшен в сторону. Кристин вновь закрывает глаза.

— Стойте!

Это звучный голос седого врача. Он появился в салоне вместе с Иржи.

— Остановитесь!

На долю секунды устанавливается зыбкая, готовая взорваться тишина.

И в это мгновение раздается голос мальчика:

— Мама!.. Мы падаем!

Забыв о комми, все бросаются к окнам.

За иллюминаторами подымается клочковатая масса облаков. Кажется, самолет действительно стремглав рушится вниз.

Иржи поворачивается к высотомеру.

— Успокойтесь! — кричит он. — Самолет не снижается!.. Это облака. Они подымаются вверх!

Стрелка альтиметра отрезвляет людей.

— Оставляйте все на местах! — властно приказывает врач. — Категорически запрещаю двигаться. Самолет может потерять равновесие!..

Люди застывают в креслах.

Облака за окнами рассеиваются. В салон врывается солнце. Становится очень тихо. Стыдясь того, что только что происходило, пассажиры стараются не смотреть друг на друга.

— Кто здесь фармацевт? — спрашивает врач.

— Я...

Из-под кресла вылезает растерзанный комми.

— Есть у вас кофеин в ампулах?

— Был... — грустно говорит комми.

— Найдите. Это наше спасение! — Врач обводит глазами пассажиров. — Я хотел бы напомнить, что мы можем рассчитывать только на наши общие силы...

— Умеет кто-нибудь обращаться с радио? — спрашивает Иржи. — Надо попытаться связаться с землей.

Короткая пауза. Молодожен поднимает руку.

— Я окончил электротехнический колледж... Могу попробовать...

Летит самолет...

Вверху неподвижно повисло солнце.

Под раскинутыми крыльями исчезают и вновь появляются облака. А далеко внизу по-прежнему мелькает то безмятежно синий, то свинцово-серый простор океана.

Летит самолет... Откуда-то сначала тихо, потом все отчетливее начинает доноситься шум. Это работают радиостанции. Постепенно из шума настройки, из свиста помех, сбрысков музыки и фраз вырываются отдельные голоса.

1-й голос: Внимание! Внимание! Продолжается матч века. «Леопард» Девис против «Кобры» Макдуэлфа... (Рев толпы.) Вы слышите! Вы слышите! Ударом ноги в живот Макдуэлф опрокидывает Девиса. «Леопард» вынужден защищаться... Он захватывает руку противника... Вывертывает пальцы...

КАБИНА

Молодой электрик, сидящий у рации, поворачивает ручку настройки. В наушниках звучит другой голос. Чистый голос ребенка.

2-й голос: ...У старика и старухи
Был котенок черноухий,
Черноухий
И белощекий,
Белобрюхий
И чернобокий.
Стали думать старик со старухой:
«Подрастает наш черноухий...
Мы вскормили его и вспоили,
Только дать ему имя забыли...»

Грохот взрыва заглушает голос ребенка...
К летящему самолету стремится еще один возбужденный голос.

3-й голос: Слушайте! Слушайте! Микрофоны нашей компании на полигоне «Аш восемь дробь бета шесть!» Только что здесь произведен взрыв нового секретного снаряда невероятной поражающей силы... Этот эксперимент открывает новые возможности в великом деле защиты демократии свободного мира... Слушайте! Слушайте!..

Этот голос сменяет поющий хор. Звучит спиричуэлз — молитва американских негров, в которой причудливо переплелись песнопения христиан с ритмическими песнями язычников Африки...

Поворачивается ручка настройки.

4-й голос: Акмолинск. Сегодня с городского вокзала в отдаленные целинные районы отправились поезда-универмаги. Они везут новоселам одежду, обувь, сборные жилые дома, книги, радиоприемники, мотоциклы.

5-й голос: Ашхабад. Вчера в торжественной обстановке здесь открылось новое учебное заведение — Институт инженеров водного транспорта. Выпускники этого института станут специалистами флота будущего Кара-Кумского моря.

САЛОН

Рядом со студенткой, закрыв лицо руками, сидит потевшая всю респектабельность американка.

Истерически всхлипывает солдат. Теперь видно, что он совсем молод, почти мальчик. Он плачет, доверчиво заливая слезами старомодный пиджак филумениста.

Между рядами ползают на полу в поисках ампул комми, миссионер и пожилой американец.

Американец (показывая комми коробочку): Эта?

Комми: Нет... Та была из пластмассы...

Миссионер (случайно толкнув комми): Простите, я, кажется, задел вас...

Комми: Нет, нет, нисколько...

Миссионер: Извините, пожалуйста... (Поднимает флакон.) Простите, не этот?

Комми: Нет... Это «Эликсир молодости».

Американец: Но где же кофеин?!

Комми (огрызнувшись): Об этом надо спросить у вас!..

КАБИНА

Осторожно прощупывая эфир, движется рукоятка на-стройки. Бьется в наушниках голос земли.

2-й голос: ...Точит дерево мышка-воришка.

Не назвать ли нам кошку «Мышка»?

— Нет, старуха, —

Старик отвечает...

И снова в наушниках звучит хор. На этот раз мрачный, настороженный. Эти голоса слышала Европа два десятилетия назад. С этой песней шли гитлеровские молодчики по залитой кровью земле. И вот она опять звучит сегодня, наступающая на чистый голос ребенка.

Но, отбрасывая песню, врывается новый голос — сильный и страстный.

6-й голос: Я, сын Африки, стою здесь перед вами... Я, сын раба и внук раба, сегодня торжественно заявляю всему миру — я свободен! Мой народ свободен! Моя родина свободна!

САЛОН

— Нашел! — восклицает комми.

У него в руках маленькая пластмассовая коробочка. Комми подымается. Покачнувшись, чуть не роняет коробочку. Тереза испуганно вскрикивает.

— Какая неосторожность! — возмущается американец.

Комми бережно открывает коробочку. Вырывается облегченный вздох.

Маленькие уложенные рядками ампулки целы!

КАБИНА

Бесцветная жидкость наполняет шприц... Врач нажимает поршень... Снова наполняет шприц... И опять нажимает поршень... И еще... И еще... И еще... Врач вытирает руки. Достает пачку сигарет. Она пуста.

Тут же пять рук протягивают сигареты.

— Теперь грелки, — говорит врач. — Горячие грелки... Непрерывно, всем... Как можно больше и горячей!..

БУФЕТ В ХВОСТЕ САМОЛЕТА

На электроплите дымится кипятилок.

Тереза выливает из бутылок минеральную воду и лимонад.

Кристин и студентка наполняют их кипятком. Тут же на столе фляжки толстяка и солдата.

Филуменист протягивает Кристин сверток.

— Вот... Жена положила в дорогу...

В свертке настоящая резиновая грелка.

КАБИНА

Жена электрика вносит горячие бутылки.

— Скорей! — торопит врач. — Еще... Скорей!..

БУФЕТ

Мелькают руки, разливающие кипятком.

Бутылки, фляжки...

САЛОН

Живая цепь протянулась через весь самолет. По рукам стремительно движутся от буфета к кабине бутылки, фляжки, грелки...

От Кристин к Терезе, от Терезы к комми, от комми к филуменисту, от филумениста к жене электрика, от жены электрика к агенту...

Последней в ряду оказалась пожилая американка. Она передает грелки в кабину смуглой женщине в сари...

От хвоста к кабине, от кабины к хвосту и снова назад бегут по живой цепи предметы, несущие тепло, надежду, спасение...

В стороне только диктатор и его секретарь.

Да Иржи, забравшись на спинки кресел, снимает, снимает, снимает...

КАБИНА

Электрик подымает голову.

— Есть связь!.. Нам отвечает земля!..

Все смолкают. Пассажиры собираются у распахнутых дверей кабины. В наступившей тишине доносится далекий голос:

— Вас слышу. Вас слышу... Прошу позывные... Прошу позывные...

Электрик (в микрофон): Я не знаю!.. Мы вылетели четыре часа назад...

Земля: Дайте ваши координаты.

Электрик: Это невозможно!

Земля: Что у вас происходит?

Электрик: Экипаж кто-то усыпил. Самолет летит под управлением автопилота...

Долгая пауза. Голос умолк.

Электрик: Земля! Земля! Почему молчите? Почему молчите? Земля! Вы нас слышите?

Земля: Вас слышу... Вас слышу... Мы попытаемся за-

пеленговать ваши координаты. Говорите без перерыва в микрофон, пока я не остановлю... начинайте.

Пауза.

Земля: Мы ждем. Начинайте.

Электрик (растерянно): А... что говорить?

Земля: Что хотите. Рассказывайте свою биографию... Скорее — можем потерять связь!

Электрик: Я родился пятого мая сорок первого года... В сорок седьмом году поступил в школу. В пятьдесят седьмом — в колледж. Месяц назад женился... (Умолкает.) Все...

Тишина в самолете взрывается. Люди бросаются к микрофону. Каждый боится, что сейчас прервется эта невидимая ниточка, связывающая их с миром.

— Говорите!

— Скорее!

— Дайте я!

— Я!

— Я расскажу!

— Дайте микрофон!

Седой врач, отстранив электрика, садится к микрофону.

— Внимание! — быстро говорит он. — Внимание! Земля, слушайте меня... Я родился седьмого октября 1913 года в городе Франкфурт-на-Майне... В тридцать пятом году окончил Йенский университет. Получил степень доктора медицины. Два года пробыл в Испании. Участвовал в боях под Лас-Аренос, Мадридом и Гвадаррамой... В тридцать седьмом году был интернирован во Франции. В 1941 году вступил в отряды маки. В сорок третьем арестован гестапо. Приговорен к смерти. Бежал. Окончил войну майором в частях союзников. После войны работал главным врачом клиники города Гайтбурга. Был арестован боинским правительством в... — Он на мгновение запнулся. — В октябре 1952-го... — торопливо подсказывает агент.

Врач: В октябре 52-го... Бежал...

Земля: Достаточно. Благодарю вас... Записывайте...

Агент поспешно кладет перед врачом записную книжку, протягивает авторучку.

Земля: Ваш курс северо-северо-запад... Вы достигнете пункта назначения примерно через два часа.

Врач: Можете вы помочь нам приземлиться?

Земля: Мы теряем с вами связь. Но аэропорт будет предупрежден... (Голос постепенно слабеет.) Наблюдайте за высотой и уровнем горючего... Метеосводка благоприятная... (Голос совсем замирает.) Желаем удачи!.. Желаем удачи!..

Солнце склоняется к западу. Огненный шар приближается к белоснежной пелене облаков.

В закатных лучах летит самолет...

САЛОН

Пассажиры снова сидят на местах, но совсем не в том порядке, что несколько часов назад при взлете. И вообще здесь многое, по-видимому, изменилось.

Беспокойно мечется в кресле комми. Он тяжело дышит, держится за грудь.

Над ним склонилась Тереза со стаканом воды в руках.

— Примите что-нибудь...

Комми вздрагивает.

— Никогда! Я не могу видеть этих проклятых лекарств...

У меня болят бока от самолетных кресел и стынет кровь от холодных простынь гостиниц... Я хочу умереть в своей постели... В своем доме...

— Успокойтесь! — Тереза заботливо расстегивает ворот рубашки коммивояжера. — Вам нельзя волноваться...

— ...И никаких лекарств!

После бурной вспышки комми обессиленно откидывается в кресле. Тереза платком обтирает его лоб.

— Спасибо... — комми пытается улыбнуться. — У вас на щеке...

Тереза достает пудреницу.

— Святая Мария! — В зеркальце виден ее «кровавый» шрам. — И никто не сказал мне этого раньше!

— Могу предложить, — привычно говорит комми, — лучшую в мире несмываемую помаду фирмы «Грехэм, Грехэм...».

КАБИНА

Накрытые плащами и пальто пассажиров, лежат члены экипажа. Они все еще спят.

— Через час, — говорит врач, — повторим инъекцию.

— Есть надежда? — спрашивает Иржи.

— Надежда, мой друг, есть всегда... Но пока нам остается только ждать...

Врач достает сигарету, щелкает зажигалкой. Она не горит...

САЛОН

Нервно щелкает зажигалкой агент. Теперь он сидит впереди рядом с миссионером. Наконец вспыхивает слабый язычок пламени.

Агент дает прикурить миссионеру, прикуривает сам.

— Разрешите...

Это наклоняется появившийся из кабины врач.

Агент гасит зажигалку и тут же зажигает вновь. Подносит пламя к сигарете врача.

Врач: Можно подумать, что вы участвовали в войне. Ваша зажигалка...

Агент. Участвовал... (Заметив вопросительный взгляд врача.) Был во Второй армии в Арденнах.

Врач: Вот как...

Агент: Мы держали оборону по Маасу, северней Мезера...

Врач (прикурив): А мой батальон был у Шарлевиля.

Агент (оживившись): О! Значит, вы знали генерала Бертоля?

Врач: Как же... (Усмехнувшись.) «Клянусь флагом моей родины...»

Агент: В самую точку! А майора Джима Брауна?

Врач: Брауна?

Агент: Да. Неистовый Джимми... Помните: он захватил склад на правом берегу...

Врач: И три дня держал оборону трофейными фаустпатронами?

Агент: Верно! А капитан Кнайт... (Он осекается под пристальным взглядом врача. Неуверенно.) Помните, он был на нашем участке...

Врач: Да... на нашем участке...

Врача трогает за рукав подошедший толстяк. В руках у него какой-то листок.

— Вот... Это я нашел в буфете.

Врач берет листок. На нем меню обеда: горячие пирожки, томатный суп, жареная курица, компот.

— Ну и что же? — недоумевает врач.

— Сейчас самое время, — говорит толстяк. — Сытый желудок благотворно влияет на душу...

Кристин и Тереза, взяв на себя функции стюардессы, разносят пассажирам обед. Тереза смыла с лица краску и из яркой дамы превратилась в простую крестьянскую девушку.

Мало кого из пассажиров интересует сейчас обед.

Зато проголодавшийся толстяк ест за троих. Он, кажется, даже забыл о ситуации, в которой находится.

— Чем нас будут кормить за ужином в аэропорту? — спрашивает он у Кристин, принимая порцию курицы.

— Об этом я сообщу дополнительно, — повторив интонацию стюардессы, отвечает Кристин.

Старичок филуменист взял на себя отеческие заботы о молодом солдате.

— Подкрепите свои силы! — настаивает он. — Съешьте крылышко. Вот так. И знаете, — он озабоченно оглядывает солдата, — вам надо капельку выпить!

БУФЕТ

Генри смешивает в стакане замысловатый коктейль. На стойке шеренга бутылок.

У электроплиты хозяйничает студентка. Девушка выхватывает у Генри наполненный до половины стакан.

— Вы не будете больше пить!

— Почему?!

Генри уже заметно пьян. Он тянется за стаканом. Девушка не отдает.

— Дайте... — говорит Генри. — Слышите? Я знал, что мне обязательно когда-нибудь повезет... И вот, наконец, столько бесплатной выпивки!.. Первый раз в жизни... И последний...

Девушка резко ставит стакан. Доливает его из одной бутылки, второй, третьей.

— Пейте!

Генри, пожав плечами, берет стакан.

Студентка отворачивается.

— Я не знала, что вы трус...

Генри сразу трезвеет.

— Вы сказали...

— Да! Вы боитесь! Хотите спрятаться... Уйти... Когда...
Когда всем нужны вы... ваше мужество...

— Гм.. — Генри растерян. — Вы считаете, я кому-то нужен?

Он ставит стакан. По стойке стекает расплескавшееся вино.

Девушка молчит. Генри кладет руку ей на плечо.

— А вам?

Девушка не отвечает. Генри снимает руку.

— Когда-то я прочел стихи, в них было не больше дюжины слов. Наверное, поэтому я их запомнил: «У меня любовь, и ребенок, и банджо, и тени... Бог посетит — в один день все возьмет, и останутся только тени...» Этот мрачный меланхолик по сравнению со мной был Рокфеллером. После меня не останется даже теней...

Девушка поворачивается. Генри осторожно обнимает ее.

— Нет! — говорит девушка. — Нет, нет!.. Не теперь...

Генри отстраняется.

— Потом? — грустно усмехается он.

Девушка поднимает полные слез глаза. Мгновение колеблется...

— Виноват...

В буфет заглядывает старичок филуменист.

— Прошу прощения... Здесь не найдется стаканчика виски?

САЛОН

Сидя рядом, солидно, как взрослые, обедают дети.

В следующем ряду за ними одинокий Иржи. Он сосредоточенно мешает ложкой в стакане. Мысли его где-то далеко.

Присаживается на ручку кресла Кристин. Лицо ее стало строже. Сейчас ей можно дать намного больше двадцати пяти лет. Она задумчиво смотрит на стриженный затылок сына.

— Вы чех? — спрашивает Кристин оператора.

— Да...

— Я поняла, когда вы спросили пльзенское пиво... «Пльзен праздрой»...

Иржи поворачивается.

— Моя мать была чешка... — говорит Кристин. — Мы уехали в тот страшный год... Год Мюнхена... Я смутно помню наш дом: Площадь... Мост через Влтаву... И песни... Наверное, те же самые, что пела вам ваша мать...

По лицу Иржи пробегает тень.

— Я не помню своей матери...

КАБИНА

Здесь по-прежнему дежурят врач и женщина в сари. На штурманском столике два подноса с нетронутыми обедами. Врач пристально вглядывается в лицо командира ко-

рабля, щупает пульс. Подымает голову, встречает вопро- сительный взгляд сестры и отрицательно качает головой. Переходит ко второму пилоту.

— Доктор! — нарушает молчание женщина. — Скажите, кто это сделал?

Ее высокая строгая фигура требует ответа.

— Я не знаю точно кто... — говорит врач. — Но подоб- ных негодяев я встречал и в Испании, и во Франции, и... Да мало ли где!..

— Зачем? Зачем люди делают такое, доктор?!

— Это не люди... — жестко говорит врач. — Это те, кто хотел бы вытравить с земного шара все человеческое. Слава богу, это им не по зубам! — И уже спокойно добавляет: — Этим самолетом должна была лететь красная делегация. Она бы бесследно исчезла в океане...

— И мы вместе с ней?!

САЛОН

— ...Потом вошли советские танки... — заканчивает свой рассказ Иржи. — Я помню горячую, обжигающую броню и молодого солдата, державшего меня на руках... У него была смешная пушистая борода и очень крепкие руки...

Иржи умолкает. Поворачивается к Кристин.

— Я должен вам сказать, — говорит он, — я рядовой хроникер. И никогда не снимал художественных фильмов. Ни с Евой Пристли, ни без нее...

— Я это знала...

В глазах Иржи изумление.

— Ева Пристли — это я...

Пауза.

— О, черт!.. — наконец произносит оператор. — Теперь я понимаю, почему мне все время казалось, что я вас где- то видел!..

Кристин мягко берет его за руку.

— Не огорчайтесь... Все мы стараемся казаться лучше, чем есть... Мои героини всегда красивы, добродетельны и удивительно молоды...

Впереди дети заканчивают обед.

Расправившись с компотом, мальчик берется за яблоко. От неловкого движения яблоко падает с подноса.

Мальчик сползает с кресла...

— ...Мне пришлось отучить сына звать меня мамой... — продолжает Кристин. — Сегодня он впервые забыл об этом...

Приподнявшись, она заглядывает в предыдущий ряд. Кресло мальчика пусто.

— Фреди!!! — в голосе Кристин панический страх.

Из-под кресла появляется белокурая голова мальчика. В руках у него яблоко.

— Что, Кристин?

— Не смей! — Забыв об Иржи, Кристин страстно обни- мает сына. — Называй меня мама! Я мама, мама!

— Хорошо, Кристин... — Мальчик вырывается из объ- ятий.

— Мама!
— Хорошо... — Он никак не понимает, почему столько шума из-за пустяков.

Усаживается. Девочка бесцеремонно забирает у него яблоко.

— Отдай! — возмущается мальчишка. — У тебя есть свое!

— Пойди вымой, — строго говорит девочка. — Мама говорит, нельзя есть невымытые фрукты...

Из буфета в кабину возвращается Генри.

Возле второго салона его задерживает взволнованный экс-диктатор. Воровато оглянувшись по сторонам и убедившись, что их никто не слышит, он подымает толстый волосатый палец.

— Один! Только один!

— Что один? — недоумевает Генри.

— Парашют! Один парашют. Мне!

Генри пожимает плечами, хочет пройти, но диктатор не пропускает.

— Вот чек... — Он переходит на шепот. — Здесь все, что у меня осталось... Клянусь честью! Его учтут в любом банке...

Генри повертел чек, посмотрел на свет. Диктатор с надеждой следит за ним.

— Один! Только один!..

Генри, вздохнув, возвращает чек.

— К сожалению, в этой лавке нет ни одного...

Диктатор молитвенно складывает руки. Кажется, сейчас он бросится на колени.

— Я охотно бы принял этот чек. Но... — Генри засовывает чек в петлицу пиджака диктатора. — У меня нет наследников, а я не уверен, что обстоятельства позволят мне завтра лично явиться в банк...

КАБИНА

Врач прослушивает сердце пилота. Сестра готовит шприц к очередной инъекции.

Дверь открывается. Входят мальчик и девочка. Они осторожно несут стаканы с компотом.

Дети с любопытством оглядываются вокруг. Девочка подходит к койке, на которой лежит стюардесса.

— Она спит?

— Да... — мягко говорит врач.

— Одета? Мама говорит, что это очень вредно...

— Она очень устала и не успела раздеться...

САЛОН

За окном все ниже и ниже опускается к горизонту солнце. Его тревожные отсветы ложатся на стены салона.

Миссионер прильнул к окну.

— «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит оно к месту своему, где оно восходит... И возвращается солнце,

и возвращается ветер, и возвращается все на круги свои...» — Голос миссионера звучит как заклинание.

— А вам не кажется, святой отец, — спрашивает агент, — что Экклезиаст сегодня устарел?

— Слово господне нетленно и неизменно!

— А люди?

Миссионер молчит.

— А люди? — настойчиво спрашивает агент. — Люди?

Он с силой поворачивает священника к себе.

— Люди?!

Смеркается. В самолете тишина. Слышно, как мерно гудят моторы. Пассажиры изредка перебрасываются тихими репликами...

И только дети веселы и подвижны. В самолете раскрыты все двери. Кабина, салоны, буфет слились в один длинный коридор. В проходе Фреды и девочка играют в древнюю, как человечество, игру. «Осаливая» друг друга, они с шумом бегают взад и вперед.

На них смотрят пассажиры. И у каждого рождаются свои мысли и чувства.

ПЕРВЫЙ САЛОН

Тесно прижавшись друг к другу, сидят молодожены. Тихо, чуть слышно звучат их голоса.

Она: У нас будут дети...

Он: Сын...

Она: Нет, лучше дочь...

Он: Хорошо, пусть дочь...

Она: Нет, нет! Пусть будет так, как хочешь ты!.. Он будет носить твоё имя...

Он: Через шесть лет он первый раз пойдет в школу...

ВТОРОЙ САЛОН

Здесь слышатся сдерживаемые рыдания. Плечи пожилой американки вздрагивают. Ее муж осунулся. Даже кажется, стал меньше ростом.

— Перестань, Элизабет! Это невыносимо!

— Господи! — всхлипывает женщина. — Эмми! Неужели я не увижу тебя?.. Джон! Неужели мы никогда не увидим больше нашей девочки?!

Муж поднимает голову. Под его тяжелым взглядом женщина замирает.

— Может быть, теперь... — медленно говорит он, — это было бы лучшим выходом...

КАБИНА

Сюда, запыхавшись, вбегают ребята. Фреды прячется от своей подруги на руках седого врача.

— Посиди минуточку спокойно, — улыбается врач.

Фреды доверчиво прижимается к седому человеку.

— Что это у вас? — спрашивает он, проводя по широкому шраму на левом запястье врача.

— Так, пустяки... Однажды неосторожно обжег руку...

— Вам было больно?

- Не очень...
- Я тоже раз обжег палец, только у меня все прошло.
- У детей всегда все проходит...
- А у взрослых?
- Иногда остается на всю жизнь...

Фреди снова осторожно касается пальцами шрама. Седой врач прикрывает глаза...

В кабину входит студентка с чашечками кофе на подносе. Протягивает одну врачу.

— Доктор! — негромко окликает девушка.

Врач приоткрывает глаза. Тяжело проводит рукой по лицу.

— Вы устали, доктор?

— Нет... Просто у меня не было детей...

Врач пристально смотрит вперед, туда, где за стеклянным фонарем кабины пылает закат. Огненные отблески падают на его лицо. Стихает постепенно гул моторов. И где-то далеко-далеко в памяти врача начинает звучать песня, ее мелодия всем нам знакома. Эту песню или очень похожую на нее пели защитники Мадрида, с ней или похожей на нее шли в бой патриоты в дни второй мировой войны, с ней шли на казнь смертники Дахау и Освенцима...

Строго лицо седого врача...

Нахлынувшие воспоминания прерывает голос Иржи:

— Земля! Смотрите — земля!

Внизу под фонарем кабины, наконец, вновь расстилается суша.

— ...Пора! — говорит врач. Его голос непривычно взволнован. — Надо связаться с аэродромом...

Вечер. Облака рассеялись. Внизу десятками огней горит земля.

КАБИНА

У радики молодой электрик.

— Земля, земля, земля... — вызывает он. — Земля... Перехожу на прием... Перехожу на прием...

Несколько мгновений все находящиеся в кабине — врач, Генри, Иржи, женщина в сари — напряженно ждут ответа.

— Земля, земля... — склоняется к микрофону электрик.

САЛОН.

Кое-кто из пассажиров включил маленькие индивидуальные лампочки. Другим они не нужны. Люди ждут.

КАБИНА

Иржи нажимает кнопку на панели. Вспыхивает свет. И в ту же секунду доносится далекий голос:

— Семьсот тринадцатый... Семьсот тринадцатый... Слышу вас... Слышу вас...

Электрик поворачивает рукоятку настройки. Голос становится явственней.

Земля: Они еще спят?

Электрик: Да.

Земля: Дайте врача...

Врач склоняется к микрофону. Электрик передает ему наушники.

— Врач слушает...

— Добрый вечер, коллега, — слышится суховатый профессорский голос. — Что у вас случилось?

САЛОН

Старичок филуменист подымается с места и направляется в хвост самолета.

Подходит к двери туалета. Трогает дверь. Она закрыта изнутри. Возле ручки — табличка: «Занято».

КАБИНА

У радики врач.

— ...Вы сделали все возможное, дорогой коллега, — звучит голос с земли. Он потеплел, потерял профессорский холодок. — К сожалению, я больше ничего не могу вам предложить.

— У меня осталась последняя ампула кофеина, — говорит врач.

— Желаю успеха!..

К радики вновь садится электрик.

Сестра подает врачу шприц...

Летит в вечернем небе самолет...

Внизу, в сумраке, все ярче, все чаще огни далекой земли.

КАБИНА

Земля (голос стал значительно ближе): Попытаемся помочь вам приземлиться. Точно следуйте нашим инструкциям... Через несколько минут вы начнете спуск...

У двери туалета все еще терпеливо ждет старичок филуменист. В коридоре появляется солдат.

— В чем дело, старина?

Филуменист смущенно указывает на табличку «Занято». Солдат стучит в дверь. Никто не отзывается. Обеспокоенный солдат толкает дверь. Ударяет ногой...

Дверь распахивается. В углу, между умывальником и унитазом, прижался бледный секретарь диктатора.

— Т-сс!.. — прикладывает он палец ко рту. — Идите сюда... При посадке здесь самое безопасное место...

Солдат угрожающе приближается к секретарю...

КАБИНА

Кресла пилотов по-прежнему пусты. Легкими чуть заметными движениями передвигается сам вперед и назад полумесяц штурвала.

Земля: Через тридцать секунд вы должны выключить автопилот. Приготовьтесь.

Иржи и Генри переглядываются. Ни один из них не ре-

шается сделать шаг к креслам летчиков. Смотрят на седого врача. Но тот озабоченно хлопочет возле второго пилота.

Генри неуверенно шагает вперед...

Внизу под стеклом фонаря огромная девятикилометровая бездна...

— Нет, не могу... — хрипло говорит Генри. — Дрожат руки...

Земля: Осталось пятнадцать секунд...

Иржи мгновение колеблется. Потом сбрасывает с плеча камеру. Быстро ставит диафрагму и фокус. Передает камеру Генри.

— Нажмите вот здесь — и снимайте! Снимайте до самого конца!

Решительно садится в кресло командира корабля.

Земля: Выключайте! Рукоятка на панели слева...

Иржи протягивает руку.

— Что здесь происходит?!

Это голос второго пилота. Медленно приходя в сознание, он с недоумением смотрит на Иржи...

САЛОН

Здесь все замерло. Даже притихли дети, чувствуя напряженность момента.

КАБИНА

— Вы можете встать? — спрашивает врач.

— Попытаюсь...

Врач и женщина в сари приподнимают пилота.

— Бемби... — вдруг говорит летчик. — Переверьте бемби на переднюю панель!

Он смотрит на игрушку — маленького олененка, — болтающуюся на ниточке.

Генри стремительно выполняет приказание.

— Зачем это? — хмурится врач.

— Все должно быть, как всегда... Дайте сигналы в салон.

САЛОН

Над дверью, ведущей в кабину, вспыхивает табличка: «Застегните спасательные пояса!»

КАБИНА

Иржи стискивает штурвал.

Земля: Теперь постепенно отдавайте ручку от себя...

— Не бойтесь... — говорит второй пилот. Он уже сидит в своем кресле рядом с оператором. — В случае чего... я исправлю... Сейчас не хочу тратить силы...

Иржи отклоняет штурвал.

САЛОН

Стрелка альтиметра, качнувшись, побежала от цифры «9 000» обратно...

КАБИНА

Иржи ведет самолет.

Впереди у горизонта показался далекий сгусток огней аэропорта...

АЭРОПОРТ. БАШНЯ УПРАВЛЕНИЯ

У экрана радара группа людей в форме летчиков внимательно наблюдает за снижающейся черточкой самолета.

— Внимание! — передает команду диспетчер, сидящий за пультом управления. — Внимание! Всем самолетам, находящимся в воздухе, немедленно покинуть зону! Аэропорт закрыт. Внимание! Всем самолетам, находящимся в воздухе...

ЛЕТНОЕ ПОЛЕ

Мощные тягачи поспешно буксируют в сторону от посадочной площадки стоящие поблизости самолеты.

Из гаража выезжают санитарные машины...

Со стартовой дорожки взмывают в воздух один за другим два одномоторных самолета.

КАБИНА

Иржи медленно отклоняет штурвал.

Второй пилот (с трудом): Так... Давай еще...

Слабость мешает ему говорить.

И тут из динамика раздается твердый, уверенный голос:

— Еще, еще! Не бойся, приятель!

Справа и слева через фонарь кабины видны лежащиеся на один курс с 713-м небольшие машины.

САМОЛЕТ СОПРОВОЖДЕНИЯ

В креслах у приборной доски — двое.

— Мы проводим тебя, как любимую девушку! — весело говорит в микрофон один из них. — Отпусти еще...

САЛОН

Плавно катится стрелка альтиметра: 7 000... 6 950... 6 900...

Глаза всех пассажиров прикованы к светящемуся циферблату прибора.

И вдруг — сдавленный крик жены электрика...

...Стрелка альтиметра стремительно падает влево: 6 500... 6 300... 6 000...

КАБИНА

Голос из динамика: На себя! На себя! Сбрось газ! На себя!..

Иржи, стиснув зубы, рвет штурвал...

Стремительно снижавшийся самолет постепенно выравнивается...

КАБИНА

Стрелка альтиметра замирает у очередного деления.

Второй пилот: Молодец, сынок... Я сам бы не сделал лучше...

САМОЛЕТ СОПРОВОЖДЕНИЯ

— Хорошо... — говорит летчик. — Продолжайте снижение...

— Он не сможет сделать разворота... — тихо произносит его сосед.

КАБИНА

Иржи ведет самолет. Его руки крепко обхватили штурвал.

Второй пилот (приоткрыв глаза): Скоро надо будет делать разворот...

На лице летчика тревога.

— Слушай меня внимательно, сынок...

БАШНЯ УПРАВЛЕНИЯ

На экране радара медленно перемещается крохотная радиотень самолета.

— Курс? — спрашивает высокий человек в форме, по-видимому старший.

— Двести семь...

— Он идет почти точно на стартовую дорожку.

— К сожалению, почти...

Пауза. Тишина. Только слышно пощелкивание приборов и голос из динамика:

— Отпустите еще... Еще немного... Еще...

На экране радара снижается самолет.

— Синтетическая пена... — нарушает тишину чей-то голос.

Высокий человек бросает взгляд на говорящего.

— Верно! Немедленно залить дополнительную полосу!

САЛОН

Пассажиры все так же напряженно следят за стрелкой альтиметра: 4 000... 3 900... 3 800...

КАБИНА

Голос (из динамика): Приготовьтесь к развороту!

Иржи (второму пилоту): Может быть, все-таки вы?..

Второй пилот (почти небрежно): Валяй сам, сынок... Не бойся... Я всегда успею поправить...

ЛЕТНОЕ ПОЛЕ

На посадочную площадку одна за другой въезжают цистерны. Открываются клапаны.

Под углом к стартовой дорожке ложится на землю полоса густой, вязкой пены.

КАБИНА

Второй пилот пристально смотрит на приборы.

— Ну!..

Руки Иржи, лежащие на штурвале, напрягаются...

Земля: Вы идете прямо на стартовую дорожку. Вам не придется делать разворот... Продолжайте снижение...

САМОЛЕТ СОПРОВОЖДЕНИЯ

Эта же фраза звучит здесь в наушниках.

Летчики облегченно вздыхают.

САЛОН

Все меньшие цифры на циферблате альтиметра: 1 000... 900... 800... 700...

Вцепившись в ручки кресел, замерли пассажиры.

КАБИНА

Земля: Вы выходите на посадочную площадку...

ЛЕТНОЕ ПОЛЕ

На посадочной площадке группа людей. Среди них человек с микрофоном.

Все ближе огоньки снижающегося самолета.

Человек с микрофоном: Осталось сто метров... Девяносто... Восемьдесят...

Со стартовой дорожки быстро съезжают последние пустые цистерны.

КАБИНА

Земля: Осталось пятьдесят метров... тридцать... двадцать... десять... (Очень спокойно.) Отпустите до конца...

Второй пилот (тихо): Давай!

Иржи отклоняет штурвал.

САЛОН

Корпус самолета содрогается... Еще толчок... Еще...

ЛЕТНОЕ ПОЛЕ

Катится по земле самолет.

КАБИНА

Иржи обессиленно откидывается на спинку кресла.

— Спасибо, сынок!.. — тихо произносит второй пилот.

— Я знал, что вы боитесь, — так же тихо отзывается Иржи.

Пилот слабо улыбается.

— Я не смог бы пошевелить и пальцем...

САЛОН

По лицу Кристин текут счастливые слезы...

В вечернем небе делают лихую «петлю» и свечой уходят вверх два самолета сопровождения...

ЛЕТНОЕ ПОЛЕ

— На пять суток отстранить обоих от полетов за полет над аэродромом! — со счастливой улыбкой говорит высокий человек в форме.

К остановившемуся самолету спешат санитарные машины, бегут люди.

САЛОН

Здесь уже обычная перед выходом толчея. Пассажиры собирают вещи, надевают пальто и плащи.

Толстяк выбрасывает опустевший пакет из-под сэндвичей.

Миссионер хочет снова надеть сутану, но, подумав, свертывает ее и сует в чемодан. Вероятно, его воздушное путешествие еще не окончилось...

Готовятся к выходу молодые супруги.

Она: Надень плащ. Уже вечер.

Он: Ты прекрасно знаешь, что я терпеть не могу этот идиотский мешок...

— Может быть, — тихо говорит она, — ты сейчас поедешь к адвокату?

Электрик безропотно натягивает плащ.

ЛЕТНОЕ ПОЛЕ

К самолету подкатывают трап. Вбегают служащие аэропорта, санитары.

Внизу у трапа собираются люди.

Из самолета показываются санитары с носилками.

Одного за другим членов экипажа проносят санитары к машине.

За последними носилками с непокрытой головой идет седой врач.

САЛОН

Первым к выходу идет вновь пытающийся обрести величественность диктатор. За ним, стыдливо прикрывая огромный синяк под глазом, пробирается секретарь.

Тереза замешкалась, оглядывая себя в карманное зеркальце. Она успела уже опять ярко накраситься. Замечает лопнувший чулок. Торопливо открывает лакированный чемоданчик. Застывает изумленная.

В чемоданчике драгоценности, пачки банкнот.

С точно таким же чемоданчиком в руках подходит к выходу экс-диктатор...

Тереза делает было шаг за ним, но тут же останавливается, тщательно закрывает чемодан.

Рядом собирается комми.

— Вы готовы? — спрашивает Тереза. — Не спешите... — Она берет коммивояжера под руку. — Я хотела вам сказать...

Кристин одела сына.

— Спасибо за помощь, Фреди! — говорит оператор. — Мы с тобой сняли неплохой фильм!

— А как он будет называться?

— Еще не знаю...

— До свидания, Иржи, — говорит Кристин. — До следующей встречи...

— В самолете?

Кристин улыбается своей грустной улыбкой.

— Лучше на экране... Идем, Фреди...

— Идем, мама...

Иржи достает кофр, укладывает пленку.

Уже в проходе женщина задерживается.

— Как называется этот мост... возле Пражского Града...

— Карлов...

— Карлов мост... — задумчиво повторяет Кристин.

Готовятся к выходу бакалавр Генри Чармен и будущая студентка. Генри непривычно тих.

— Вот и все... — говорит он и пытается заглянуть в лицо девушки.

Она молчит.

— Как вы думаете, — наконец произносит Генри, — у меня будет когда-нибудь... банджо?

Девушка поднимает глаза.

— Если это случится, напишите мне... в Москву...

ЛЕТНОЕ ПОЛЕ

Из самолета тянется вереница пассажиров.

У подножия трапа их окружает толпа репортеров. Вспыхивают блицы.

Женщина в сари с девочкой на руках, обойдя толпу, подходит к высокому смуглому человеку. Он так же сдержан и строг, как она. Женщина передает ему ребенка. На лице мужчины появляется удивительно мягкая улыбка — девочка спит...

Спускается по трапу старичок филуменист. Следом солдат тащит его нелепый чемодан.

На земле филумениста останавливает человек с каким-то причудливым значком в петлице.

— Представитель компании кругосветных путешествий! — рекомендуется он. — К вашим услугам, сударь! Позвольте билет...

Старичок вынимает свой «кругосветный билет».

— Все в порядке! — говорит представитель фирмы. — Завтра вы можете продолжить свой путь... — Он возвращает старику билет.

— Простите... Нельзя ли обменять его на обратный?

— Вы не желаете совершить кругосветное путешествие?!

— Да! Хочу домой...

— К сожалению, сударь, это невозможно...

— Значит, мне придется... — филуменист печально описывает рукой круг.

— Совершенно верно, сударь. Вы попадете домой... — представитель фирмы повторяет жест старичка, — с другой стороны!..

Старичок грустно кивает. Солдат с чемоданом следует за ним.

— Простите... — останавливает филуменист. — У вас нет спичек?

— Увы! — представитель фирмы, любезно улыбнувшись, разводит руками. — На летном поле, сударь, не курят!

ВТОРОЙ САЛОН

Чета американцев еще не двинулась с места. Сейчас это просто два старых, придавленных горем человека.

Муж смотрит в окно на окруживших самолет людей.

— Надо идти, Джон... — робко напоминает жена.

Муж отрывается от окна.

— К сожалению, да...

ПЕРВЫЙ САЛОН

Он опустел. Иржи закрывает кофр с пленкой, берет камеру. Последний раз оглядывает салон...

И замечает в кресле еще одного пассажира! Это унылый сосед комми. Он все еще спит.

Оператор трясет его за плечо. Пассажир открывает глаза.

— Приехали... — говорит Иржи.

Пассажир сладко потягивается. С недоумением оглядывается вокруг.

Иржи усмехается.

— Ну как? Путешествие было приятным?

— Скажите лучше — необыкновенным! — На лице пассажира счастливая, лучезарная улыбка. — Впервые в моей жизни врачи оказались правы: стоило переменить климат, я тут же отлично выспался!..

ЛЕТНОЕ ПОЛЕ

Тесной стайкой собираются пассажиры «713-го». Они не торопятся к ярко освещенному зданию аэровокзала, откуда из репродукторов призывно несется бравурная мелодия. Пассажиры необычного рейса как будто стремятся отдалить тот момент, когда вновь растворятся в огромном мире, потеряют близость, возникшую между ними несколько часов назад.

— Ну, кажется, все в сборе! — говорит кто-то.

— А где же доктор? — спрашивает Фреди.

Дверцы санитарной машины закрываются за последними носилками. Машина трогается с места. Седой врач провожает ее взглядом.

— Доктор Рихард Гюнтер?

Врач оборачивается. Перед ним двое в плащах, с удивительно неприметными лицами. Неподалеку группа людей в таких же плащах. Среди них знакомый нам агент. Он смотрит в сторону.

Врач застегивает пальто.

— Я готов.

Люди в плащах вместе с ним направляются в сторону от светящегося здания аэровокзала.

Гюнтер внезапно останавливается.

— В чем дело?

— Одну минуту.

Врач возвращается к группе, среди которой стоит агент. Вынимает записную книжку и авторучку.

— Извините. Забыл вернуть.

Три фигуры уходят в сторону от здания аэровокзала. Группа людей в одинаковых плащах смотрит им вслед.

— Ты что-то дрожишь, приятель, — говорит один из них агенту. — Знобит?

Второй достает плоскую фляжку, отвинчивает колпачок.

— На, согрейся...

Льется виски.

— Получишь повышение, — с завистью говорит первый. — С тебя причитається!

Агент пристально смотрит на говорящего и неожиданно выплескивает ему прямо в лицо содержимое колпачка.

Спотыкаясь, неверной походкой идет прочь, куда-то в глубь неосвещенного летного поля...

— Что с ним?!. — растерянно произносит человек в плаще, вытирая лицо.

— Нервы... — говорит другой. — Попробуй посиди целый день в этом сумасшедшем самолете!..

В основе сценария А. Леонтьева и А. Донатова лежит происшествие на первый взгляд невероятное. Но в наше сложное и бурное время случаются происшествия, ничуть не менее фантастические. Достаточно хотя бы вспомнить трагическую судьбу «Принцессы Кашмира».

Жестокая беда обрушилась на пассажиров лайнера «713» по ошибке: не в них метила вражеская рука, подсыпавшая морфий в кофе членам экипажа, — в самолете должна была лететь «красная» делегация.

Люди, которых объединила, а в чем-то и разъединила беда, отнюдь не герои, кроме врача-антифашиста, человека, закаленного борьбой и жесточайшими, на грани гибели, испытаниями. Кинооператор, комдивояжер, пастор, солдат и другие — люди разных национальностей, разной социальной принадлежности, разных взглядов и убеждений. Перед лицом гибели они раскрываются до конца. Многое подспудное, тайное, возвышенное и низкое, жертвенно-благородное и шкурническое становится явным; обнаруживается подлинная сущность человека, порой скрытая даже от него самого. Робковатый, наивно-хвастливый кинооператор оказывается человеком большого мужества; само-

Оцепенев, стоят пассажиры «713-го».

Два человека в плащах проводят мимо них врача.

Иржи невольно бросается вперед. Генри крепко стискивает его руку.

— Стоп, приятель! Этим ничего не добьешься...

С высоко поднятой головой спокойно идет седой врач.

Плотной стеной стоят пассажиры «713-го», провожая взглядами арестованного. Кристин и Иржи, Генри и студентка, филуменист и солдат, молодожены, толстяк и миссионер, американцы и женщина в сари...

Мы замечаем, как изменились, стали строже их лица...

А на другом конце летного поля со стартовой дорожки с ревом подымается очередной самолет.

Поблескивая габаритными огнями, он уходит в ночное небо.

уверенный, грубый американский солдат — тряпкой; циничный, разочаровавшийся в жизни безработный юрист находит в себе нетронутый запас человечности; а блестящий южноамериканский экс-правитель оказывается гнусным шкурником и трусом. При всей своей неожиданности, порой причудливости эти превращения психологически подготовлены и обусловлены.

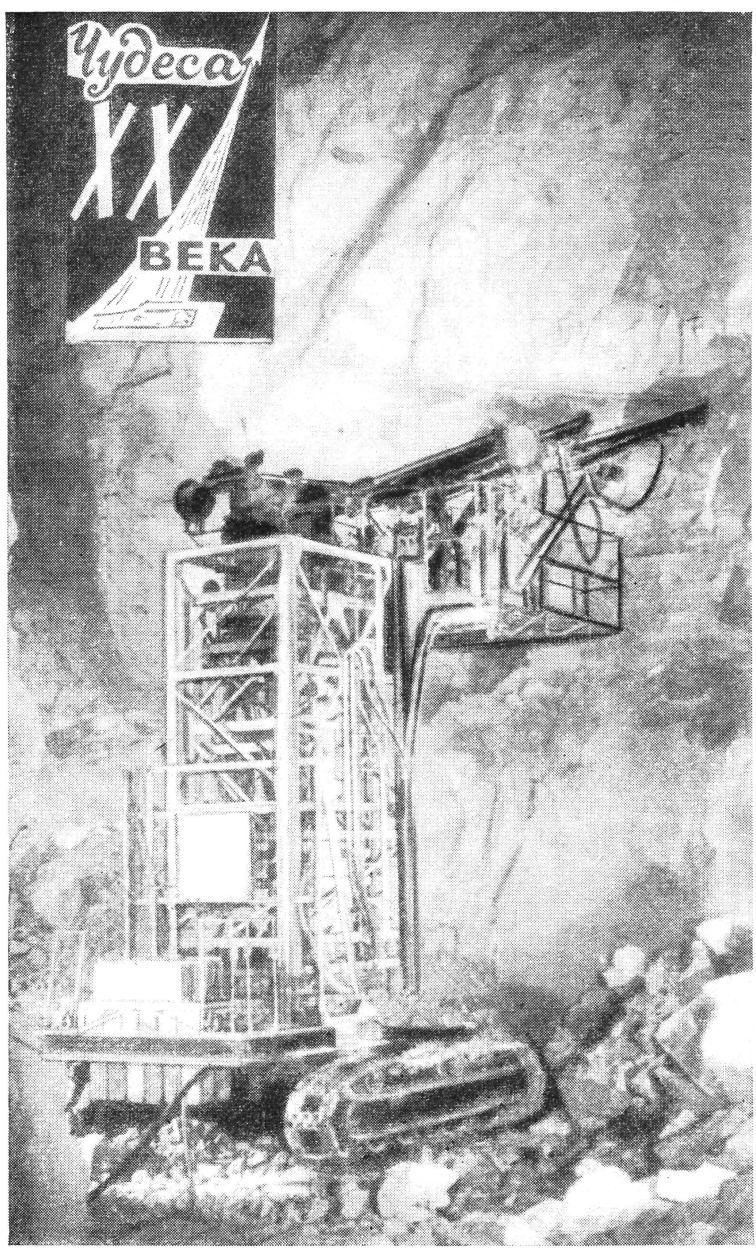
Часто еще раздаются голоса, выражающие неверие в жизнеспособность жанра психологического детектива. «Читатель будет следить только за фабулой и пропускать всю психологию», — вот смысл аргументации маловеров. Да, там, где сюжет и психологический анализ являют собой нечто вроде слоеного пирога, так оно и будет. Но если драматизм действия нерасторжимо связан с психологией героев, это не соединение, а сплав. Характеры движут фабулу и, в свою очередь, питаются ею.

Такой сплав, на мой взгляд, удалось создать авторам сценария «713-й» просит посадку».

Думаю, что все прочитавшие сценарий будут с нетерпением ждать выхода на экран фильма о судьбе пассажиров самолета № 713.

ЮРИЙ НАГИБИН

Чудеса
XX
ВЕКА

Шоссе из льда

Представьте себе заснеженную равнину — ни дороги на ней, ни санного следа. Шофер даже не пытается провести здесь машину.

Но вот на снежную целину вползает трактор «С-100», буксирующий необычный агрегат. За час они проходят километр, и картина неузнаваемо меняется: на протяжении этого километра пролегло широкое твердое шоссе из льда. Еще час — еще километр. Дорога уходит все дальше. Так работает машина, сконструированная в Горьковском политехническом институте.

Мощная фреза агрегата, захватывая снег на ширине 2,2 метра, рыхлит его и с большой скоростью отбрасывает к тепловой камере. Там частицы снега, пролетая через поток горячего газа, оплавляются, превращаясь в крупницы льда. И тогда с помощью высокочастотного вибратора оплавленный снег утрамбовывается, образуя гладкую поверхность, по которой, как по асфальту, свободно могут катить автомобили.

Строительство ледовых дорог в северных районах страны позволит широко эксплуатировать в зимнее время колесный транспорт.

ТУРБИНА МОЩНОСТЬЮ В ДВА ДНЕПРОГЭСА.

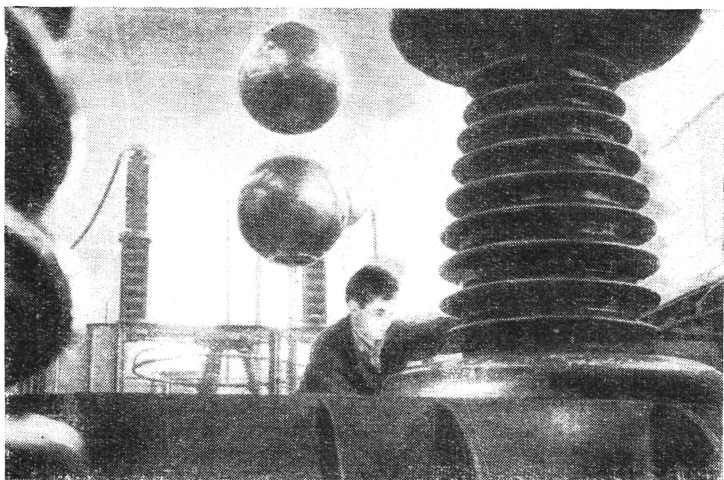
Два миллиарда киловатт-часов — такое количество электроэнергии дали в 1913 году все электростанции России. Столько же выработает за год гигантская одновальная паровая турбина с электрическим генератором — детище турбостроителей Харьковского завода имени Кирова. Мощность ее — 300 тысяч киловатт.

Уникальная турбина, предназначенная для одной из электростанций Украины, является и самой экономичной: за год она сэкономит топлива на сумму, равную стоимости самого агрегата.

В недалеком будущем коллектив завода создаст сверхгигантские паровые турбины 1 000 000—1 200 000 киловатт. Иначе говоря, один такой агрегат будет равняться по мощности двум Днепрогэсам!

Эта машина носит уменьшительное название «каретка». Точнее — «башенная самоходная буровая каретка» («ББК-4»). Она создана институтом «Гипроникель» и успешно прошла испытания у казахстанских горняков в Джезказгане. На снимке вы видите «ББК-4», работающую в одной из шахт.

Такой фантастический вид имеет испытательная станция Запорожского трансформаторного завода. Продукция этого предприятия широко известна: запорожские трансформаторы действуют на крупнейших в мире Сталинградской и Куйбышевской ГЭС, на мощных тепловых электростанциях.

Недавно конструкторы завода закончили разработку трансформаторов мощностью 275 тысяч киловольт-ампер на напряжение 220 тысяч вольт. Крупнее их в мире нет.

Новые трансформаторы предназначены для Иркутской и Братской гидроэлектростанций.

ОДИН НА ДВУХ ТРАКТОРАХ

Два трактора с навесными плугами движутся по полю примерно в 100 метрах один от другого. За ними остаются вздыбленные пласты земли.

Обоими тракторами управляет один человек. Он сидит в той машине, которая движется сзади. В ее кабине — миниатюрный передатчик; нажатием кнопок тракторист может повернуть идущую впереди машину вправо, влево, регулировать подачу горючего, вести пахоту на различную глубину.

Опытная партия — шесть радиоуправляемых гусеничных тракторов, оборудованных копирующим устройством И. Логинова, выпущены Сталинградским тракторным заводом. Они успешно прошли заводские испытания и теперь будут работать в Казахстане, на полях совхоза «Октябрьский» Павлодарской области.

ГЕНАЦВАЛЕ

Рисунки П. ПАВЛОВА

Эта маленькая история случилась с жителями аджарского селения Мариндини, затерянного среди гор и лесов неподалеку от границы с Турцией. Чтобы попасть туда, нужно проделать трудный и опасный путь — сначала на машине, потом верхом, по горным тропам, скользким от дождей и туманов. Но еще трудней добраться до пограничной заставы, которая стоит выше селения, на самой седловине снежного перевала. Когда строили ее, каждое бревнышко и каждый кирпич приходилось поднимать на руках, потому что вьючные лошади не могли пройти с громоздкой поклажей по крутым и узким тропам. И целое лето жители селения помогали бойцам. Они рубили деревья, тесали бревна, месили саман и все это перетаскивали наверх. Они подняли заставу на своих плечах, и это давало им право считать ее родным домом.

— Пойду схожу на нашу заставу, — говорил мариндинец, решив посоветоваться по какому-нибудь делу.

— Ну, как там, на нашей заставе? — спрашивали ходока, когда он возвращался в селение.

Аджарцы считали себя как бы в ответе за стены, возведенные их руками, и за благополучие обитателей этих стен.

Пограничники платили им тем же. Не раз во время снежных буранов они спасали овечьи отары в горах, давали своих лошадей для сельских работ, приносили в селение журналы и книги, провели с заставы радио. Почти в каждом доме слышался теперь голос Москвы и Тбилиси, и мариндинцы перестали чувствовать себя отрезанными от мира.

Не проходило дня, чтобы кто-нибудь из пограничников по делам службы или просто так не заглядывал в маленькое селение, и аджарцы привыкли видеть их у себя, как привыкли видеть восход и заход солнца. Горцы называли солдат «генацвале», что значит «друг», «товарищ», а надо сказать, что не каждого человека горец назовет этим именем. И если бы вдруг пограничники перестали ходить через селение, то мариндинцы бы посчитали, что там, наверху, случилась беда.

Так было все годы.

Но вот однажды в горах разбушевалась метель. Пять дней и пять ночей из низких тяжелых туч валил снег. Такого не помнили даже самые старые жители Мариндини. Снег валил не переставая, крупный, мокрый и такой густой, что в трех шагах ничего не было видно. Он засыпал дома по окна, потом по крыши, и в домах стало темно, как ночью.

И все это время в деревне не показывался ни один пограничник, а на шестой день в домах замолчало радио. Мариндинцы проснулись и не услышали привычного голоса диктора. Люди притихли, почуввав недоброе. Когда снегопад перестал и все выбрались из жилищ, никто не узнал ни родной деревни, ни окрестных гор. Все было погребено под сугробами. Многие деревья рухнули под необычной тяжестью снега.

Прошел день, и еще один день... Радио молчало. С заставы не появлялся ни один человек.

И тогда мариндинцы заговорили:

— Не проломилась ли у них крыша от снега?

— Осталась ли пища?

— Есть ли у них дрова, чтобы затопить печи?

Они говорили о дровах, крыше и пище, а думали о другом. Только самая старая из женщин не выдержала и воскликнула: «Вай мэ!» — что значит: «Горе мне!» А другая добавила: «Шени черимэ!» — что означает: «Их беда — мне!»

И один из мужчин сказал:

— А не нужно ли им помочь?

Деревня была небольшая, жителей мало. И они легко сговорились,

что да, нужно помочь. Они хорошо знали друг друга, и выбор пал на пятерых, самых сильных и ловких.

— Идите на заставу и узнайте, что там случилось, — сказали им.

И пятеро в знак согласия молча кивнули головами, потому что выражать свои чувства бурно недостойно мужчины.

Сборы были недолгими, ходоков снаряжали в путь всей деревней.

— Возьмите наши снегоступы: они самые легкие и надежные, — сказали им соседи и принесли свои самые лучшие снегоступы, сплетенные из крепких прутьев, обтянутые снизу звериными шкурками мехом наружу.

— А у нас возьмите теплые вещи, — сказали другие соседи и отдали свои самые теплые башлыки, шапки и каламаны¹.

— А у нас еду, — сказали третьи и дали сало, овечий сыр и хачапури².

— Хорошо, мы возьмем, — ответили те пятеро и взяли все, что им принесли, потому что и снегоступы, и теплые вещи, и пища необходимы в горах.

Потом они пошли. Стояло холодное солнечное утро, такое тихое и покойное, какое бывает только после бурана. Казалось, синий купол неба звенел, как стекло. Кругом в молчании возвышались горы. Яркий снег слепил глаза.

Мариндинцы проводили ходоков за окраину деревни, и здесь самый старший и уважаемый из жителей сказал им:

— Возвращайтесь с доброй вестью.

И потом все долго смотрели, как они стали подниматься на перевал. А те, кто поднимался, ни разу не оглянулись. Они молча и неторопливо шли вперед. Они знали, что на них смотрят снизу, что самые зоркие и терпеливые из мариндинцев останутся там до вечера, чтобы предупредить односельчан об их возвращении.

Пятеро шли неумоимо друг за другом, по очереди пробивая след в глубоком снегу. Они почти не разговаривали между собой, а если и разговаривали, то негромко и скупо — берегли силы для трудного подъема. Кроме того, от звука голосов мог произойти снежный обвал. Они хорошо знали законы своих гор.

Им нужно было подняться на километр, потом еще на километр и еще на километр, а затем пройти немного по ровному месту, и тогда из-за каменных глыб покажется здание заставы. Обычно тропа обозначалась вешками из молоденьких высохших елок, но сейчас вешки были завалены снегом. Лишь кое-где над его покровом виднелись вершинки да столбы с радиопроводкой, полуваленные снегом, непривычно низкие, словно обрубленные. Снег лежал чистый, сверкающий. На проводах, на верхушках столбов и вешках кристаллики инея складывались в яркие звездоч-

¹ Каламаны — обувь из невыделанной кожи.

² Хачапури — пирог, начиненный сыром с яйцами.

ки, сплетались в тончайшее кружево. Безмолвие царило кругом.

Но вот налетел ветер и сбил иней. Снег взметнулся, закружился, будто в пляске. Замутилось небо, померкло солнце. Ветер обжигал лица, мешал дышать. А путь становился все круче и круче...

Передний вдруг упал и стал медленно сползать вниз, увлекая за собой остальных. Вместе с ними сползал снег. Только чудо могло спасти их. К счастью, оползень вскоре утих, и они снова стали взбираться там, где только что проходили. Так повторялось несколько раз.

В снежной круговерти столбы скрылись из виду. Люди сбились с пути. Стали попадаться трещины. И опять передний провалился в трещину, и его долго вытаскивали. Но через пятьдесят шагов провалился другой. Пришлось по своему следу вернуться назад и долго отыскивать тропу, пока не наткнулись на вешку. Идти стало немного легче.

Так они прошли первый километр, потом второй, потом третий. Они торопились и вместе с тем очень боялись увидеть то, о чем думали всю дорогу.

На седловине перевала ветер ревел и сбивал с ног. Путники шли, низко пригибаясь, чтобы пересилить порывы ветра. Снег здесь был сдут почти начисто, и пришлось снять снегоступы. Ноги скользили, подвергывались на острых камнях.

— Э-э, слышите? — передний остановился и с силой втянул в себя морозный воздух.

— Слышим, — ответили ему. — Давай иди!

Пахло дымом. Ветер доносил его со стороны заставы. Если пахнет дымом, значит горит огонь.

— Что вы скажете? — опять обернулся первый.

— Иди, иди! — поторопили его.

Застава показалась внезапно за нагромождением скал. Снег завалил ее по самую крышу. Глубокие траншеи вели к дверям казармы, конюшне и командирскому домику. Из трубы поднимался дым и рассеивался, подхваченный ветром. На радиомачте, как язычок пламени, трепыхался красный флажок.

— Ну что? Я же говорил! — громко сказал первый.

Дежурный, шагавший по траншее, заметил их, приветливо махнул рукой.

Они не спеша спустились, подошли к нему.

— Начальник дома?

— У себя, проходите, — сказал тот и улыбнулся.

Горцы неторопливо и степенно прошли по траншее к дверям, приставили к стенке снегоступы, сбили с обуви и башлыков снег. Потом шагнули в темный коридор и через минуту вошли в канцелярию.

Капитан сидел за столом и брился. Окна были завалены снегом, и капитан брился при свете керосиновой лампы. Увидев гостей, он сильно дернул бритвой. На мыльной щеке выступила капелька крови.

— Здравствуй, генацвале! — сняв шапку, сказал старший из горцев.

— Здравствуйте, товарищи! Какими судьбами? — капитан торопливо вытер недоброе лицо полотенцем.

Горцы подошли к нему, и каждый поздоровался за руку.

— Пришли к тебе, генацвале, — серьезно и просто сказал тот, кто первым снял шапку.

Начальник ценил простоту и мужество в людях; он молниеносно представил себе весь их путь, но ответил так же серьезно и просто:

— Спасибо. У нас все в порядке.

Старший из горцев одобрительно взглянул на него. Он понял, что помощь пограничникам не нужна, что они выдержали бурю, но ему понравилось то достоинство, с каким начальник сказал об этом.

— Дежурный! — крикнул между тем капитан.

И когда в дверях появился сержант с повязкой на рукаве, распорядился:

— Скажите повару, чтобы чайку приготовил!

— Не торопись, генацвале, — сказал старший из горцев, усаживаясь на стул. — Мы не хотим есть. Скажи, почему никто из ваших не приходил в Мариндини и замолкло радио?

Капитан пояснил, что в бурю не было смысла посылать людей вниз, а радио замолчало потому, что где-то оборвались провода. Вот и все. Горцы слушали и кивали головами.

— А сегодня вот сам хотел спуститься к вам, — заключил капитан.

— Приходи, гостем будешь, генацвале, — сказал старший из горцев.

— Так, так, — подтвердили его товарищи.

— Спасибо, — улыбнулся начальник. — Но уж раз вы пришли, повременю, дел много.

— Воля твоя, начальник.

Помолчали. Потрескивал фитиль в лампе. От снега, завалявшего окна и стены, в канцелярии стояла тишина. Было тепло. Но все знали, что за стенами и толщей снега бушует ураганный морозный ветер.

Старший поднялся и что-то сказал своим товарищам погрузински. Те тоже поднялись и стали надевать шапки.

— А чайку, товарищи? — сказал начальник.

— Нужно успеть до темноты, начальник.

— Успеете, честно слово, успеете! А так я не отпущу вас.

Горцы посоветовались, немного и сняли шапки. Они не хотели нарушать законы гостеприимства.

Их накормили, потом они ушли.

...Мариндинцы встречали их всей деревней. И старые и молодые тревожно смотрели на приближающихся мужчин, ждали, что они скажут.

— Эй, люди, там все в порядке! — крикнул старший. — Расходитесь спокойно по домам.

И все разошлись по домам.

КАПИТАН КОНГА ЮССЬ

ГЕРМАН СЕРГО

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Этот очерк, написанный заместителем капитана Таллинского морского порта, получил в 1959 году первую премию на конкурсе Союза журналистов Эстонской ССР. Очерк публикуется в сокращенном варианте.

— А я собственными глазами видел «Летучего Голландца». И вы думаете где? Да тут же, под Ристна!

Гомон утихает, и в конторе наступает тишина. Капитаны — они пришли в контору гавани за последними инструкциями перед выходом в море — глядят на стоящего посредине комнаты рослого человека. У штурманов, которые в обычной спешке оформляют рейсы, вдруг оказывается достаточно времени. Старый смотритель гавани забывает положить телефонную трубку на аппарат, и по затихшей конторе разносятся сигналы: «ту-ту-ту». Инспектор парходства, с которым мы обсуждали серьезные деловые вопросы, меня больше не видит и не слышит. Мое внимание тоже обращено к рассказчику.

Капитан спасательного судна «Пересвет» Иоханнес Кон-

га, или Конга Юссь, как зовут его обычно, не может пожаловаться на недостаток слушателей.

— Военное время. Штормовая октябрьская ночь. Темно. Ни луны, ни звезд. Вдруг матрос с бака кричит: «Бригантина с левого борта курсом прямо на нас!» Смотрю так, что глаза на лоб лезут, — ничего не видно.

Рука капитана Конга нацеливается на таинственно мчащийся без огней парусник, глаза напряженно вглядываются в невидимый горизонт.

Слушатели сдерживают дыхание.

— Беру бинокль... — согнутые пальцы Конга поднимаются к глазам. — И вижу: с восьмибалльным ветерком, подняв все паруса с бакборта, в кабельтове, прямо на нас — парусник!

Колени Конга подгибаются, он весь как-то оседает, глаза смотрят испуганно. Даже его густые, гладко зачесанные блестящие черные волосы поднимаются дыбом. Вот ловкач!

— Даю полный назад, право на борт, и — на волосок! Секунда промедления, и... буль-буль-буль... В мире прибавилось бы несколько веселых вдов. Понимаете?

Почему же мы не понимаем? Конечно, понимаем! Особенно благодаря движениям вытянутых рук Конга Юсся, которые показывают, как сомкнулась бы над ними вода после последнего глотка воздуха.

— Может, сам катерман¹ шепнул команде, что это «Летучий Голландец», шут его знает, только через несколько минут на мостик поднялся боцман, за ним — матросы.

Юссь расстегивает воротник форменного кителя, засовывает руки по локоть в карманы брюк и подражает валкой походке боцмана.

— Дрожат от страха. Теперь, мол, когда показался «Голландец», нельзя дальше идти. Уж лучше сразу пароход выбросить на берег. Известно давно: кто увидит «Голландца», ни в одну гавань больше не придет. Моряки в то время были суеверные, помните?

Конга ожидает подтверждение. Мы киваем.

— Матросы кричат: «Давай судно на берег!» Мне как-то не по себе. А вдруг и вправду это коллега морских чертей Берент Фокк? Пришел предупредить, как собрата по профессии. Кто бы из моряков посмел в такую бурю поднять все паруса?

Подбородок Конга Юсся опирается на руку, лоб нахмурен, в глазах сомнение. Думаю: хороший артист пропадает в этом человеке! А впрочем, почему пропадает? Разве не расцвел у нас в порту его талант? И что из того, если здесь не театральный зал, а контора и артист работает не за плату, а просто по внутреннему побуждению? Все равно артист.

— Я было уступил команде и собирался взять курс

---

¹ Катерман — по старинным эстонским поверьям, злой дух, приносящий кораблю несчастье.

на Хиума, как вдруг стукнула в голову одна мысль: да ведь нет, братишки, ни бога, ни черта! А если нет, так кому же голландский капитан Берент Фокк свою душу продал?

Кулак Юся легонько бьет в широкий лоб, на котором уже нет ни единой морщинки озабоченности.

— Я руль на борт — и курс наискось на Фильзанд, вслед за «Голландцем».

Подбородок Юся угрожающе выпячивается; все видят, с каким упорством начал Конга преследовать таинственную бригантину.

— Иду полчасика — не видать гостя. Час — никого. Снова какие-то мысли нехорошие зашевелились. И вдруг месяц вышел. И на волне увидел я это привидение... Корабль без огней! Разорванные паруса полощутся на ветру. Ни дать ни взять — «Голландец». Ребята бросились спускать лодки. Остался я на мостике один. Ну их всех, думаю, к дьяволу! Один так один!

Конга принимает решительную боксерскую позу.

— И тут старый мой помощник Разум прошептал: «Слушай, парень, зажги прожектор и посмотри, что тебе мерещится!» Щелк, включил прожектор, и... как вы думаете? На курсе — парусная артиллерийская мишень!

Рассказы Юся обычно связаны с морскими легендами. Начинает он просто: «Это произошло, когда мы грузили бобы какао в Африке...» А потом пойдут приключения.

Я знаю Юся лет двадцать и никогда не сомневался в том, что он смелый мореплаватель и первоклассный капитан. И все-таки — пусть капитан не сердится за мою откровенность — я относил его к категории людей несколько поверхностных и легкомысленных. Почему? Вероятно, потому, что каждый раз, когда он начинал что-либо рассказывать, мне вспоминались слова эстонской шуточной песни: «То было в древние года, когда вся сельдь на берегу жила...»

Но недавно... Кстати, знаете ли вы, что под легкой морской рябью скрываются тяжелые донные волны? Может быть, вы видели, как при спокойном дыхании моря вода сердито бушует и пенится у глубокого берега? Часто волны, катящиеся под спокойной поверхностью, заставляют море с ревом взлетать над молами и дамбами. Это упрятанная в глубину сила прошедших штормов: она мощнее волнения поверхностных волн. Так вот и Конга.

Недавно, совершая обычный обход гавани, я зашел в капитанскую каюту «Пересвета». Конга сидел над какой-то толстой книгой.

— Видишь, изучаю морскую романтику, — вздохнул Юсь. — Говори, что хочешь, но и нынче совершается немало великих дел. Вот искусственная Луна летает над головой. Ведь делают эти чудеса какие-то счастливички! А я копаюсь в историях времен Васко да Гамы.

Я уселся на диван и с удивлением посмотрел на своего

друга: никогда еще я не видел таким серьезным этого гсворуна.

— Знаешь, Серго, если у тебя есть немного времени, я расскажу тебе одну маленькую историю. Она произошла со мной лет сорок назад.

В голосе приятеля нет обычного удалого полета.

— Что я буду моряком, это я знал, наверное, трехлетним. Первые морские путешествия я проделал на рыбацких лодках. Сколотил компанию ребят и выезжал с ними из устья Нарвы.

Однажды в полумиле от берега ветер опрокинул лодку. Рыбаков на берегу не было, никто не заметил несчастья. Взобрались было на днище, но старая посудина не держала трех мальчуганов. Тогда прыгнули в воду и уцепились за лодку. Но нас относило в открытое море, волны росли.

Я плавал лучше других, и мы решили, что я поплыву на берег за людьми. Уже на половине пути я почувствовал, что выбился из сил. Я кричал, звал на помощь. Заплакал. Это утомило еще больше.

Наверное, я уже хлебнул воды, когда кто-то рядом со мной крикнул: «Берись за меня!» Это был большой, сильный мужчина, он приплыл на помощь. Ветер дул с берега, и нам было трудно. Человек тяжело дышал, его движения становились все медленнее.

«Не бойся, парень!» — несколько раз повторил он, но мне показалось, что и ему стало страшно. Наверно, он подбадривал себя. Он очень устал...

Обоих нас тянуло вниз. Последнее, что помню, это шум и звон в ушах.

Меня все же спасли. Только меня. Ребят, которые остались в море, так и не нашли. Не узнал я и имени человека, который погиб из-за меня. Говорили, что это был случайный отдыхающий.

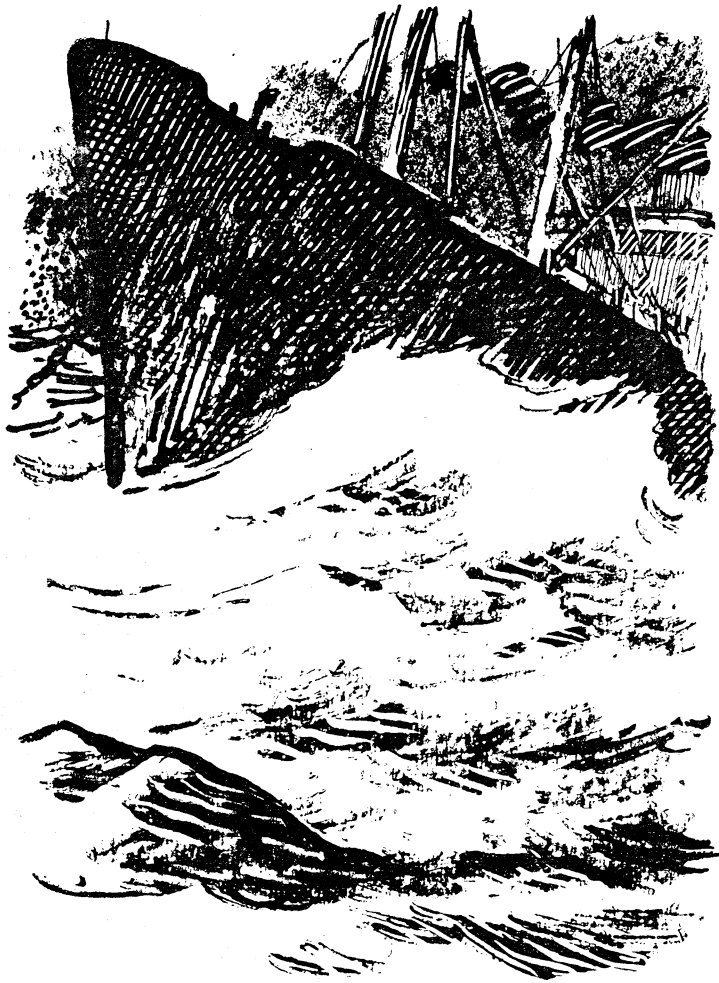
Дома, лежа в постели, я думал о том, что, когда вырасту, стану таким же сильным и смелым, как он, тоже спасу чью-нибудь жизнь. Или сделаю еще что-нибудь очень-очень большое и хорошее. Но вот до сих пор, видишь, хожу в долгу...

— А за что же ты получил орден Красной Звезды? — не удержался я.

— Да просто за старательную службу в армии, — машет рукой Конга. — Был старшиной роты в запасном полку. А теперь вот на спасательном судне. Стою себе в гавани, иной раз выйду на рейд машины опробовать — и к причалу. Капитаны все грамотные, корабли новые, кто же в теперешние времена «SOS» подает? Нет уж, видно, моя такая судьба: помаленечку да полегонечку...

Этот разговор состоялся у нас накануне знаменитого августовского шторма. Утро занялось бурное и темное. Десятibalльный норд-вест гнал низкие тучи. Волны нашли путь между защитными молами и проникли в гавань.

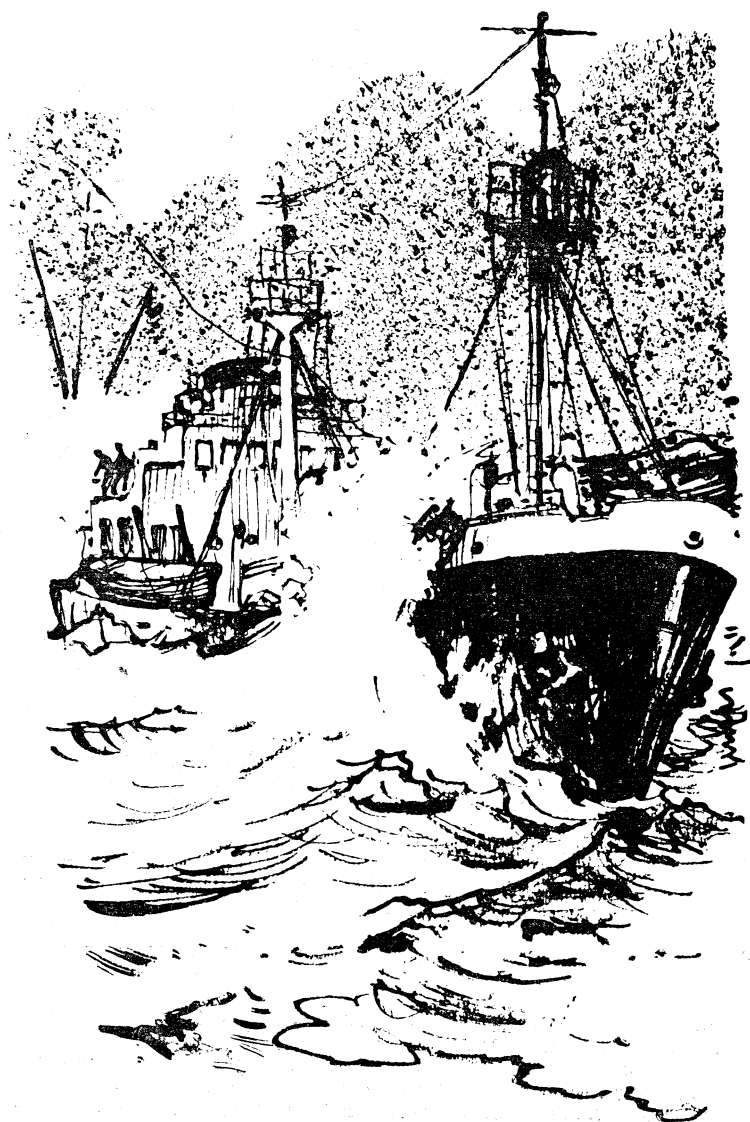
Уже ночью, дома, я прислушивался, как ветер тряс оконные рамы, и с тревогой думал о стоявшем на рейде

лихтере. Из-за тесноты в гавани я приказал ему стать в заливе. И теперь было нехорошо на сердце.

Утром я понял, что дела лихтера плохи. В бинокль было видно, как нос судна нырял в волны. Якорные цепи, казалось, были напряжены до предела. Я пошел на «Пересвет». Капитан как раз брился. Я попросил Конга отвести лихтер к полуострову Пальяссар, в заветрие.

— Разве ж это работа для спасателей — таскать лихтера по рейду? — пробурчал Конга и стал натягивать высокие сапоги. Но по тому, с каким яростным рвением

он одевался, я понял, что эта прогулка была для него приятным развлечением.

Именно в тот час, когда «Пересвет» возился с лихтером, радисты поймали «SOS» итальянского парохода

«Розапелаги», шедшего в Хельсинки. «Розапелаги» потерял управление и под напором волн и ветра понесся к подводным рифам Хиумаской мели, близ Кыпуского побережья.

Хотя моряки с «Розапелаги» не слышали поверья о старом «Унгрском графе» и его ложном маяке¹, им, конечно, было от этого не легче.

В эфир летело непрерывное «SOS». «Пересвет» получил новый приказ: мчаться к итальянскому пароходу.

Все время я поддерживал радиосвязь как с «Розапелаги», так и с «Пересветом». Первый, хотя он и отдал два якоря, с упорной последовательностью дрейфовал прямо на Хиумаскую мель. А «Пересвету» буря шла навстречу, и чем дальше уходил он в открытое море, тем меньшей была его скорость.

Радисты пароходства всю ночь не снимали наушников. Я попытался связаться с рыбацкими колхозами на побережье, но буря повредила линию. Да к тому же ни одна рыбацья лодка не смогла бы бороться с такой бурей. Толстые старые деревья на таллинских улицах бросало на мостовую. Змеями взвивались по мостовым проводам.

Большой финский пароход поймал сигналы итальянцев и попытался приблизиться к ним. Но, увидев, куда попал «Розапелаги», пароход вернулся на свой курс. Капитан решил, что ни к чему губить оба судна.

«Капитану Таллинской гавани. Дрейфую прямо на рифы. Есть ли надежда на спасение?» — запросил по радио капитан «Розапелаги». Мы уточнили координаты. Да, пароход уже попал в опасный район. Что мы могли ответить, кроме: «Форсированным ходом идет спасательное судно»?!

Каждые два часа я наносил на морскую карту полученные от «Пересвета» координаты. Скорость спасательного судна продолжала уменьшаться. Под килем «Розапелаги» оставалось не больше двух метров воды.

Не было никаких признаков спада шторма. Вместо прямого ответа бюро прогнозов говорило о столкновении воздушных масс различных температур.

По радиogramмам и подробным рассказам участников мне теперь ясно: поход «Пересвета» был гонкой со смертью. Утром, когда спасательное судно прибыло на место, днище «Розапелаги» было уже пробито в нескольких местах, тоннель гребного винта полон воды, а в корпусе образовалась течь. Море, правда, еще не ворвалось в трюмы: помогли пластины донных баков и водонепроницаемые двери машинного помещения. Но сквозь них уже начала просачиваться вода.

«Пересвету» предстояло подойти к итальянцу так близко, чтобы можно было передать конец буксирного троса. Это была самая опасная часть операции. Ясно представляю, что произошло в то утро.

---

¹ В старые времена помещик Кыпуского побережья «Унгрский граф» (граф Унгер-Штернберг) с помощью ложного маяка заманивал на рифы проходившие мимо суда и грабил их.

Волна, непрерывно подстегиваемая бурей, схватила спасательное судно, застопорившее моторы, и попыталась его опрокинуть. Казалось, буря победит. Но упрямо судно снова и снова выпрямлялось. Боролись расчеты кораблестроителей, опыт капитана, с одной стороны, и бешеное море — с другой. Борьба была беспощадной. Мокрые горбы камней порой мелькали меж грядями волн, они словно выжирали момент, чтобы пробить дыру в корпусе спасательного судна. Это был бы удар наверняка. У «Пересвета» не было двойного днища, как у больших торговых пароходов.

Мне до сих пор непонятно, как удалось «Пересвету» среди камней подойти к «Розапелаги» на расстояние выстрела пушки, подающей линию. Видимо, помогло моряцкое чутье капитана... Ну, и еще, конечно, повезло.

На следующий день «Пересвет», ведя на буксире «Розапелаги», прибыл на Таллинский рейд. Капитан из Сорренто синьор Гопполлато встретил меня чашкой кофе. Синьор Гопполлато сказал, что судьба судна и команды, после того как финский пароход отказался помочь, была уже предрешена. Капитан знал, что ни одно судно не рискнет подойти к ним. Вода клокотала у подводных камней, и гибель «Розапелаги» была уже вопросом минут, когда «Пересвет» выстрелом пушки перебросил на борт полуразбитого судна линию.

— Вышла из строя машина, — сказал капитан Гопполлато, — мы ничего не могли предпринять. Ну, а ваш буксир... Его капитан сделал больше, чем требуют морские законы.

Вместе со старшим механиком «Розапелаги» мы осмотрели повреждения судна, и он пригласил меня в свою каюту. Механик, маленький смуглый человек, дал мне фотографию. Я увидел на ней мальчика лет семи с большими темными глазами. На ломаном английском языке южанин сказал:

— У меня нет никого, кроме этого мальчика. Его воспитывает одна старая женщина, я высылаю ей деньги. Если бы с «Розапелаги» случилась беда, сыну пришлось бы просить милостыню. Передайте этот снимок капитану «Пересвета».

А на следующий день в конторе, когда наши моряки попросили Конга рассказать об «экскурсии» на Хиумаскую мель, Юсь вернулся в свою стихию:

— Ишь ты, героя из меня сделать хотят... А ничего особенного не было. Правда, когда я увидел там Унгруского графа...

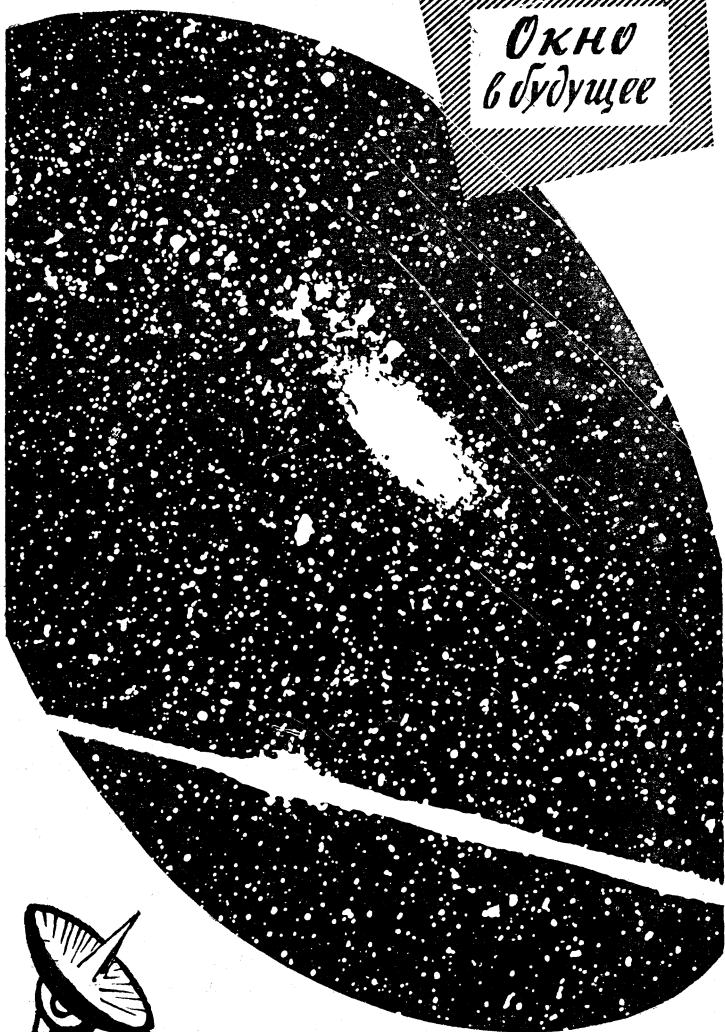
— Ну, Конга, ты опять из морской пены канат плетешь, — смеется кто-то из капитанов.

— Ей-богу, правда! Дайте расскажу, — и Юсь поднимает к небу три пальца.

Течет рассказ, все слушают затаив дыхание. Сегодня голос Конга звучит как-то особенно свободно и сильно.

Перевод с эстонского И. Кононова

*Окно
в будущее*

ПОКОРЯЯ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

А. ФЕДОРОВ

„ДА“ ИЛИ „НЕТ“?

Итак, человек впервые покинул свою колыбель — Землю, впервые шагнул за пределы родной планеты! Это наш соотечественник, сын героического советского народа — первооткрывателя космоса.

Беспредельна мощь человеческого разума, и никогда за всю историю Земли не проявлялось это так ярко, как в наше замечательное время. На повестке дня современной науки — полеты человека к Луне, к Венере, к Марсу, к другим планетам солнечной системы.

Но на какие расстояния возможны космические путешествия человека? Пространства, которые он дерзает преодолеть, огромны. Допустим, его звездолет движется примерно с той же скоростью, какую сообщают при запуске искусственным спутникам Земли (порядка 10 километров в секунду). В таком случае долететь, например, до Солнца космонавт смог бы за полгода, а для того чтобы достичь одной из близких к нам звезд — звезды Проксима в созвездии Центавра, ему понадобится без малого... 120 тысяч лет!

Но Проксима не «конец» вселенной. Дальше простирается целый звездный архипелаг — Млечный Путь, состоящий из сотен миллиардов светил. А за ним снова галактика за галактикой...

Что же получается? Человек никогда не сможет побывать в других звездных мирах, ибо для таких путешествий жизнь его слишком коротка? Неужели даже звезды нашей Галактики и вращающиеся вокруг них планеты навсегда останутся для нас недоступными?

«Да», — отвечает механика Исаака Ньютона с ее пред-

ставлением о существовании абсолютного времени, то есть времени, идущего равномерно и независимо от движения тел, которые мы изучаем.

«Нет! — говорит другая механика, вытекающая из современной физической теории, называемой теорией относительности. — При соблюдении определенных условий человек может победить и время».

Как это? Постараемся разобраться.

Великий физик Альберт Эйнштейн показал, что Ньютоново понятие об абсолютном времени неверно вообще, а механика Ньютона справедлива лишь для тел, движущихся относительно друг друга со скоростями очень малыми по сравнению со скоростью света.

Теория относительности Эйнштейна дала ошеломляющий вывод: время зависит от скорости движения.

Поясним это примерами.

ЧТО ТАКОЕ ЧАСЫ

Человеку в космической ракете и жителю Земли дали одинаковые, предварительно сверенные часы. На Земле они показывали одно и то же время. Но как только ракета стала двигаться относительно Земли со скоростью, приближающейся к скорости света (300 тысяч километров в секунду), часы у космонавта начали отставать от часов земного жителя. Секунды в ракете стали очень длинными, и время как бы затормозилось.

Запомним сразу, что физики называют «часами» любой предмет, внутри которого происходят равномерные периодические колебания. В качестве часов могут быть использованы система Солнце — Земля (с суточной и годовой периодичностью движения нашей планеты), человеческое сердце с его ритмическим биением, равномерно вращающаяся машина... Сопоставляя свои переживания с часами, мы тем самым законно признаем объективный характер времени. Но промежутки времени, указываемые часами или календарем, ни в какой мере не являются абсолютными, неизменными величинами, установленными для всей вселенной каким-то божественным декретом. Все часы, которыми когда-либо пользовался человек, были приурочены только к нашей солнечной системе. А по отношению к другой системе данные промежутки времени, как говорит теория относительности, будут изменяться.

Убедительной практической проверкой этого вывода явился эксперимент, проведенный в 1936 году американским специалистом Х. И. Айвсом. Он исходил из следующего. Излучающий световую энергию атом — тоже часы, поскольку излучение отличается определенной частотой и длиной волны. И то и другое может быть весьма точно измерено. И вот, сравнив световое излучение атомов водорода, движущихся на высоких скоростях, с излучением атомов водорода, находящихся в относительном покое, Айвс обнаружил, что у быстро движущихся атомов частота ко-

лебаний светового излучения сокращается. На быстро движущихся «часах» секунды удлиняются в точном соответствии с уравнениями Эйнштейна.

СЕКРЕТ ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ

Вернемся теперь к нашему космонавту. Отправившись в межпланетный рейс со скоростью, равной 0,999 скорости света, он замедлит для себя ход времени и будет свидетелем по форме фантастического, а по существу реального события. Допустим, он пробыл в полете по своим часам один год. Вернувшись на Землю, космический путешественник обнаружит, что здесь прошло уже около 70 лет. Сменилось целое поколение, и он очутился в будущем своих соотечественников.

Трудно представить себе, не правда ли? А между тем и на Земле возможны путешествия в будущее, только очень маленькие. Так, летя на современном самолете со скоростью 1 000 километров в час, мы через 10 часов полета очутимся в будущем на три стомиллионных доли секунды. Пилот, который сто раз перелетит Атлантический океан со средней скоростью 450 километров в час, станет моложе на одну секунду. Разумеется, этого никто не заметит. Вот почему выводы из теории Эйнштейна воспринимаются нами как фантастика.

Впрочем, и на Земле есть «существа», которые, путешествуя, увеличивают время своей жизни (с точки зрения путешественников) во много раз. Ученые обнаружили их среди посланцев звездных миров, ядер атомов водорода — протонов.

Врываясь в земную атмосферу, частицы эти сталкиваются с ядрами атомов газа и порождают так называемые мю-мезоны. Вторичные частицы летят со скоростью, близкой к скорости света. Так как продолжительность жизни мю-мезонов очень мала — всего две миллионных доли секунды, — то они за время своей жизни должны пролететь не более 600 метров. Фактически же их обнаруживают и на поверхности Земли. Иначе говоря, они преодолевают путь, равный примерно 30 километрам. В чем же дело? Может быть, они живут в атмосфере в 50 раз дольше, чем им «положено»?

Ничего подобного! Просто в полном соответствии с теорией относительности на летящем мю-мезоне часы идут во много раз медленнее часов на Земле. Для себя частицы живут две миллионных доли секунды, а для наблюдателя на Земле — гораздо дольше.

Принципиально то же самое происходит и на нашем воображаемом звездолете. Как показывает расчет, для космонавта, летящего со скоростью лишь на одну тысячную меньшей скорости света, время будет протекать в 70 раз медленнее, чем на покинутой им Земле. Он будет стареть соответственно времени, которое показывают его часы. Для него полет реально будет продолжаться год. Он и продук-

тов съест из расчета годового запаса. Окружающие его растения закончат всего лишь один вегетационный цикл. Если в звездолете имелись радиоактивные элементы, то и их распад произойдет на величину, соответствующую одному только году. Жизнь космонавта как бы удлинится, но сам он этого не заметит. Чем быстрее будет совершаться полет, тем медленнее пойдут его часы, тем реже у него будет биться сердце и тем медленнее он будет стариться. При данной скорости движения все физические, химические и биологические процессы в организме замедляются по сравнению с такими же процессами на Земле. Для путешественника же это не будет заметно, так как психические реакции организма тоже соответственно затормозятся.

Трудно удержаться от того, чтобы немного не пофантазировать. Представим себе, что звездный корабль летит со скоростью, все время приближающейся к скорости света. Вот его скорость такова, что одна секунда, отмеченная по часам космонавтов, эквивалентна для наблюдателей Земли одному году.

Фиксируем следующий момент, когда отношение вышеупомянутых скоростей еще ближе подойдет к единице. В этот момент одна секунда в звездолете будет соответствовать миллиону лет на Земле. Наконец отношение скоростей сделалось равным единице, то есть скорость звездолета достигла скорости света. Каково будет соотношение времени для экипажа космического корабля и для земных наблюдателей?

С этого момента время для космонавтов совершенно ос-

ВСТРЕЧА НА МАРСЕ

Юмореска

ЛАСЛО ФЕЛЕКИ

Меня давно волновал вопрос, который смело ставят авторы фантастических романов: есть ли на Марсе разумные существа?

К счастью, производство космических кораблей стоит сейчас на таком высоком уровне, что я смог приобрести малогабаритный персональный космический корабль. Запаковал в дорогу несколько книг, положил в сумку пару питательных водорослей и — даешь космос! — пустился в путь. За несколько месяцев я добрался до Марса, вылез неподалеку от большого канала, расположенного рядом с экватором, и тотчас же по-

знакомился с пожилым, хорошо воспитанным инженером-марсианином.

Этот субъект очень мило поинтересовался, как я доехал, не было ли в пути аварий, не попал ли я в метеоритный дождь, и задал мне парочку других шаблонных вежливых вопросов. Он многословно информировал меня о местных условиях, рассказал, что строительство каналов успешно движется. Я дал ему возможность высказаться, хотя меня интересовали вовсе не каналы: неловко было сразу перейти к цели моего прибытия. А потом, весьма осторожно, я задал

тановится. Они как бы обретут «бессмертие» с точки зрения земных обитателей...

Соблазнительно? Увы, последнее уже не больше как шутка!

Существует еще и такой вывод из теории относительности: каждое тело, будь то крохотный электрон или массивная ракета, по мере приближения их скорости к скорости света становится все тяжелее и тяжелее. Курьерский поезд, который делает 120 километров в час, увеличивает свой вес на 60 граммов, а наше тело, если мы находимся в поезде, — на 7 миллиграммов.

Этот прирост массы все же только относительный. Для наблюдателя, который остается в покое, тот же протон, например, с которым ведутся опыты, делается тем тяжелее, чем больше увеличивается его скорость в циклотроне. Однако если бы мы находились на протоне, мы этого не заметили бы. Таким же образом пассажир в курьерском поезде не смог бы измерить на весах, которые мчались бы вместе с ним, прирост своей тяжести в 7 миллиграммов. Теоретически это возможно сделать лишь на весах, через которые проехал бы поезд.

Теория относительности говорит и о том, что ни одно тело принципиально не может сравниться по скорости со светом. В этом случае масса тела должна была бы достичь бесконечно большого значения, а это, разумеется, абсурд. Но та же теория показывает, что человек может проникнуть далеко в пространство и будущее время. А значит, наступит пора, когда он долетит и до ближайших звезд!

ему несколько вопросов. Результат был потрясающим!

Марсианин не понял, почему 48-й автобус ходит так редко.

Не понял, почему в химичестве путают и обменивают рубашки.

Не понял, почему много раз подряд перестраивают один и тот же магазин.

Не понял, почему наша знаменитая футбольная команда терпит одно поражение за другим.

Не понял, почему грубят в трамваях, автобусах, троллейбусах, на улице.

Не понял, для чего нужны каблуки-гвоздики, жилетки и конферансье.

Он только глазел на меня своими тремя лиловыми в по-

лоску глазами и смущенно поводил усиками-щупальцами.

Разочарованный, я покинул его. Грустный вывод напрашивался сам: на Марсе нет разумных существ!

Перевод с венгерского
Елены Тумаркиной

**В. СУСЛОВ,
В. НОЗДРЮХИН,
А. КОРОЛЕВ,
В. РАЧКУЛИК**

«Говорит станция ледник Витковского!» — эти позывные шли в эфир во время Международного геофизического года с одной из точек мощной системы ледника Федченко. Там, в центре Памира, на высоте 5 тысяч метров в течение двух лет работали молодые советские ученые. Трудно, очень трудно было зимовать на такой высоте... Но ученые не сдавались — они проникали в неизведанные еще области Памира, вели постоянные наблюдения за ледником. Их исследования принесли неоценимую пользу науке.

Записки, которые печатаются ниже, принадлежат участникам одной из зимовок. Эти записки — отрывок из большой книги, которая в скором времени выйдет в Географгизе.

Дома остались Икрам и Володя Кучерявый. День подходит к концу, а ушедшие все не возвращаются.

«Пора зажигать маяк», — думает Володя. В это время открывается дверь и в комнату вваливается пропавшая тройка. Они были на одной из самых дальних площадок, на перевале Абдукагар. Теперь туда ходят втроем. На перевале очень много снега, два человека за светлое время суток не

справляются с работой. У дежурного отлегло от сердца. Пришедшие торопливо сбрасывают полушубки, развязывают ушанки. Бородатый Виталий Ноздрюхин, начальник группы, наклоняется над горячей печкой — шапка примерзла к бороде, усы превратились в сплошную сосульку. Очень хочется пить.

— Воды! Компоту! Кок! Умираем — пить! — наперебой звывают пришедшие к дежурному по кухне.

Круглолицый Володя Смянов успел раздеться и ищет глазами Икрама. По заведенной традиции вернувшуюся из похода группу дежурный встречает графином с шипучей содовой водой или полной кастрюлей компота. Икрам с удовольствием смотрит, как товарищи поглощают пенящийся «пунш».

Но когда Икрам подает на стол подогретый суп — для пришедших это и обед и ужин, — никто из них не может осилить своей порции. Нет аппетита. Альфред Королев прилег на постель. Почему-то разболелась голова. То ли от напряженной работы, то ли оттого, что с утра ничего не ели. Забрался на койку и Володя Смянов. Икрам убрал со стола и тоже поглядывает на кровать. Он плохо себя чувствует. Чем бы ни заправляли примус, бензином ли, керосином ли, горючее на высоте не сгорает полностью. Маленькая кухонька всегда полна угара.

Осторожно прикрыв за собой дверь, вышел на наблюдение дежурный. За обеденным столом остался один Виталий.

С рабочего столика скатился и мягко ударился о кошму карандаш. Столик уже настолько накренился, что предме-

ты сползают: падают вещи с полок, а пол в домике все прогибается. Недавно колено трубы из-за перекоса отошло от печки, и мы ночью сильно угорели...

Если пол не исправить сейчас, он в один прекрасный день рухнет. Правда, все очень устали, но другого времени нет.

Каждый хорошо знает, что и завтрашний и послезавтрашний день заполнены до предела. В начале будущей недели есть один день, свободный от снегосъемок и створов. Но в этот день запланированы работы на метеоплощадке — ведь снег уже подступил к приемным частям установленных там приборов. В ближайшее же время надо переставить их на новый уровень.

Никакая сила не заставит зимовщика лежать в постели, если он видит, что кто-то из его товарищей работает.

Мягко спрыгнул с койки Икрам, тяжело грохнул ногами Володя Смеянов. Принялись все вместе оттирать кошму от пола и отвинчивать винты панелей. Отсоединили и вынули две плиты.

— Ого, тут настоящая яма! — Смеянов спустился под пол. — Можно свободно гулять под домом.

Когда устанавливали домик, остов, собранный из дюралевых балок, укладывали прямо на фирн, предварительно утрамбованный и выровненный. Думали, что толстый слой пенопласта, заключенный в панелях пола, и двадцатимиллиметровая кошма прочно удержат внутреннее тепло домика. Поэтому никаких других мер по изоляции не предпринимали. Однако оказалось, что ни кошма, ни пенопласт не в состоянии полностью сохранить тепло внутри помещения. Фирн под полом стал таять, хотя на леднике держались морозы в 20—25 градусов. Под домом образовалась квадратная чаша, глубиной до метра. Домик только углами и стенками держался на краях ямы. На дне чаши виднелись лужицы не успевшей профильтроваться в глубь фирна воды. Володя обследовал подпол и потребовал несколько прочных ящиков. Ломом и черенками лопат приподнимали зимовщики по очереди балки, на которых держался пол, и подставляли пустые ящики. Они будут служить опорой. Хорошо, что их много на станции. Хорошо, что с первого дня неукоснительно исполнялось правило: на растопку печки ни одного ящика!

Ремонт закончили глубокой ночью. Пол опять стал ровным. Выпрямились покосившиеся столы и печь.

Некурящий Икрам потянулся за папирской. После дружной, слаженной работы расхотелось. Кучерявый поставил на плитку чайник.

Усталости как будто не ощущали. Но каждому было ясно, что долго так продолжаться не может. На станции определенно не хватало рабочих рук. Разговор вращался главным образом вокруг одной простой истины. Увеличение объема работ требовало увеличения числа зимовщиков.

— Сократить существующие снегомерные площадки или створы мы не можем, — говорил Виталий. — Наоборот, нам надо расширить наблюдения до ледника Акаде-

мии наук. Но как это сделать впятером? Вот если бы еще одного человека на зимовку...

— А что, если запросить Ташкент? — предложил Смейнов.

— Нет, это невозможно, — возразил Виталий. — Ведь перевалы закрыты. Даже хорошо организованной, хорошо оснащенной альпинистской экспедиции трудно пробиться зимой к нам, в центр Памира. Нет, надо искать другой выход.

Все понимали, что пять человек не смогут выполнить намеченную программу работ. К концу зимы увеличится высота снежного покрова. Это затруднит снегосъемки. Уже сейчас люди, как правило, питаются только два раза в сутки — не хватает времени, отрывают время от сна, совершенно не имеют выходных дней.

Утомленный, невыспавшийся человек быстро слабеет, притупляется его бдительность. Долго ли в таком состоянии свалиться в трещину, из которой не выберешься даже с помощью товарищей!

Может быть, запросить разрешение на перевод со Средней зимовки Таджи Аллабергена? Хотя бы временно до прихода летних отрядов. Ноздрюхин поделился своей мыслью с товарищами.

На следующий день в Ташкент полетела радиограмма.

Владимир Кучерявый торопится выйти раньше остальных. За спиной в рюкзаке у него теодолит, на плече тренога. Площадка, где устанавливается прибор, находится на добрую сотню метров выше над уровнем ледника. Чтобы не задерживать работы, надо до прихода группы успеть взобраться по склону на площадку и установить прибор. С высоты площадка ледник просматривается на всю ширину. Владимир установил треногу, с помощью буссоли направил теодолит на репер — специальный знак, установленный для изучения движения ледника. В трубу хорошо видны деревянные вехи, обозначающие точки поперечного скоростного створа. В прошлом месяце их ряд ровной дорожкой проходил от берега до берега. Сейчас рейки сдвинулись, дорожка изогнулась. Вместо ровного как стрела створа образовалась гигантская выпуклая дуга. Недаром нашу станцию называют «Заоблачная дрейфующая» — мы дрейфуем вместе с ледником со скоростью до метра в сутки!

Интересно, вехи, воткнутые в снег у самого берега, почти не сместились: скорость течения у берегов невелика. Но чем дальше к середине ледника, тем больше они «прошагали» от первоначального положения. За месяц ледник продвинулся примерно метров на пятнадцать.

Владимиру приходилось работать на ледниках Кавказа. Перед ледником Федченко кавказские ледники карлики. Месячная скорость их движения, за небольшим исключением, не более трех-четырёх метров, то есть раза в четыре-пять меньше, чем у ледника Федченко.

Владимир приник к теодолиту. Из впадины вынырнули три маленькие точки. Группа подошла к реперу.

Резкий порыв ветра рванул Кучерявого за полу кожуха. С теодолита слетела буссоль. «Разбилась!» — ахнул Кучерявый и бросился к буссоли. К счастью, она упала на снег и осталась цела. Но тренога, установленная на скальной площадке, не могла сохранить полную неподвижность. Теодолит дрогнул. Так и есть — сбилась наводка!

Кучерявый, повернувшись спиной к ветру, начинает вновь подводить инструмент. В объективе трубы опять появляются три фигуры. Все одинаково черные, все вверх ногами. Одна фигурка отделилась и пошла вдоль дуги вех с рейкой для промера высоты снежного покрова. Владимира она не интересует. Вот заметно вырисовывается второй человек, со связкой запасных вех. Не то! Кучерявому нужна фигура с широкой черной рейкой. Именно человек с рейкой должен давать сигналы и корректировать установку створа. Вот он! Третья фигурка воткнула рядом с собой черную рейку; она четко вырисовывается на снежном фоне.

Черная рейка торчит чуть в стороне от нити. Кучерявый флажком показывает наблюдателю, в каком направлении надо передвинуть рейку. Рейка передвинулась. Теперь она находится прямо на черте. Кучерявый дает отмашку: «Очень хорошо! Давай дальше!»

Люди на леднике замерили рулеткой расстояние между рейкой и старой сместившейся вехой. Записали отсчет, вместо черной рейки воткнули вешку, снятую со старого створа, и двинулись к следующей вехе. Владимир оторвался от теодолита и закрыл лицо руками. Минутку можно отдохнуть от ветра. Ресницы смерзлись и стягивают веки. Тепло рук и дыханием он отогревает лицо; снова поворачивается к ветру. Пора взглянуть в трубу. Лыжник с черной рейкой как раз в это время подошел по створу к месту второй вехи и воткнул рейку. Кучерявый флажком просигналил ему поправку. Люди идут поперек ледника, приближаясь к теодолиту. Они в движении, им тепло. Кучерявому холодно стоять на месте. В перерывах между наблюдениями он отплясывает на большом камне чечетку. От ветра чуть вздрогнула тренога. Кучерявый этого не заметил. Он видит только, что сверху наползает туман.

Восьмая, девятая, десятая вехи... Пора проверить, ровно ли устанавливается створ. Кучерявый повел трубой вверх к реперу. Что такое? Две последние вехи стоят в стороне от створа. Недоглядел. Он вскакивает на камень и отчаянно крутит флажком: Люди на леднике остановились. Одна фигурка, та, что с биноклем, поворачивает назад исправлять створ. А ветер несет по леднику клочья тумана. Они все ближе. Все ниже спускаются облака, погода портится. Пройдена половина створа — до середины ледника. Теперь легче разглядеть людей и рейку даже в тумане.

Да, но если опять сбился теодолит, теперь в тумане не увидишь, не исправишь наводку... Кучерявый нервничает: в такую погоду на створе работать нельзя. Но как сообщить

людям на леднике, что он их плохо видит и не может ручаться за точность установки створа?

И вдруг он замечает, что все три фигурки собрались вместе и как ветряные мельницы неистово машут руками. Посиневший от холода Владимир догадывается: «Работу продолжать не можем. Слезай. Съемка показаний по створу переносится на завтра».

Закоченевшие зимовщики торопливо перебирают лыжными палками. Быстрая ходьба согревает. Чертова погода! Как она усложняет работу!..

Дома их ждет приятный сюрприз. Дежурный протягивает принятую из Ташкента долгожданную радиограмму.

«Переход Аллабергенова на верхнюю зимовку разрешаем».

Удивительно ясная, тихая погода, которую никто не ожидал в феврале, позволила зимовщикам без особых хлопот спуститься в обсерваторию и привести с собой Таджики Аллабергенова.

Радио было мостиком, который связывал нас с Большой землей и, разумеется, Большую землю с нами. Мы рассказывали товарищам, оставшимся на Большой земле, о наших радостях и невзгодах, трудностях и победах. Они помогали нам словом, приветом. Мы имели возможность беседовать со своими родными и близкими.

Но, к сожалению, анодные батареи имеют свойство приходить к концу.

На остатках электричества мы передали в Ташкент радиограмму, в которой сообщили, что скоро потеряем связь не только с Большой землей, но и с расположенными рядом зимовками. На следующий день Ташкент сообщил: на зимовку выходит группа альпинистов, возглавляемая мастером спорта Вадимом Эльчибековым. Она доставит анодное питание для радиостанции.

Мы все были альпинистами и отчетливо представляли, как идут сборы в Ташкенте. Штаб-квартира похода расположена, разумеется, дома у Вадима Эльчибекова. Сюда с разных складов, со всевозможных продуктовых баз доставляется все необходимое для путешествия. Один тащит рюкзак с тушенкой, другой — лыжи, третий с трудом удерживает в объятиях связку спальных мешков.

Почти наверняка в ночь перед выездом никто не спит. Не уточнены какие-нибудь детали маршрута, или вдруг оказывается, что для бензиновых примусов нет горючего.

А потом вокзал. Шумные проводы. Шутки, смех, напутственные слова...

Да, начало путешествия мы представляли отлично. О продолжении его узнали гораздо позже, когда встретились с нашими друзьями уже на зимовке. Пришли они туда через двадцать один день после выезда из Ташкента.

6 марта из Оша альпинисты на машинах отправились в горы. Под перевалом Талдык впервые встретились снеж-

ные заносы. Мощные бульдозеры-снегоочистители прокладывали путь — машины шли в траншее, прорытой в глубоком снегу. За перевалом дорогу преградила огромная снежная лавина, сползшая со склона. Стены прорытого в лавине коридора достигали восьми метров высоты, так что и солнца не было видно.

За Сарытащем впереди колонны поставили трактор со снегоочистителем, за ним другой трактор тащил автомашину. За сутки каравану удалось продвинуться только на двадцать семь километров. Сугробы стали настолько мощными, что тракторы не могли их преодолеть. Тогда альпинисты наняли погонщика с верблюдом. На верблюда погрузили вещи, а сами шли рядом на лыжах.

Целый день шли по белому безмолвию Алтайской долины. Уже в темноте достигли селения Юкоз. Здесь лыжников догнала покинутая ими утром колонна автомашин. За день она значительно выросла, к ней присоединились новые машины и тракторы. Утром колонна двинулась дальше. Альпинисты устроились кто как мог: одни на подножках, другие в кузовах, третьи уселись на снегоочистители.

Тяжело урча, буксуя, машины и тракторы с трудом пробиваются вперед. К концу дня еще двадцать километров пути остаются позади.

13 марта альпинисты добрались до долгожданного Дарат-Кургана. Это конечный пункт автомобильной дороги. Здесь группу поджидал с лошадьми караванщик Джакын. Теперь путь лежал на Алты-Мазар.

Под перевалом Терсагар наткнулись на огромные снежные сугробы. Новое препятствие казалось непреодолимым для лошадей. Эльчибеков снял лыжи и тут же провалился по грудь в глубокий снег. Усиленно работая корпусом, он сделал несколько шагов. За ним осталась глубокая траншея, в которую вошла головная лошадь. Сменяя друг друга, люди прокладывали путь лошадям.

Перевал пройден. В непроглядной темноте начали спуск. Семнадцатичасовой переход вконец измотал путников. И только маячивший далеко внизу огонек метеостанции придавал силы.

Два дня лыжники отдыхали на Нижней станции. Рано утром 18 марта альпинисты покинули Нижнюю станцию и вступили на ледник Федченко. Всего шестьдесят километров пути оставалось группе Эльчибекова до цели. Но какого пути!.. Снежные заносы, трещины, ледяной ветер, беспокойные ночи в холодных палатках...

На Средней и особенно на Верхней станциях потянулись часы томительного ожидания. Зимовщикам не терпелось скорее увидеть гостей с Большой земли — увидеть тех, кто легко расстался с комфортом городской жизни и ради друзей отправился в трудный, грозный опасностями путь.

Научные станции назначили между собой дополнительные сеансы радиосвязи. К вечеру 19 марта группа должна

была прибыть на Среднюю станцию — в обсерваторию. Погода стояла отличная. На Верхней станции за час до связи все зимовщики собрались у радиостанции. Сейчас они услышат в трубке знакомые голоса. Ноздриухин еще раз проверил исправность радики, подключил все имеющиеся в резерве батареи. Их хватит на несколько минут. Каково же было изумление зимовщиков, когда обсерватория сообщила, что альпинисты не пришли и группу не видно на леднике на протяжении восемнадцати километров.

На другой день из обсерватории сообщили: «Альпинистов нет. У нас страшная метель, ничего не видно. Выходим на поиски».

Поиски успеха не принесли.

Вступив на ледник Федченко, альпинисты сразу же очутились в лабиринте морен. Язык ледника — это бесчисленные нагромождения морен, между которыми залегают глубокие впадины. Снег с моренных холмов сползает, и их черные оголенные вершины резко выделяются на фоне белых гор. Подветренные стороны возвышенностей и днища понижений засыпаны глубоким рыхлым снегом. На лыжах здесь не пройдешь. Альпинистам пришлось тащить их на себе. Четко видны следы снежного барса. Видно, прошел недавно. Звериный след — лучший указатель дороги. За группой оставалась глубокая снежная траншея, иногда выше человеческого роста. К ночи добрались до избушки. Тесная низкая хижина, в которой летом останавливаются на ночь погонщики лошадей, показалась фешенебельной гостиницей.

Весь следующий день группа плутала среди бесконечных моренных нагромождений. За двенадцать часов удалось пройти всего несколько километров. Пока участники похода устанавливали палатки на берегу большого замерзшего озера, Эльчибеков и Никонов пошли на разведку — исследовать сверкающую впереди полосу льда, присыпанную снегом. Свой путь они отмечали каменными турами. Им повез-

ло. Следующим утром альпинисты выбрались из хаоса морен. Встали на лыжи. Теперь группа быстро пошла вверх. Впереди уже виднелись мачты обсерватории.

Хорошая погода, стоявшая все эти дни, начала портиться. С верховий ледника задул холодный ветер. Небо покрылось сплошным слоем облаков. Снежный шквал налетел быстрее, чем его ожидали. Все скрылось в крутящихся снежных вихрях.

Впереди отряда, низко опустив голову, идет Вадим Эльчибеков. Мелкий сухой снег сильно бьет по лицу. Вдруг сзади слышится крик. Все оборачиваются. Шедший последним Ильхам Арифханов обеими лыжами провалился в трещину. Над снежной поверхностью видны только его голова и руки, судорожно вцепившиеся в края обрыва. От образовавшейся дыры в направлении движения группы змейкой бежит трещинка. Лыжники попали на закрытую снегом продольную трещину. Еще миг — снежный мост рухнет, и все полетят в пропасть.

Но мост выдержал. Ильхама извлекли из трещины.

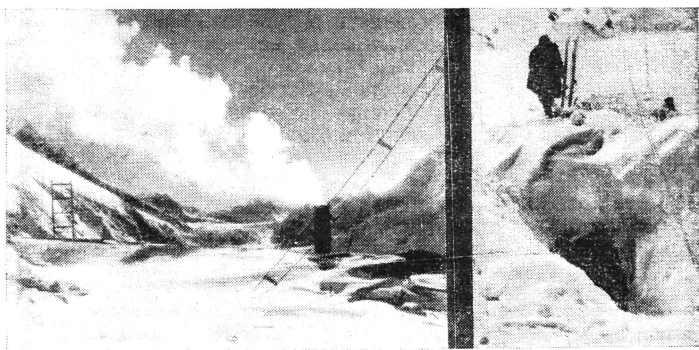
Двое суток свирепствовала метель. Днем сидели в палатках рядом с уложенными рюкзаками, ожидали хоть малейшего прояснения. На третий день погода немного улучшилась.

Это была большая победа — никто из альпинистов не совершал зимой такого перехода, никто не штурмовал зимой ледник Федченко. Это был радостный день встречи с зимовщиками.

О прибытии альпинистов в обсерваторию узнали на всех станциях. Эльчибеков из Ташкента получил радиограмму: «На Памире ожидается сильное ухудшение погоды». Вадим решил не рисковать людьми и переждать непогоду в обсерватории. Об этом он сообщил наверх. Зимовщики молча выслушали Вадима. Виталий посмотрел на Альфреда и Икрама. Те кивнули. «Ждите нас к вечеру: мы выходим навстречу», — только и успел сказать в трубку Ноздрюхин. Погасла сигнальная лампочка на щитке радиостанции — кончилось питание.

Спустя двое суток отряд альпинистов и зимовщиков пошел к Верхней станции. Домик зимовки скрылся под снегом. Торчали лишь труба, приборы, мачты и ветродвигатель. Альфред подошел к норе, прорытой в снегу: «Друзья, милости прошу к нашему шалашу».

Войдя в кают-компанию, участники похода «Дружба» были приятно поражены. Горел яркий свет, посередине комнаты стояли накрытые по-праздничному столы. Среди разных яств выделялись бутылки с темной жидкостью. Это был кофейный ликер, который так искусно умели готовить на Верхней станции и который впоследствии прославился на весь ледник. Банкет, как говорится, прошел в теплой, дружеской обстановке. Четыре дня пробыли альпинисты наверху. Они познакомились с работой станции, помогли нам подвезти топливо из контейнеров. На пятый день

группа двинулась в обратный путь. Назад уходило семь человек. Восьмой — Ильхам Арифханов — влился в семью зимовщиков.

Едва успели уйти гости с Большой земли, как невиданной силы снегопады обрушились на зимовку.

— Дежурный, — спрашивает кто-нибудь рано утром, еще лежа в постели. — Что там на дворе?

В вопросе звучит надежда: может быть, наконец, прекратился снегопад?

Дежурный гремит ведрами осадкомера:

— Шестьдесят миллиметров за ночь. На небе никакого просвета. Можете спать. Сегодня, как и вчера, на леднике делать нечего.

Ноздрюхин сбрасывает одеяло: как это «можете спать»?! Надо делать запасные рейки. После таких снегопадов все вехи на створах исчезнут под снегом.

Приподнимает одеяло и смотрит одним глазом Икрам. начальник встал — значит, и Икраму надо вставать. Начинается трудовой день. Сразу после завтрака вносим в помещение несколько пустых ящиков. Мы давно уже приспособили их для изготовления вех — другого материала нет.

Долго работаем молча. Вдруг Альфред, взглянув на потолок, роняет:

— Ого!..

— Что такое?

— Смотрите.

По темному фону окон, освещенных из комнаты электрическим светом, извиваются белые змейки снега. По крыше гуляет поземка.

— Поземка на крыше. Дом сравняло с ледником. Так через день-два и перекрыть может.

Но домик завалило в эту же ночь. В помещении стало сумрачно, как в подвале. Добросовестный дежурный попы-

тался было вылезти на крышу и расчистить стекла. Где там! Окна снова замело снегом, прежде чем он успел вернуться в домик.

Днем и ночью крутит метель. Заносит приборы. От трехметровой снегомерной рейки на метеоплощадке остался торчать только маленький кончик. Разве мог предполагать Королев, когда устанавливал осенью эту рейку, что высоты ее к концу зимы будет недостаточно? Альфред спешно принялся разлиновывать дополнительный брусок и наращивать его к уходящей в снег рейке. Переставили на новый уровень и стойки с метеорологическими и актинометрическими приборами.

С каждым днем все более толстым слоем снега покрывается крыша. С каждым днем все раньше выключаем электричество. Наконец перестаем выключать лампочки вообще.

Главный энергетик зимовки Володя Смеянов, допуская такую неэкономную трату энергии, просит только об одном:

— Если не нужна больше лампочка, погасите. Не сажайте зря аккумуляторов. Ушел из спальни — выключи свет. Кончил работу на кухне или в тамбуре — выключи.

Однако к голосу Володи прислушивались плохо. Часами горели забытые лампочки под навесом, на площадке, на маяке.

Тогда Смеянов обратился к товарищам со следующим воззванием:

— Поскольку народ у нас малосознательный и электроэнергию не экономит, предлагаю злостных нарушителей наказывать в общественно-административном порядке.

Он посоветовал составить список всех членов зимовки и и вывесить его на видном месте. За каждый проступок провинившийся должен сам поставить рядом со своей фамилией крестик. Кто наберет десять крестиков, того нужно безжалостно отправлять во внеочередной наряд на кухню.

Предложение Смеянова было единогласно принято и даже дополнено. Договорились ставить крестики не только за непогашенную лампочку, но и за любой другой беспорядок: за неубранный после работы инструмент, за оставленную где попало книгу, небрежно брошенную одежду. Крохотные размеры помещения требовали от зимовщиков большой аккуратности.

Володя сел за рабочий столик, включил настольную лампу и составил список членов зимовки, приколол листок бумаги к стенке у входа в спальню и поспешил за обеденный стол, где уже дымился густой борщ.

Едва он нагнулся над тарелкой, как раздался дружный смех.

— Володя! Ставь себе первый крест!

— За что? — удивился Смеянов.

Ему указали на горящую настольную лампу. Смеянов выбрался из-за стола, потушил лампочку и поставил первый крестик против своей фамилии.

— Ну, хорошо же!.. — прорычал он.

С этого дня никто не знал пощады...

Апрельские снегопады лишили нас не только дневного света. Мы не могли нормально выбраться из домика.

Дежурный по площадке, выйдя утром под навес, видел перед собой только снежную стену. В одном месте стена была тоньше и матово просвечивала. Дежурный плотней натягивал кашпоном штормовки и, закрыв глаза, врезался головой и плечами в снежную преграду. Преодолев ее, он уже лопатой расширял проход. До подъема дежурный был обязан полностью восстановить все ступени выхода. На следующий день другой дежурный повторял всю операцию сначала.

Кончилась первая половина апреля, а снег сыпал не переставая. Может быть, он вообще не прекратится? Мы стали с опасением поглядывать на небо. Старенькое, ветхое оно. Поизносилось за многие века. Не держит оно снег. И самая большая дыра образовалась как раз над станцией. Сколько же выпадет снега к концу зимы? Мы, зимовщики, должны первыми ответить на этот вопрос.

Вслед за домиком в снегу стала тонуть печная труба. В один прекрасный день печь закапризничала. Оказывается, снаружи в трубу уже заскакивает поземка. В спешном порядке отыскали лист дюралья и нарастили трубу еще на метр. Слой снега на крыше дома был уже метра в полтора... И тут снегопад прекратился. Ярко засветило солнце, небо стало синим-синим. Ежедневно группа в два-три человека выходила на проверку снегомерных площадок. Как и ожидали, много вех на створах занесло. На некоторых створах под снегом исчезли все рейки. Это означало, что весенний период, март — апрель, выпадает из общего ряда годовичных наблюдений. К створам люди подходили молча, сердитые на непогоду.

— Что же, будем разбивать снова, — говорил Ноздрюхин.

Это зачастую бывала самая длинная речь, которую он произносил на створе. Альфред вскидывал на плечи теодолит с треногой и молча карабкался на склон.

Погожие дни скоро кончились. На ледник опять опустились тучи. Однажды очень усталый вернулся со снегосъёмом Арифханов. Отказался от ужина и сразу же лег. У него поднялась температура. Мы не придали этому особого значения. Сильные головные боли с повышением температуры все часто испытывали после возвращения с работ: сказывались высота и переутомление. За ночь Ильхам отоспится, отдохнет и к утру опять здоров и бодр.

Но утром ему не стало лучше. Арифханов заболел серьезно. Стало ясно, что нужна помощь врача.

После передачи синоптической сводки Виталий поговорил с доктором. Врач экспедиции Мирсадыков — он находился в обсерватории — внимательно выслушал все признаки болезни. Очень трудно поставить диагноз, не видя больного. Так... Значит, температура не снижалась, появился сильный кашель. Неужели пневмония? Мирсадыков боялся

думать об этой страшной в условиях кислородного голодания болезни.

— Приходилось ли вам или кому-нибудь из ваших зимовщиков делать уколы? — спрашивает Мирсадыков.

— Нет, не приходилось. Но вы объясните, я сделаю, — отвечает Ноздрюхин.

— Хорошо. Слушайте внимательно. Лучше запишите.

Доктор говорит медленно, четко. Виталий торопливо записывает.

Потом он делает больному инъекцию пенициллина. Дает кислород; хорошо еще, что последний самолет выбросил нам вместе с грузом и баллон кислорода. Он оказался как нельзя кстати.

Третьи сутки Арифханов не встает с постели и почти ничего не ест. Температура не спадает, несмотря на все старания друзей.

Мирсадыков настаивает, чтобы зимовщики встретили его у ледника Наливкина. Доктор собирается выйти к больному с двумя сопровождающими. Ноздрюхин отвечает, что, несмотря на полное отсутствие видимости, зимовщики выйдут навстречу.

На следующий день после этого разговора Ильхам почувствовал себя значительно лучше. Температура спала. Дело шло на поправку. Сама собой отпадала необходимость прихода врача на зимовку. Через неделю доктор уже позволил Ильхаму работать по дому и даже дежурить на метеоплощадке.

В дни, когда Арифханов начал поправляться, население станции неожиданно пополнилось еще тремя живыми существами. Выйдя как-то на наблюдения, дежурный увидел, что на проводах радиоантенны, тесно прижавшись друг к другу, сидят три маленькие взъерошенные птички. Это были ласточки. Они принесли зимовщикам весть о весне. Но что заставило их залететь в такую даль? Обессиленные и замерзающие, приземлились они на обжитом островке станции, ожидая помощи от людей. Одна за другой ласточки слетели с антенны, покружились над отверстием и влетели под навес домика.

Володя Смейнов без труда поймал птичек и внес в дом. Ласточки запорхали по комнате, задевая крыльями за занавеси, и уселись на распределительном щитке. Два дня раздавалось на станции их щебетанье. Из поварского колпака и тряпок устроили им гнездо. На ночь все три птички забирались туда. Мы гостеприимно раскрыли перед ними свои продовольственные запасы, предлагая весь ассортимент продуктов. Но ласточки не притронулись ни к чему.

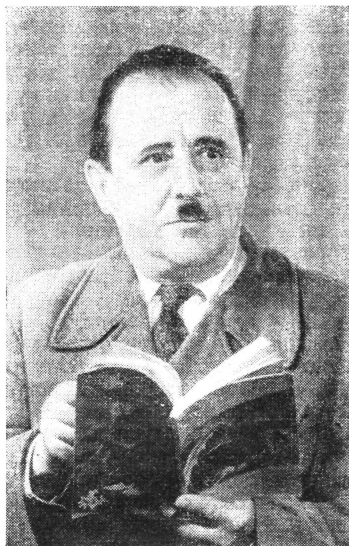
Им нужны были мошки. Если в ближайшие дни погода не прояснится, они просто погибнут от голода.

К счастью, на третий день метель утихла. По-весеннему яркое, приветливое солнце засияло над ледником. Зимовщики вынесли своих «гостей» из помещения. Сфотографировали на прощание и отпустили. Птички полетели вниз по леднику навстречу весне.

Первый год тяжелой зимовки подходил к концу.

Искатель принимает гостей

Недавно в гостях у редакции «Искателя» побывал Кирилл Константинович Андреев, известный критик, большой знаток приключенческой и фантастической литературы, автор увлекательной книги «Три жизни Жюль Верна». Мы попросили Кирилла Константиновича рассказать о книгах, которые были и еще будут сверстниками юных, о своих творческих планах, высказать свое мнение о путях развития советской фантастики.

Сверстники юности

Старый писатель Жюль Верн был первым из тех, кто ввел меня в мир фантастики и приключений, познакомил с героями, борющимися с силами зла и всегда их побеждающими, завоевывающими подземные, подводные, заоблачные и надзвездные края...

В годы моей юности уже существовали подводные лодки, уже взлетали в небо первые неуклюжие аэропланы и дирижабли. Пири и Амундсен уже достигли земных полюсов, уже не осталось неоткрытых островов. Но тем не менее книги старого писателя были живы — и живы до сих пор! — своими героями: ученый и революционер капитан Немо, Гленарван и его спутники, ненавидящие мир жестокого колони-

ализма, капитан Гаттерас, доктор Клаубонни, профессор Аро-накс, Мишель Ардан... Все эти герои — люди, лишенные страха, полные веры в человека и в науку.

Позже моим сверстником стал Александр Дюма и его герои: граф Монте-Кристо, помогающий поруганным, угнетенным, несправедливо обиженным, мстящий без пощады лицемерам и предателям... Благородные мушкетеры, чья пленительная храбрость, готовность отдать жизнь за родину, за товарищей, буквально ослепляли меня...

Сколько героев теснилось вокруг меня в те далекие дни! Кожаный Чулок — он же Зверобой, Соколиный Глаз, Следопыт — учил меня наблюдать природу, различать птиц по полету, деревья — по дрожанию листа, зверя — по следу и походке. Шерлок Холмс помогал узнавать людей по блеску глаз, по едва заметным жестам, по беглой улыбке. Я плавал по морям и бродил по горной Шотландии вместе с героями Стивенсона, разгадывал шифры вместе с Эдгаром По. Станюкович раскрыл мне героизм и трудную романтику профессии моряка...

Последним сверстником моей юности и молодости — и он остался им до сегодняшнего дня — был Герберт Уэллс. Если герои Жюль Верна — враги войны и национального и расового угнетения, если вера их в науку была тем волшебным талисманом, который открывал дверь в будущее, то сам мир завтрашнего дня был для французского писателя лишь смутным видением. Английский же писатель рисовал грядущее в многообразии света и теней — как на картине художника-реалиста, написанной смелыми и резкими мазками. Будущее под его пером то было ужасным, как в памфлете «Машина времени», где писатель показывал, во что может превратиться современное ему общество, разделенное на антагонистические классы, то оно, как в романе «Когда спящий проснется», было наполнено гулом грядущих классовых битв, а иной раз оно было пленительным, как в книге «Люди-боги», — первом романе о коммунистическом обществе, который мне пришлось прочитать.

Все эти писатели помогли мне по-своему прочесть Книгу Жизни, которую я читаю до сих пор. Конечно, не только они были моими воспитателями. Но в литературе, той профессии, которую я избрал, они определили мой путь.

Моя книга «Три жизни Жюль Верна» — первая попытка расплатиться за все то, что я получил от сверстников моей юности. Сейчас я закончил книгу «Искатели приключений», где собраны литературные портреты Дюма, Стивенсона, Конан-Дойла, Уэллса. На очереди — вторая часть «Искателей приключений»: Купер, Станюкович, По, Лондон, Конрад, Грин. Надеюсь в будущем году я, наконец, закончу книгу о Герберте Джордже Уэллсе — первую в нашей стране книгу об этом фантасте.

Меня всегда особенно интересовала подлинно новая советская фантастика. Мне приходилось встречаться с Александром Романовичем Беляевым, работать с Сергеем Михайловичем Беляевым, редактировать первую книгу Григория Борисовича Адамова, беседовать о творческих замыс-

лах, к несчастью неосуществившихся, с Федором Львовичем Кандыбой, столь рано умершим.

И. А. Ефремов, А. П. Казанцев, В. И. Немцов, Ю. А. Долгушин, В. Г. Брагин, Н. В. Лукин — я вспоминаю первые рукописи этих писателей, их первые книги, творческие встречи, споры, большой разговор о фантастике. Эти писатели начали в советской научной фантастике то направление, которое французская критика ныне противопоставляет американской фантастике: «Есть два пути в этом жанре литературы — советский и американский». Наш, советский путь — путь литературы высоких идей — оказался весьма плодотворным.

Сейчас настало время собрать следующий посев. Мы стоим на пороге дня, когда новые люди, пришедшие в литературу, поднимут научную фантастику еще на одну ступень.

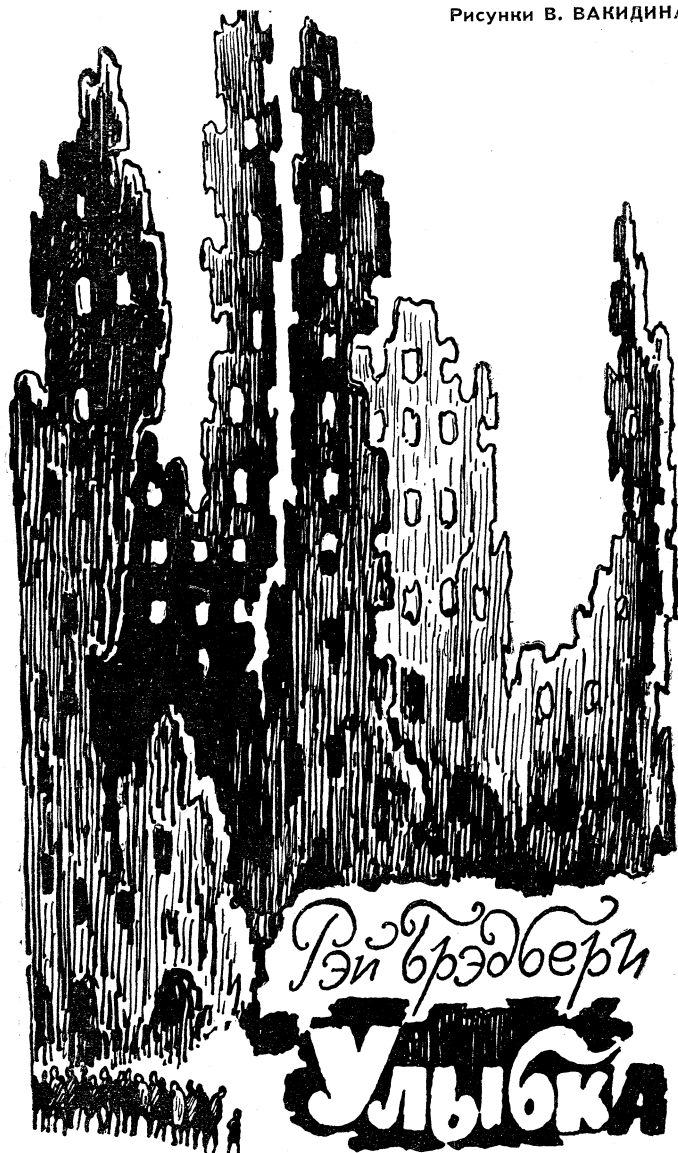
Это будет подлинно реалистическая фантастика, вырастающая из нашей необыкновенной действительности. Самые удивительные открытия, о которых мы прочтем в этих еще не написанных книгах, самые чудесные изобретения, не будут ни порождением только одной смелой фантазии, ни вдохновенным пророчеством. Они будут взяты из окружающей действительности, они будут лишь дальнейшим смелым вдохновенным развитием тех идей, что уже существуют если не в готовых проектах и чертежах, то в замыслах. Они будут реалистическими именно потому, что выражают мечту нашего времени.

Научная фантастика только тогда и сильна, когда, выражая идеи своего века, видит их уже воплощенными в действительности. Но писатель не может указать пути конструктору к конечной цели, которую он сам увидел в воображении уже ожившей. Торопясь в будущее, писатель поневоле перескакивает через какие-то этапы работы инженера, как прием вводит фантастические и даже совсем «ненаучные» подробности, чтобы сконцентрировать в смелом художественном образе мечту своего времени.

Но чтобы воздействовать не только на логическое, аналитическое восприятие читателя, но и на его чувства, все идеи писателя должны прийти в движение, ожить, одухотворенные человеком. Главной задачей наших молодых писателей должно быть создание реалистического героя, с одной стороны, нашего современника, с другой — прообраза человека завтрашнего дня.

Среди писательской молодежи читателям уже знакомы имена Александра Полещука, братьев Аркадия и Бориса Стругацких, Владимира Савченко. Но эти писатели — лишь первые гонцы того великого войска разведчиков будущего, которое я вижу в своем воображении.

От редакции: О путях развития советской фантастики много спорят. Возможно, не все согласятся с точкой зрения К. К. Андреева. Просим читателей высказать свое мнение по этому важному вопросу.

В пять часов утра, когда в деревнях, окутанных инеем, еще пели петухи и не было видно ни огонька, перед городской площадью уже собралась длинная очередь. К семи

часам ключья тумана, повисшие на развалинах зданий, растворились в бледном утреннем свете. По дороге маленькими группками — по двое, по трое — прибывали люди: сегодня был рыночный день и день праздника.

Мальчик стоял за двумя мужчинами, увлекшимися беседой. Голоса их звучали громко, и казалось, что в прозрачном холодном воздухе слова разносятся особенно далеко. Мальчик топал ногами, дул на свои красные, потрескавшиеся руки и поглядывал на длинный хвост одетых в грязную мешковину людей.

— Эй, паренек, чего тебе тут понадобилось в такую рань? — спросил мужчина, стоявший позади него.

— Занять место в очереди, вот чего, — ответил мальчик.

— Шел бы ты лучше отсюда, а место свое уступил тому, кто может понять все это.

— Не приставай к парню, — оглянулся вдруг один из разговаривавших.

— Да я пошутил, — и человек положил руку на голову мальчика.

Тот сердито стряхнул ее.

— Просто меня удивляет, когда мальчишки вылезают из постели в такую рань.

— А этого паренька, должен я тебе сказать, интересует искусство, — ответил защитник мальчика, которого звали Григсби. — А кстати, как твое имя, малыш?

— Том.

— Так вот, Том, уж ты-то наверняка постарайся — плюнешь как следует, без промаха, а?

— Еще бы!

По очереди прокатился смех.

В нескольких шагах от них оборванный старик продавал какой-то напиток в потрескавшихся чашках. В стороне был разведен костер, и над ним в ржавой жестянке булькало темное варево. Варево это отнюдь не походило на кофе. Изготавливали его из ягод, что росли на лугах за городом, и продавали по пенни за чашку. Оно согревало, но даже эта бурда далеко не всем была по карману.

Том посмотрел вперед. Там, у развалин каменной стены, начиналась очередь.

— Я слышал, она улыбается, — сказал он.

— Это точно, — ответил Григсби.

— Я слышал, она на холсте красками нарисована.

— Правда твоя. Только я думаю, она не настоящая. Настоящая-то, говорят, была на дереве нарисована когда-то давным-давно.

— Я слышал, лет четыреста назад.

— Может, и больше. Кто знает, какой сейчас год.

— Сейчас 2061-й.

— Это только так говорят, парень, а говорить можно что угодно. Все это враки. Может, сейчас 3000-й год, а может, и 5000-й, откуда знать? Такая заваруха была, что остались нам после нее одни обломки да развалины.

Они медленно передвигали ноги по холодным камням мостовой.

— Долго еще стоять? — робко спросил Том.

— Теперь уже скоро, всего несколько минут. Они там вокруг нее такую штуку соорудили: четыре медных столба вбили, бархатную веревку протянули — все, чтоб народ не добрался до картины раньше времени. Так что заруби на носу, парень, камнями в нее кидать запрещено.

— Да, сэр.

Солнце поднялось высоко в небе, жара заставила людей сбросить грязные пальто и засаленные шляпы.

— А чего мы стоим в очереди? — спросил Том. — Только чтобы плюнуть в нее?

Григсби отвел глаза и посмотрел на небо.

— Эх, Том, нам есть из-за чего стоять, — и он привычным движением потянулся к невесте когда оторвавшемуся карману за сигаретой, которой у него давным-давно не было и в помине.

Том часто видел такие жесты.

— Видишь ли, какая штука, Том, причин у нас много. Дело тут в ненависти к тому, что было в прошлом. Вот объясни ты мне, как докатились мы до того, что вместо городов у нас развалины, дороги — одни рытвины да ухабы, а поля по ночам светятся от радиоактивности. Паршивая была заваруха, вот что я тебе скажу.

— Да, похоже на то, сэр.

— Вот потому, Том, мы и ненавидим все, что привело нас к этой заварухе. Так уж устроен человек. Может, это и неправильно, но только так он устроен.

— Кажется, мы ненавидим всех подряд, без исключения, — сказал Том.

— Это так. Всю эту паршивую шайку, что когда-то правила миром. Из-за нее мы теперь голодаем, дрожим от холода, ютимся в пещерах. А вдобавок еще не пьем, не курим, и ничего-ничего не делаем, кроме как ходим на праздники. Да, Том, только праздники нам и остались.

И Том вспомнил, на каких праздниках он бывал в прошлые годы. Однажды они рвали на площади книги и жгли их. Тогда все напились и веселились до упаду. А на празднике науки — месяц тому назад — они вытащили на площадь последний уцелевший автомобиль. Все тянули жребий. И тем, кому повезло, разрешалось один раз изо всей силы стукнуть молотком по машине.

— Помню ли я этот праздник, Том? Еще бы не помнить! Ведь мне выпало счастье разбить ветровое стекло. Да-да, ветровое стекло — хочешь верь, хочешь нет. Эх, и звон же от него пошел — «дзин-нь!».

И Тому показалось, что в ушах у него до сих пор стоит звон разбитого стекла.

— А Билу Хендерсону поручили мотор распатронить. Он здорово за него принялся: в два счета расправился. «Бах-трах» — и делу конец. А еще лучше было, — вспоминал Григсби, — когда громнили фабрику, что самолеты выпускала. Жаркое дельце было, и сейчас приятно вспомнить, — продолжал он. — А потом мы наткнулись на типографию и военный склад. Взорвали их разом! Теперь понял, парень?

Том немного подумал.

— Пожалуй.

Солнце стояло высоко в небе. Городские руины распротраняли зловоние. По обломкам зданий ползали какие-то существа.

— А она уж больше не возвратится, а, мистер?

— Что? Цивилизация, что ли? Да кому она нужна? Уж во всяком случае не мне.

— А мне кое-что в этой самой цивилизации было по душе, — заметил человек, стоящий сзади, — кое-что у них было вовсе не так уж плохо.

— Да бросьте вы об этом болтать! — прервал его Григсби. — Все это было, да быльем поросло.

— И все-таки, — сказал человек, стоявший сзади, — когда-нибудь появится парень с башкой на плечах и постарается починить обломки цивилизации. И будет это человек с душой, помяните мои слова.

— Нет, не появится, — сказал Григсби.

— А я говорю, появится. Человек с любовью к красоте. И, может, он вернет нам цивилизацию. Конечно, не всю, что была раньше, но хоть часть ее — такую, чтоб при ней можно было жить мирно.

— Вот-вот. И прежде чем ты успеешь опомниться, снова разразится война.

— А я верю, что на этот раз все обернется по-другому...

* * *

Наконец очередь добралась до главной площади. С площади было видно, как в город въехал всадник со свитком бумаги в руке. Центр площади был огорожен веревками. Том, Григсби и другие медленно продвигались к столбам, накапливая во рту слюну. Они глядели во все глаза на полотно и были готовы ко всему. Том чувствовал, как быстро и тревожно бьется его сердце, как жжет босые пятки раскаленная земля.

— А ну, Том, давай припустим!

По углам огороженной площадки стояли четверо полицейских. На руке у каждого была желтая повязка — символ власти над людьми. Полицейские следили за толпой: вдруг кому-нибудь вздумается швырять камни в картину?

— Они здесь для того, чтобы все могли сначала посмотреть на нее. Пусть потом никому не будет обидно, понял? — сказал Григсби мальчику. — А теперь пошли дальше!

Том остановился перед картиной и долго, пристально вглядывался в нее.

— Плюй, Том!

Во рту у Тома пересохло.

— Давай, давай, пошевеливайся!

— Но ведь она... — медленно проговорил Том, — она красивая!

— Эх, ты! Давай я за тебя плюну!

Григсби набрал слюну, и плевок, как снаряд, сверкнул в солнечных лучах.

Женщина на портрете улыбалась Тому своей таинственной, безмятежной улыбкой, а Том стоял, смотрел на нее, и сердце его билось часто-часто, а в ушах звучала музыка.

— Она красивая, — повторил он.

— Давай, давай, поторапливайся, а не то полиция...

— Смирно!

Толпа притихла. Минуту назад люди накидывались на Тома за то, что он застрял на месте, а теперь все послушно повернулись к всаднику.

— Как ее зовут, сэр? — тихо спросил Том Григсби.

— Картина-то? Кажется, Монна Лиза, Том. Да, точно, Монна Лиза.

— Я зачитаю объявление, — произнес всадник. — «По решению властей сегодня ровно в полдень этот портрет будет отдан населению с тем, чтобы все местные жители могли принять участие в его разрушении».

Том не успел опомниться, как толпа ринулась вперед и поволокала его за собой. Люди вопили, отпихивали друг друга. Полиция кинулась врассыпную. Слышался яростный многоголосый рев. Руки, как жадные клювы, тянулись к картине. Раздался сухой треск рвущегося полотна. Том почувствовал, как его отшвырнули прямо на раму. Подражая окружающим, он инстинктивно ухватился рукой за кусок холста, рванул его, услышал треск, потом упал на землю и выкатился из-под чьих-то ног прямо к краю огороженной площадки.

Он поднялся да так и остался стоять на месте. Окровавленный, в разорванной одежде, Том смотрел, как мужчины ломают раму, как старухи рвут холст на крохотные кусочки, размером с конфетти, и жуют их.

Том одиноко стоял среди беснующейся толпы. В руке, прижатой к груди, он сжимал обрывок холста.

— Эй, Том, где ты? — крикнул Григсби.

Но Том не отозвался. Он кинулся бежать. Выбежал на дорогу, изрытую воронками от бомб, помчался по полю, пересек мелкий ручеек и бежал, не оглядываясь, бежал, засунув судорожно стиснутый кулак под пальто.

Уже смеркалось, когда он вышел к маленькой деревушке, быстро прошел через нее. К девяти вечера он, наконец, добрался до разрушенной фермы. Из единственного уцелевшего строения, которое раньше служило сараем, раздавался храп. Там спала семья Тома: мать, отец и брат. Том ловко проскользнул через узкую дверцу и, шумно отдуваясь, улегся рядом с братом.

— Это ты, Том? — раздался в темноте голос матери.

— Я.

— Где тебя носило? — рявкнул отец. — погоди, вот уж утром я задам тебе жару!

Кто-то лягнул его. Это брат, которого заставили сегодня потрудиться вместо Тома на их крошечном участке земли.

— Не ворочайтесь! — прикрикнула на них мать.

Том лежал, стараясь не шелохнуться, изо всех сил прижимая руку к груди. И пролежал так добрых полчаса, не двигаясь и не открывая глаз.

Потом он почувствовал, как по его лицу скользит луч света. Луч холодного, бледного света. Луна вышла на небо, и ее тоненький палец, пошарив по сну, подкрался к Тому. Осторожно, прислушиваясь к дыханию спящих, Том вытянул руку. Некоторое время он еще колебался, а потом, затанув дыхание, разжал кулак и бережно расправил крошечный обрывок раскрашенного холста.

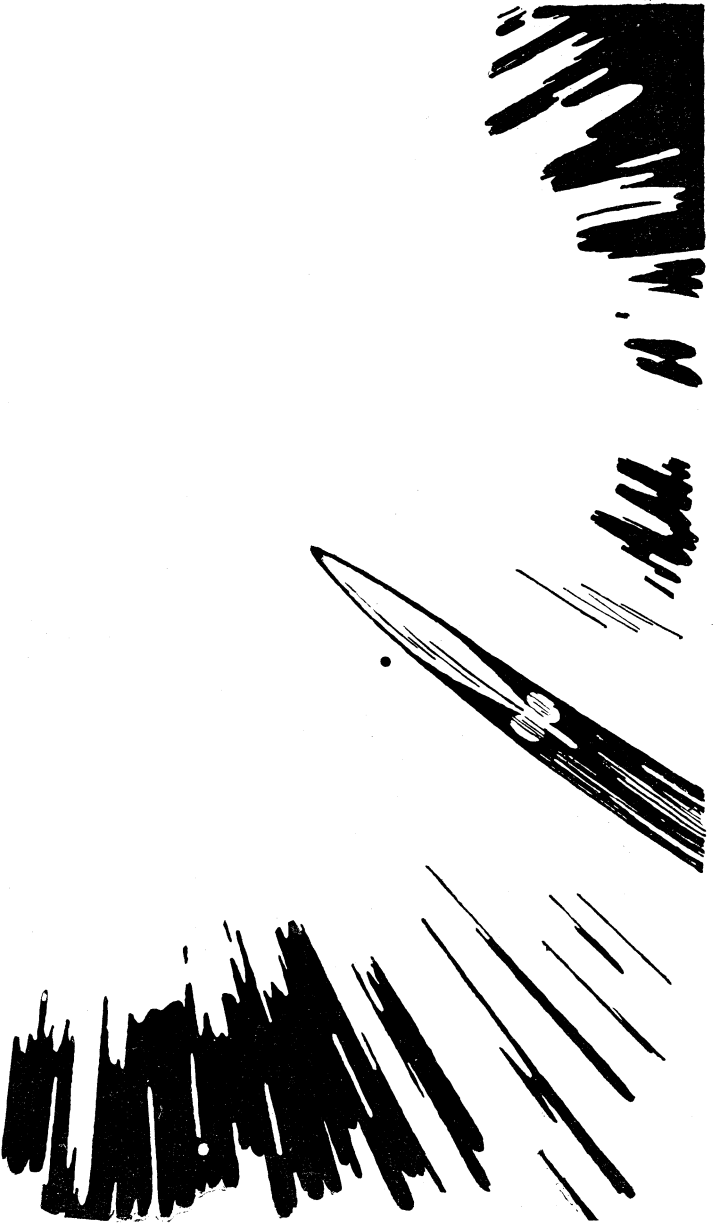
На ладони Тома лежала улыбка.

Том смотрел на улыбку, освещенную бледным светом, льющимся с ночного неба, и думал только об одном: «Улыбка! Какая прекрасная улыбка!» Потом, когда обрывок холста был уже бережно свернут и спрятан, Том закрыл глаза, и во мраке перед ним снова встала улыбка.

А потом он заснул. Луна поднялась высоко в холодное ночное небо и к утру спустилась, а Том все еще спал, и улыбка, нежная и добрая, была с ним.

Перевод с английского Л. Беспаловой

Золотые яблоки СОЛНЦА

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Рисунки В. ВАКИДИНА

— Юг, — сказал командир корабля.

— Но, — возразила команда, — здесь, в космосе, нет никаких стран света!

— Когда летишь навстречу Солнцу, — ответил командир, — и все становится жарким, желтым, полным истомы, есть только один курс. — Он закрыл глаза, представляя себе далекий пылающий остров в космосе, и мягко выдохнул:

— Юг.

Медленно кивнул и повторил:

— Юг.

Ракета называлась «Кюпа де Оро», но у нее было еще

два имени: «Прометей» и «Икар». Она в самом деле летела к ослепительному полуденному Солнцу. С каким воодушевлением грузили они в отсеки две тысячи бутылок кислотоватого лимонада и тысячу бутылок пива с блестящими пробками, собираясь в путь туда, где их ожидала эта исполнинская Сахара!

Сейчас, летя навстречу кипящему шару, они вспоминали стихи и цитаты.

— «Золотые яблоки солнца»?

— Йетс!

— «Не бойся солнечного жара»?

— Шекспир, конечно!

— «Чаша золота»? Стейнбек. «Кувшин золота»? Стефенс. А помните, «Горшок золота у подножья радуги»? Черт возьми, вот название для нашей орбиты: «Радуга»!

— Температура?..

— Четыреста градусов Цельсия!

Командир смотрел в черный провал большого круглого окна. Вот оно, Солнце! Одна сокровенная мысль всецело владела умом командира: долететь, коснуться Солнца и навсегда унести частицу его тела.

Космический корабль воплощал строгую изысканность и холодный, скупой расчет. В переходах, покрытых льдом и молочно-белым инеем, царил аммиачный мороз, бушевали снежные вихри. Малейшая искра из могучего очага, пылающего в космосе, малейшее дыхание огня, способное просочиться сквозь жесткий корпус, встретили бы концентрированную зиму, точно здесь притаились все самые лютые февральские морозы.

В арктической тишине прозвучал голос аудиотермометра:

— Температура восемьсот градусов!

«Падаем, — подумал командир, — падаем, подобно снежинке, в жаркое лоно июня, знойного июля, в душевно пекло августа...»

— Тысяча двести градусов Цельсия!

Под снегом стонали моторы; охлаждающие жидкости со скоростью пятнадцать тысяч километров в час струились по белым змеям трубопроводов.

— Тысяча шестьсот градусов Цельсия!

Полдень. Лето. Июль.

— Две тысячи градусов!

И вот командир корабля спокойно (за этим спокойствием — миллионы километров пути) сказал долгожданное:

— Сейчас коснемся Солнца.

Глаза членов команды сверкнули, как расплавленное золото.

— Две тысячи восемьсот градусов!

Странно, что неживой металлический голос механического термометра может звучать так взволнованно.

— Который час? — спросил кто-то, и все невольно улыбнулись.

Ибо здесь существовало лишь Солнце, Солнце и еще раз Солнце. Солнце было горизонтом и всеми странами света. Оно сжигало минуты и секунды, песочные часы и будильники; в нем сгорало время и вечность. Оно жгло веки и клеточную влагу в темном мире за веками, сетчатку и мозг; оно выжигало сон и сладостные воспоминания о сне и прохладных сумерках.

— Смотрите!

— Командир!

Бреттон, первый штурман, рухнул на ледяной пол. Защитный костюм свистел в поврежденном месте; белым цветком расцвело облачко замерзшего пара — тепло человека, его кислород, его жизнь.

— Живей!

Прозрачное окошко в шлеме Бреттона уже затянулось изнутри бельмом хрупких молочных кристаллов. Товарищи нагнулись над телом.

— Брак в скафандре, командир. Он мертв.

— Замерз.

Они перевели взгляд на термометр, который показывал течение зимы в заснеженных отсеках. Четыреста градусов ниже нуля. Командир смотрел на замороженную статую; по ней стремительно разбегались искрящиеся кристаллики льда. «Какая злая ирония судьбы! — думал он. — Человек спасается от огня и гибнет от мороза...»

Он отвернулся.

— Некогда. Времени нет. Пусть лежит. — Как тяжело поворачивается язык! — Температура?

Стрелки подскочили еще на тысячу шестьсот градусов.

— Смотрите! Командир, смотрите!

Тающая сосулька начала падать.

Командир рывком поднял голову и посмотрел на потолок. И сразу, будто осветился киноэкран, в его сознании отчетливо возникла картина, воспоминание далекого детства.

...Ранняя весна, утро. Мальчишка, вдыхая запах снега, высунулся в окно посмотреть, как искрится на солнце последняя сосулька. С прозрачной хрустальной иголки капает, точно белое вино, прохладная, но с каждой минутой все более жаркая кровь апреля. Оружие декабря, что ни миг, становится все менее грозным. И вот уже сосулька падает на гравий. «Дзинь!» — будто пробили куранты...

— Вспомогательный насос сломался, командир. Охлаждение... Лед тает!

Сверху хлынул теплый дождь. Командир корабля дернул головой влево, вправо.

— Где неисправность? Да не стойте так, черт возьми, не мешкайте!

Люди забегали. Командир, зло ругаясь, нагнулся под дождем; его руки шарили по холодным механизмам, искали, щупали, а перед глазами стояло будущее, от которого их, казалось, отделял один лишь короткий вздох. Он видел, как шелушится покров корабля, видел, как люди, лишённые защиты, бегают, мечутся с раскрытыми в немом крике ртами. Космос — черный замшелый колодец, в котором жизнь топит свои крики и страх... Ори, сколько хочешь, космос задавит крик, не дав ему родиться. Люди суеются, словно муравьи в горячей коробочке, корабль превратился в кипящую лаву... вихри пара... ничто!

— Командир?!

Кошмар развевался.

— Здесь.

Он работал под ласковым теплым дождем, струившимся из верхнего отсека. Он возился с насосом.

— Проклятие!

Командир дернул кабель. Смерть, которая ждет их, будет самой быстрой в истории смертей. Жаркая молния... и лишь миллиарды тонн космического огня шуршат, не слышимые никем, в безбрежном пространстве. Словно горсть земляники, брошенной в топку, — только мысли на миг замрут в раскаленном воздухе, пережив тела, превращенные в уголь и светящийся газ.

— Ч-черт!

Он ударил по насосу отверткой.

— Господи!..

Командир содрогнулся. Полное уничтожение... Он зажмурил глаза, стиснул зубы. «Черт дери, — думал он, — мы привыкли умирать не так стремительно — минутами, а то и часами. Даже двадцать секунд — медленная смерть по сравнению с тем, что готовит нам это голодное чудовище, которому не терпится сожрать нас!»

— Командир, сворачивать или продолжать?

— Приготовьте чашу. Теперь сюда. Заканчивайте. Живей!

Он повернулся к манипулятору огромной чаши, сунул руки в перчатки дистанционного управления. Одно движение кисти, и из недр корабля вытянулась исполинская рука с гигантскими пальцами. Ближе, ближе... Металлическая рука погрузила чашу в пылающую топку, в бестелесное тело, в бесплотную плоть Солнца.

«Миллион лет назад, — быстро подумал командир, направляя чашу, — обнаженный человек на пустынной северной тропе увидел, как в дерево ударила молния. Его племя бежало в ужасе, а он голыми руками схватил, обжигаясь, головню и, защищая ее телом от дождя, торжествуя ринулся к своей пещере, где, пронзительно рассмеявшись, швырнул головню на кучу сухих листьев и даровал своим соплеменникам лето. И люди, дрожа, подползли к огню, протянули к нему трепещущие руки и ощутили, как в пещеру вошло новое время года. Его привело беспокойное желтое пятно, повелитель погоды. И люди несмело заулыбались. Так огонь стал их достоянием».

— Командир!

Четыре секунды понадобились исполинской руке, чтобы погрузить чашу в огонь.

«И вот сегодня мы снова на тропе, — думал командир, — тянем руку с чашей за драгоценным газом, за горстью пламени иного рода, чтобы с ним, освещая себе путь, мчаться через холодный космос обратно и доставить на Землю дар немеркнувшего огня. Зачем?»

Он знал ответ еще до того, как задал себе вопрос.

«Затем, что атомы, которые мы подчинили себе на Земле, слабосильны; лишь Солнце ведает то, что мы хотим знать, оно одно владеет секретом. К тому же это увлекательно, это здорово: прилететь, осалить — и стремглав обратно! В сущности, все дело в гордости и тщеславии людей-козявок, которые дерзают дернуть льва за хвост и ускользнуть от его

зубов. «Черт дери, — скажем мы потом, — а ведь справились!» Вот она, чаша с энергией, пламенем, импульсами — назовите, как хотите, — которая даст ток нашим городам, приведет в движение наши суда, осветит наши библиотеки, позолотит кожу наших детей, испечет наш хлеб насущный и поможет нам усвоить знания о нашей вселенной. Пейте из этой чаши, добрые люди, ученые и мыслители! Пусть сей огонь согреет вас, прогонит мрак неведения и долгую зиму суеверий, ледяющий ветер недоверия и преследующий человека великий страх темноты. Итак, мы протягиваем руку за даянием...»

— О!

Чаша погрузилась в Солнце. Она зачерпнула частицу божественной плоти, каплю крови вселенной, пламенной мысли, ослепительной мудрости.

— Теперь осторожно, — прошептал командир.

— Что будет, когда мы подтянем чашу обратно? И без того такая температура, а тут...

— Бог ведает, — ответил командир.

— Насос в порядке, командир!

— Включайте!

Насос заработал.

— Закрывать чашу крышкой!.. Теперь подтянем. Медленно, еще медленнее...

Прекрасная рука за стенкой дрогнула, повторив в исполинском масштабе жест командира, и бесшумно скользнула на свое место. Плотной закрытая чаша, рассыпая желтые цветы и белые звезды, исчезла в чреве корабля. Аудиотермометр выходил из себя. Система охлаждения билась в лихорадке, жидкий аммиак пульсировал в трубах, словно кровь в висках орущего безумца.

Командир закрыл наружный люк.

— Готово.

Все замерли в ожидании. Гулко стучал пульс корабля, его сердце отчаянно колотилось. Чаша с золотом на борту! Холодная кровь металась по жестким жилам: вверх-вниз, вправо-влево, вверх-вниз, вправо-влево...

Командир медленно выдохнул.

Капель с потолка прекратилась. Лед перестал таять.

— Теперь обратно.

Корабль сделал полный поворот и устремился прочь.

— Слушайте!

Сердце корабля билось тише, тише... Стрелки приборов побежали вниз, убавляя счет сотен. Термометр вещал о смене времен года. И все думали одно: «Лети, лети прочь от пламени, от огня, от жара и кипения, от желтого и белого. Лети навстречу холоду и мраку». Через двадцать часов, пожалуй, можно будет отключить часть холодильников и изгнать зиму. Скоро они окажутся в такой холодной ночи, что придется, возможно, воспользоваться новой топкой корабля, заимствовать тепло у надежно укрытого пламени, которое они несут с собой, словно неродившееся дитя.

Они летели домой.

Они летели домой, и командир, нагибаясь над телом

Бреттона, лежащим в белом сугробе, успел вспомнить стихотворение, которое написал много лет назад:

Порой мне Солнце кажется горящим деревом...
Его плоды золотые реют в жарком воздухе,
Как яблоки, пронизанные соком тяготения,
Источенные родом человеческим.
И взор людей исполнен преклонения —
Им Солнце кажется неопалимым деревом.

Долго командир сидел возле погибшего, и разные чувства жили в его душе. «Мне грустно, — думал он, — и я счастлив, и я чувствую себя мальчишкой, который идет домой из школы с пучком золотистых одуванчиков».

— Так, — вздохнул командир, сидя с закрытыми глазами, — так куда же мы летим теперь — куда?

Он знал, что все его люди тут, рядом, что страх прошел и они дышат ровно, спокойно.

— После долгого-долгого путешествия к Солнцу, когда ты коснулся его, подразнил и ринулся прочь, куда лежит твой путь? Когда ты расстался со зноем, полуденным светом и сладкой негой, каков твой курс?

Экипаж ждал, когда командир скажет сам. Они ждали, когда он мысленно соберет воедино всю прохладу и белизну, свежесть и бодрящий воздух, заключенные в заветном слове; и они увидели, как слово рождается у него во рту и перекатывается на языке, будто кусочек мороженого.

— Теперь для нас в космосе есть только один курс, — сказал он.

Они ждали. Ждали, а корабль стремительно уходил от света в холодный мрак.

— Север, — буркнул командир. — Север!

И все улыбнулись, точно в знойный день вдруг подул освежающий ветер.

Перевод с английского Л. Жданова

РЭЙ ДУГЛАС БРЭДБЕРИ

По всем американским нормам он настоящий счастливчик. Ему только что исполнилось сорок лет, но у него за плечами девятнадцатилетний писательский стаж и восемь опубликованных книг. Он признанный сценарист — по его сценарию поставлен прославленный фильм «Моби Дик» с Грегори Пеком в главной роли. Его пьеса «Луч» идет на сцене американских театров. Он дважды был удостоен премии имени О. Генри — честь, которая даже однократно достается редким писателям. Общество научно-фантастических писателей Соединенных Штатов уже четвертый раз избирает его своим президентом. Он живет в чудесном светлом доме в Лос-Анжелосе. У него большая семья — молодая жена и пять маленьких дочерей. Что же еще нужно человеку для счастья?

Но почему так мрачны его произведения? Об этом говорят даже названия книг Брэдбери: «Мрачный карнавал», «Вино из одуванчиков», «Лекарство от меланхолии». Болезненные кошмары, несколько напоминающие трагические видения Эдгара По, тревожат его воображение. Его неотступно преследуют апокалиптические картины атомной войны, гибели цивилизации, одичания человечества, конца света..

Писатель рисует эти кошмары, наблюдая окружающую его буржуазную действительность.

В романе «451 градус по Фаренгейту», переведенному на русский язык в 1958 году, Брэдбери нарисовал жестокую и мрачную картину недалекого будущего. Это не то будущее, в которое он верит, но то, чьего пришествия он страшится — он показывает гиперболическое развитие черт, присущих «образу жизни» крупнейшей страны капитализма уже сегодня. «Люди, еще не поздно одуматься», — словно говорит писатель. Но он не дает ответа на простой вопрос: а что должны люди делать, чтобы не допустить этого?

Все творчество Брэдбери — это выражение мучительной раздвоенности его души, это поиски в страшном мире капитализма положительного героя, это думы о будущем, о котором стоило бы мечтать.

С особым интересом стоит отнестись к раннему аллегорическому рассказу Брэдбери «Золотые яблоки Солнца» из сборника того же названия. В нем писатель создает образ капитана звездолета — образ человека, которым руководит вечная страсть к познанию, который готов пожертвовать жизнью, чтобы принести огонь знания людям, помочь им.

Другой рассказ — «Улыбка» написан совсем недавно. Пусть разрушена буржуазная цивилизация и человечество вернулось к варварским временам. Все же бессмертная осталась красота, живущая в улыбке Джоконды. Это то наследие великого труда и вдохновения человечества, которое нельзя уничтожить. Своим рассказом Брэдбери активно протестует против войны, против разрушения цивилизации. Он за то, чтобы люди вдохновенно строили блистающий мир Грядущего!

КИРИЛЛ АНДРЕЕВ

СНИМКИ РАССКАЗЫВАЮТ

ШТУРМ БОЛЬШОГО КАПУЦИНА

Альпинисты штурмовали вершину. Они вбивали крючья в неподатливый камень, подтягивались на веревках, взбирались на отвесные скалы, повисали над пропастью, над белыми полями облаков.

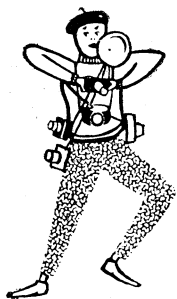
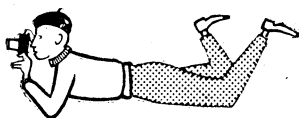
Нелегко был штурм Большого Капуцина, скалистой вершины в массиве Монблан. Вслед за альпинистами все выше поднималась кинокамера: на высоте 3 600 метров шли съемки фильма «Звезды после полудня».

Марсель Ишак, автор документального фильма «Победа над Аннапурной», задался целью создать фильм без обычных кинотрюков, основанный только на правде. Обычно западноевропейские фильмы на «горную тематику» представляют собой либо посредствен-

ный кинорепортаж, либо халтурный «боевик», фальшь которого видит каждый альпинист.

Ишак отказался от услуг актеров и персонала студии. При съемках его фильма опытные альпинисты были и актерами, и техниками, и носильщиками. Некоторые из них участвовали в восхождении на восьмитысячник Аннапурну в Гималаях.

На этот раз работа оказалась не менее трудоемкой. На создание фильма было потрачено в общей сложности 835 рабочих часов.

ЛЕЧЕБНЫЙ ПИСТОЛЕТ

Человек, стреляющий из пистолета в разъяренного зверя, — ветеринар. Он вовсе не намерен лишиться жизни гордость Копенгагенского зоопарка — тигрицу Бет. Ветеринар выполняет свои прямые обязанности — он занят лечением хищницы. Тигрице были прописаны витамины, но от обычного способа инъекции пришлось отказаться. Недоверчивый и злобный характер Бет не позволял приблизиться к ней со шприцем. И тогда пред-

примчивый ветеринар заказал пистолет, в котором пулю заменял шприц, наполненный витамином.

Когда после выстрела игла вонзалась в кожу тигрицы, срабатывал поршень — лекарство впрыскивалось, и игла выпадала. Лечебная процедура не вызывала недовольства тигрицы: на укол она обращала не больше внимания, чем на укус комара.

Курс лечения был благополучно доведен до конца.

Н. ЛЫСОГОРОВ

ЧЕРЕЗ СМЕРТЬ К ЖИЗНИ

Рисунки Р. САЧЛЯНА
и Л. ЧЕРЕПАНОВОЙ

«Нет таких отдаленных явлений, до познания которых нельзя было бы достичь, и нет таких таинственных явлений, которых нельзя было бы понять».

Декарт

Рождение — юность — зрелость — старость — смерть. Неизбежный цикл развития каждого живого существа.

Колос вырос, чтобы дать зерно и умереть; зерно, прорастая в стебель и новый колос, перестает существовать.

Неотвратимость этого закона человек понял тысячелетия назад, поднявшись на высшую ступень развития природы и приняв титул *Homo sapiens* (Человек разумный).

Но разум человеческий до сих пор не может смириться с ограниченностью жизни. Среди наук ведущая роль в борьбе за жизнь человека должна быть отведена биологии и медицине. Это они избавили нас от сотен болезней. Ученые именно этих областей знания развивают возникшую почти триста лет назад науку о продлении жизни — геронтологию.

Есть, однако, в биологии и другое направление, связанное с изучением самого факта смерти, факта, который можно познать и, может быть, преодолеть — перешагнуть не в бессмертие, конечно, но к новой, пусть недолговечной жизни.

Принято думать, что проблема воскрешения из мертвых отнесится скорее всего к области фантастики. А это не так. История биологии знает немало смелых экспериментаторов, изучавших смерть. И, пожалуй, редкая фантастика сравнится с результатами, добытыми ими.

В ЩЕПОТКЕ ПЕСКА

Дом, в котором жил натуралист-любитель Антон Левенгук, ничем не отличался от других домов Дельфта, провинциального голландского городка. Все они были покрыты черепицей, на которой после дождя иногда образовывались легкие налеты мха. Впрочем, мох быстро высыхал на солнце и развеивался ветром. С годами в водосточных трубах скапливался мелкий песок, постепенно ссыпавшийся с черепичных крыш.

1 сентября 1701 года Антон Левенгук положил щепотку такого песка под свой самодельный микроскоп. Каково же было

его удивление, когда, кроме песчинок, он обнаружил под микроскопом маленькие, дотоле неизвестные существа странного вида. У микроскопических «зверьков» на голове помещалось что-то вроде колесиков, при помощи которых они двигались.

Это были коловратки, обитательницы мхов, теперь хорошо известные науке.

Левенгуку удалось обнаружить коловраток даже в сухом, раскаленном на солнце песке. Правда, для удобства наблюдения к песку приходилось добавлять немного воды.

Тогда Левенгук взял пробу абсолютно сухого песка и прибавил к нему дождевую, да еще и прокипяченную воду. Теперь можно было быть уверенным, что в воде живых существ нет.

Но через полчаса в стеклянной трубочке опять плавали... коловратки.

Левенгук повторял и повторял свои опыты — результаты оставались прежними. Даже песок, пролежавший сухим два года, содержал коловраток.

О своих исследованиях Левенгук сообщил Лондонскому королевскому обществу. Однако открытие это было оставлено без внимания. Скорее всего Левенгуку просто не поверили. Повторять же его опыты было

нелегко — микроскоп в то время являлся большой редкостью.

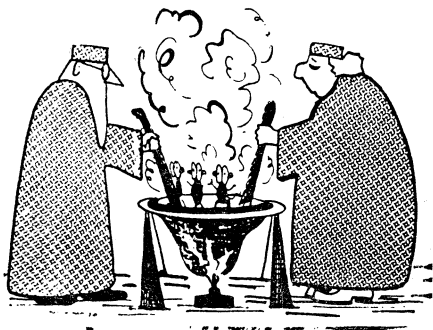
Так или иначе, но факт «оживления» высушенных коловраток в Англии не произвел впечатления и был забыт.

Да и были ли эти коловратки мертвыми? Сам Левенгук полагал, что нет. Просто при высушивании коловраток наступает видимость смерти, очень сильное замедление жизненных процессов, но не полная смерть. Стоит им создать определенную среду, прибавить воды, и жизнь снова вступит в свои права. Таков был вывод Левенгука.

Совсем иного мнения в этом вопросе придерживался другой замечательный исследователь того времени, Турбевил Нидхем, которому в 1743 году удалось сделать открытие, не уступающее, пожалуй, по интересу и значению опытам Левенгука.

Нидхем исследует зараженные зерна пшеницы. Болезнь злака заключается в том, что некоторые колосья оказываются наполненными черноватыми, точно подгорелыми, зернами. Внутри же зерна представляют собой белую мучнистую массу. Рассматривая эту массу под микроскопом, Нидхем заметил, что она состоит из каких-то волокон.

«Чтобы лучше рассмотреть эти нити и разделить их, — пишет он, — я пустил на препарат капельку воды, и вдруг, к моему величайшему изумлению, нити отделились одна от другой, ожили и стали производить неправильные движения, не поступательные, а извивающиеся, змееобразные, и движения такие продолжались в течение 9—10 часов. Я полагаю, что это особый

вид водных животных, которых можно назвать червями, угрицами или змейками, на коих они очень похожи).

Особенно поразило ученого то обстоятельство, что оживали даже черви, взятые из зерен, которые хранились два года в коробке, лежавшей на солнце.

«Угрицы были мертвы, — заключил Нидхем, — а потом они ожили».

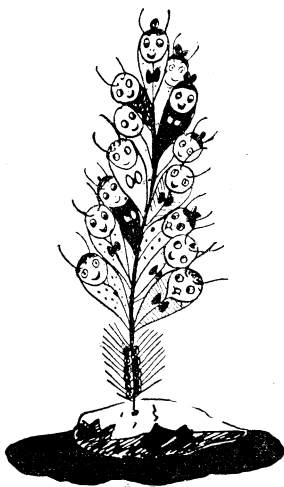
Этот вывод навлек на Нидхема бурю негодования и насмешек в ученом мире. «Уж не сам ли господь бог в образе Турбевила Нидхема явился на землю, чтобы воскрешать мертвых?» — язвили одни. «Он просто мошенник», — безапелляционно заявляли другие. Большинство же ученых совсем отрицали животный характер угриц и называли их «движущимися волокнами», «растительными трубками», которые приходили якобы в движение под влиянием всасывания воды. Когда же было доказано, что угрицы — настоящие животные, стали утверждать, будто они во время опыта самопроизвольно зарождаются или возникают из существовавших раньше зародышей.

Нидхем вынужден был отказаться от своих первоначальных взглядов. Особенно на него повлиял авторитет знаменитого микроскописта конца XVIII века, профессора физики и естественной истории аббата Ладзаро Спалланцани, который категорически отказался признать угриц за животных.

Однако по иронии судьбы именно Спалланцани оказался тем исследователем, который вписал новую главу в науку об оживлении высушенных животных. Подтвердив опыты Левенгука, он нашел, что оживают коловратки, не только высушенные на солнце, но и замороженные при температуре —28 градусов. Затем он открыл еще две группы животных, которые также оживали после высушивания. Это были тихоходки и некоторые круглые черви (нематоды). Попали в эксперименты Спалланцани и угрицы Нидхема. Оказалось, что эти черви оживают даже после высушивания их под колоколом воздушного насоса. Спалланцани пересмотрел свои взгляды и признал, что Нидхем был прав. Он во всеуслышание заявил, что при высушивании наступает смерть. Смерть, после которой возможно возвращение к жизни.

Ученый Генри Бекер оживил угриц из семян, пролежавших сухими 27 лет. «Спрашивается, не могут ли они (угрицы) вернуться к жизни через 40, 100 лет или более? — писал Бекер. — На этот вопрос могут дать ответ лишь будущие опыты».

Так щепотка песка, взятая Левенгуком из водосточного желоба, положила начало новому направлению в биологии.

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ЖИЗНЬ?

Однако, как ни был велик интерес к оживлению коловраток, угриц и других микроскопических животных, открытие это долго не признавали.

Сам факт оживления мертвого животного казался слишком невероятным, шел вразрез с господствовавшими тогда представлениями о жизни. Раз тело умерло — значит из него ушла душа, вернуть ее человек не в силах. И ученые вели бесконечные споры о том, оживают или не оживают микроскопические животные после высушивания.

В 1860 году Парижским биологическим обществом была даже создана специальная комиссия из восьми профессоров, чтобы решить затянувшийся и принявший резкие формы спор между двумя известными экспериментаторами — Дуайером и Пуше. Были повторены опыты обоих противников и проведено 32 заседания. И вот заключение: коловратки оживают даже в том случае, если их после высушивания полчаса кипятить.

Казалось бы, вопрос решен: стоградусная температура убивает коловраток, а затем они оживают. Но возникало старое возражение: может быть, высушивание и кипячение все-таки не приводят к смерти, а лишь замедляют жизнь? А раз коловратки не мертвы, то никакого оживления не происходит. Где граница между жизнью и смертью? Чем отличается живое тело от мертвого? В чем сущность жизни? Решить эти вопросы можно было, только встав на позиции диалектического материализма.

«Жизнь — это способ существования белковых тел, существенным моментом которого является постоянный обмен веществ с окружающей их природой, — причем с прекращением этого обмена прекращается и жизнь», — писал Ф. Энгельс.

Итак, ясный критерий отличия живого от мертвого — обмен веществ. Если у высушенных животных происходит хотя бы самый минимальный обмен веществ, значит они живы; если нет, то мертвы.

Ответить на этот вопрос мог только эксперимент. Особенно наглядными оказались опыты австрийского пастора, члена ордена иезуитов Г. Рама. Его исследования, составившие эпоху в науке об оживлении, послужили также причиной крушения его духовной карьеры: после опубликования в двадцатых годах нашего века полученных результатов Г. Рама послали миссионером в Перу и Чили, где ему было уже не до науки. Так церковь расправилась с негодным ей экспериментатором.

Иезуитам было на что негодовать. Их «заблудший брат» добился полной остановки жизни животных (круглых червей, тихоходок, коловраток), а затем воскресил их. Как он сделал это? Рам поместил подопытных животных в трубку и, выкачав из нее ртутным насосом воздух до давления 0,1 миллиметра ртутного столба, хранил эту трубку запаянной целый год. Через год все обитатели вакуума были оживлены в течение 23—45 минут. Но ведь в трубке, хотя и в очень незначительном количестве, все-таки присутствовал кислород — вакуум не был абсолютным. Тогда Рам заполнил трубку сухим гелием. Теперь не было никакого сомнения в том, что кислорода нет. После че-

тырех месяцев пребывания в такой «атмосфере» коловратки, тихоходки и нематоды ожили. Эксперименты Рама показали, что жизнь высушенных обитателей мха совершенно замирает и останавливается: ведь важнейшая жизненная функция — дыхание — в данных условиях была исключена.

Но Рам пошел дальше. Для большей убедительности он решил как можно сильнее охладить предварительно высушенных животных и поместил их в жидкий воздух, дающий температуру —190 градусов. Более полутора лет провели коловратки и тихоходки в такой страшной ванне. И все же их удалось оживить. Но Раму и этого было мало. Он начал применять в опытах жидкий гелий. Испаряясь, гелий давал температуру от —269 до —271,88 градуса. Животные были оживлены и в этом случае. Именно оживлены, так как говорить о каком-либо обмене веществ в организмах, находящихся при температуре почти космического холода, абсолютного нуля, не приходится. Здесь была полная остановка жизни — смерть. Но смерть в такой форме, при которой возможно возвращение к жизни. Это состояние организмов назвали анабиозом. «Существуют две формы отсутствия жизни, — еще в 1873 году писал профессор Вильгельм Пре́йер, предложивший этот термин, — живое существо может быть безжизненным и неспособным к жизни, то есть мертвым, или безжизненным, но способным к жизни, то есть анабиотическим».

В те времена это заключение во многом было умозрительным. Опытами Рама и других ученых анабиозу было дано экспериментальное подтверждение. Анабиоз оказался объективной реальностью.

Это был очень важный вывод, который говорил о том, что в своих экспериментах по высушиванию и замораживанию животных ученые имели дело со смертью, а не со скрытой замедленной жизнью. Да, жизнь кончается там, где прекращается обмен веществ. Но если при этом не происходит разложения, микроскопических животных снова можно вернуть к жизни.

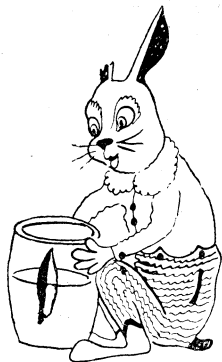
Однако с высокоорганизованными организмами дело обстояло значительно сложнее.

ОРГАНЫ ВНЕ ОРГАНИЗМА

Петроград. 1920 год. Плохо с продовольствием. Плохо с топливом. Трудно достать лабораторных животных. А эксперимент не ждет. Ученый думает о будущем, даже когда на фронтах идут бои. Профессору П. Н. Кракову нужно выяснить действие различных химических веществ на кровеносные сосуды. Но где найти материал? Решение приходит неожиданно. И вот...

В лаборатории под стеклянным колпаком стоит колба. На дне колбы немного воды, а в ее горлышко вставлен человеческий палец. Взяли его от трупа, но палец живет вот уже несколько месяцев. Он реагирует на вещества, сужающие или расширяющие сосуды, его кожа выделяет пот, на пальце растет ноготь. Так же долго живет и отрезанное ухо кролика.

Правда, для этого собран специальный несложный аппарат, подающий к кровеносным сосудам уха подогретый до температуры тела кролика раствор Рингера.

Во время опытов ученому приходит дерзкая мысль: остановить жизнь этих органов, а затем попробовать «воскресить» их. Возможна ли такая остановка? Если и возможна, то надолго ли?

Снова эксперименты, и вот в 1922 году опубликованы поразительные результаты. Отрезанное ухо кролика было высушено над серной кислотой до того, что стало похожим на пергамент. В таком виде оно хранилось восемь месяцев.

Однако после того, как ухо осторожно размочили и пропустили по сосудам раствор Рингера, обнаружилось, что сосуды живы. Тот же невероятный результат получили и в эксперименте

с пальцем. Палец, высушенный до того, что стал твердым, как дерево, сохранялся несколько месяцев. И все-таки сосуды удалось оживить. При введении адреналина они сокращались.

Итак, отдельные органы высших организмов частично оживают после почти полного высушивания и, казалось бы, абсолютной смерти. Этому сразу не могли поверить. Опыты профессора Кракова повторяют другие ученые.

Думали, что органы, построенные из более нежных тканей, чем уши кролика и пальцы человека, будут по-другому реагировать на высушивание. Но это было быстро опровергнуто. Советский ученый Морозов в 1927 году вырезал у лягушки сердце и высушил его над серной кислотой. Сердце потеряло 25 процентов веса и в таком состоянии сохранялось 3 часа. Это был кусочек сухой, мертвой ткани. Но, размочив сердце и пропустив через него специальные растворы, ученый наблюдал поразительную картину: сердце лягушки билось. Так оно работало в течение нескольких часов.

Много было поставлено различных экспериментов, и сейчас можно считать доказанным, что почти все ткани и органы обладают способностью к «переживанию» при высушивании. Клетки мозга не утрачивают своей жизнеспособности при потере 95,9 процента воды. Так обстоит дело с отдельными тканями и органами вне организма.

Ну, а можно ли оживить целостный организм, сложно устроенный — с нервной и кровеносной системами, имеющий постоянную температуру тела, — организм млекопитающего? Ведь если покорять смерть, так ту, которая уносит людей.

ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В 1897 году профессор Софийского университета Порфирий Иванович Бахметьев перед лекцией по физике просматривал в учебнике биологии таблицу температур тел различных животных. К большому удивлению, он не нашел в этой таблице температуры тела насекомых. И вот начинаются опыты по выяснению температуры тела бабочки.

Однажды бабочка была охлаждена до таких низких темпе-

ратур, что Бахметьев решил, что она погибла. Действительно, замороженное насекомое выглядело хрупким и ломким. Вычисления, сопоставления и, наконец, вывод: все соки бабочки превращены в лед.

Но вот начинается постепенное оттаивание, и бабочка... оживает.

Этот опыт пробудил мечту — вызвать анабиоз не у насекомых, а у высших животных с постоянной температурой тела.

8 февраля 1912 года Бахметьев после двенадцати лет упорной работы делает первую попытку заморозить летучую мышь. Но предоставим слово самому ученому: «Начиная с 2 часов 56 минут падение температуры тела летучей мыши стало быстрее, всякую следующую минуту она была $-2,6$, $-2,8$, $-3,6$, $-4,0$ градуса... Дальше я не хотел охлаждать мышь, быстро вынул ее из холодной ванны и, развязавши, положил ее на стол. Мы все нагнулись над мышью и стали ее наблюдать. Она на ощупь была твердая и не показывала никаких признаков жизни. Мало-помалу крылья ее стали опускаться, и вдруг в брюшной полости показалось слабое движение — она начала двигаться! В первое время от радости мы не знали, что делать, но вот доктор Бурше вынул часы и стал наблюдать дыхание...

На другой день мышь дышала нормально и проявляла ползновение улететь. Однако вопрос об анабиозе летучих мышей этим еще не кончился. Нужно было знать, при какой собственно температуре они умирают».

И снова опыты.

Профессор хочет узнать, действительно ли сердце летучей мыши затвердевает и не бьется при температуре ниже -7 градусов. Мыши вскрыли грудную клетку. Сердце оказалось промерзшим и совершенно твердым и, конечно, биться не могло. Но прошло несколько минут, и сердце слабо заработало.

Итак, анабиоз млекопитающих, пока только летучих мышей, был получен экспериментально. От опытов на летучих мышах профессор П. И. Бахметьев решил перейти к опытам с более высокоорганизованными животными. Мысленно он уже видел практическое применение анабиоза. У крестьян зимой нечем кормить скот. Что ж, на зиму коров можно перевести в состояние анабиоза, а весной, когда поднимется трава, «оживить» и выпустить в поле.

Особенно заманчивым казался анабиоз млекопитающих для уничтожения у них болезнетворных бактерий. Например, возбудитель туберкулеза, палочка Коха, гибнет при температуре -10 градусов. «Лечение от чахотки рогатого скота и даже человека при помощи анабиоза есть только вопрос времени. Если бы этого удалось достичь, в чем я не сомневаюсь, то это было бы большим триумфом науки и великим благодеянием для человечества», — писал П. И. Бахметьев в одной из последних своих статей.

* * *

Полвека прошло после смерти П. И. Бахметьева. Как же сейчас решается проблема анабиоза? На первый взгляд может показаться, что особых достижений здесь нет.

Коров на зиму не замораживают, а просто обеспечивают кормами. Туберкулез печат антибиотиками... И тем не менее за это время в изучении и познании смерти было сделано, пожалуй, больше, чем за двести с лишним лет от Левенгука до Бахметьева.

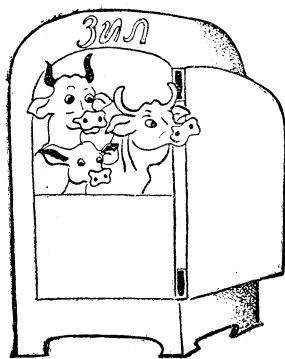
Сейчас идет период выявления и расшифровки самых интимных и тайных процессов, которые происходят в организме, находящемся в анабиотическом состоянии. Изучение физики и химии коллоидных систем, составляющих живую клетку, сочетается с изучением самого факта анабиоза. Спячка животных и образование защитных капсул у бактерий оказались явлениями анабиотического характера, приспособлением организмов к перенесению трудных условий. Это не обязательно полный анабиоз — остановка жизни, нет, иногда это просто очень сильное замедление жизненных процессов. Здесь проявляется своеобразная диалектика — при неблагоприятных условиях живой организм до минимума замедляет жизнь или даже переходит к смерти, чтобы спасти жизнь, когда это станет возможным.

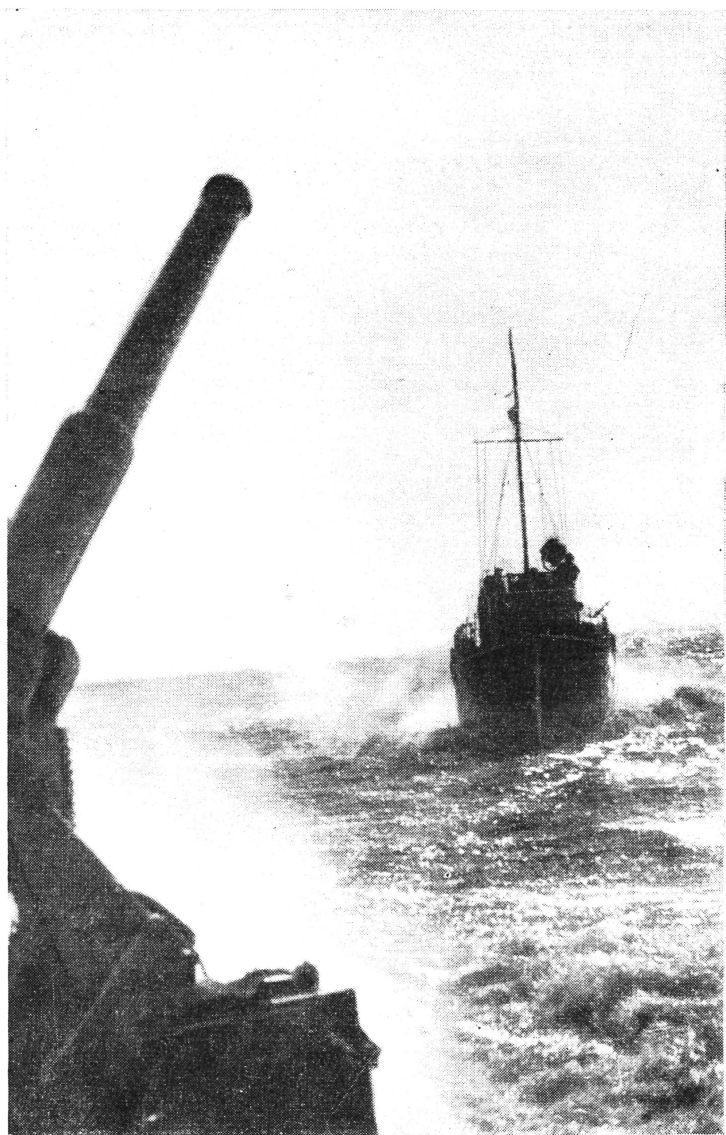
Советский ученый П. Ю. Шмидт разработал и обосновал классификацию форм анабиоза. Другой знаменитый исследователь, профессор Неговский, впервые в мире оживил человека после видимой клинической смерти (остановка сердца). Смерть отступает. Мощный союз биологии с физикой и химией, оснащенный последними достижениями технических наук: рентген, электронная микроскопия, ультразвук и т. д. — позволяет все ближе и ближе подходить к выяснению самых сложнейших механизмов строения органической материи как во время ее жизнедеятельности, так и при анабиозе.

Все это — залог того, что мечта П. И. Бахметьева — искусственный анабиоз млекопитающих, вплоть до человека, — со временем перестанет быть мечтой. И сейчас даже трудно представить, какие безграничные возможности откроются перед человечеством, научившимся управлять «второй» формой смерти. Это уничтожение всей вредной микрофлоры, попадающей в организм. Это любые наисложнейшие хирургические операции, вплоть до замены «износившихся» органов другими.

А покорение космоса? Анабиотические ванны для космонавтов, позволяющие переносить страшные нагрузки при космических ускорениях. Свежие запасы продовольствия: животные в анабиозе. Переселение земной фауны в другие миры. И, наоборот, доставка «невиданных зверей» иных планет на Землю. Это, наконец, покорение времени — возможность вернуться после анабиоза к «новой» жизни через века.

И хотя сейчас все это звучит фантастически, научный фундамент для осуществления такой фантастики уже закладывают. И с каждым годом он становится все прочнее.

Севастополь. 1941 год. Корабли уходят на задание.

Лица к лицу
С ОПАСНОСТЬЮ

В. МИКОША
Фото автора

КИНОКАМЕРА — МОЕ ОРУЖИЕ

ИЗ ЗАПИСОК КИНООПЕРАТОРА

Кинооператоры
В. Микоша
и К. Ряшенцев.

ОПАЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Фронт застыл и перестал перекачивать эхо взрывов над опаленной крымской землей. Лишь изредка четкий перестук пулеметных очередей разрывает тишину. Беззвучно, мертвым фосфорическим светом вспыхивают осветительные ракеты.

Я лежу в холодном окопчике у края нашей земли. В руках автомат, но не для стрельбы по врагу. Мой автомат должен запечатлеть для истории борьбу и страдания, радость победы и горечь поражения, героизм и стойкость советских людей.

¹ Окончание, начало см. в № 2.

Я сижу в окопе над морем, рядом фашисты. Иногда слышны их громкие голоса, взрывы наглого смеха.

Неужели это страшная правда?

Я вспоминаю Москву. Где вы теперь, мои близкие, родные? Может быть, бродите среди руин разрушенного бомбами дома? Нет, этого не может быть. Жди меня, и я вернусь, жди меня, жди...

26 июня 1941 года я пошел в военкомат и получил направление в действующий Черноморский флот.

И вот в новенькой форме капитана третьего ранга я иду по Севастополю. Красивый, чистый город, с синими, как глаза девушки, бухтами, с йодистым запахом моря и белыми лепестками матросских бескозырок. Война еще не успела опалить его своим огненным дыханием.

В такт шагам бьет по ноге низко, по-морскому, подвешенный наган. Я еще не привык к оружию. Неужели придется воспользоваться им и стрелять в человека?

Человек человеку враг... Как же это случилось? Мы строили заводы, осваивали Северный морской путь, пустыню Кара-Кумы, далекие воздушные трассы. И вдруг — «над нами нависла смертельная опасность»... Кто виноват? В сердце кипит злость и обида.

— Товарищ капитан третьего ранга?! — услышал я вдруг строгий оклик. — Почему вы не приветствуете старшего по... Микоша! Дорогой, какими судьбами? В таком виде? Моряк по всем статьям!

Мою руку крепко сжимал капитан первого ранга Чемчирадзе.

Перед войной в качестве корреспондента «Известий» я был на маневрах Черноморского флота. За время плавания приобрел много друзей. Неожиданная встреча на Графской пристани с Чемчирадзе сыграла огромную роль в моей судьбе.

Я стал моряком и... остался кинооператором. Так неожиданно и непохоже осуществились мои детские мечты. По приказу Военного совета меня произвели в необычный ранг военно-морского кинооператора Черноморского флота.

Моя жизнь, судьба, работа надолго слились с жизнью и судьбой осажденного Севастополя.

...На траве холодными, синими искрами сверкает утренняя роса. Я прислушиваюсь. Ночь доносит еле уловимый металлический лязг. Тонкий, как комариный писк. Немецкие танки начали обещанное Гитлером наступление на Севастополь.

Сон улетел. Я прижимаю к груди свой «автомат». Он заряжен. Заряжен кинопленкой. Скоро начнется бой.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Первое боевое крещение мне довелось принять в море, на пути из Севастополя в осажденную Одессу, куда отправлялась бригада морской пехоты.

Теплоход «Абхазия» уходил из Южной бухты на расвете. Вдоль бортов в торжественном молчании стоят мат-

росы. На бескозырках — названия всех кораблей Черноморского флота. Морская пехота прощается с родным городом, с боевыми кораблями, пришвартованными у минной пристани. На их палубах — команды в строю.

— Прощай, Коля! — нарушает тишину один из матросов с миноносца «Беспощадный».

Коля — гигантского роста моряк, увешанный с головы до ног оружием, с гитарой в левой руке — машет своей бескозыркой. На ленточке надпись: «Беспощадный».

— Коля! Смотри не подкачай, не посрами корабля! — снова слышится голос с миноносца.

— Петро! Заходы до мамы! Щоб не заволновались швидко, а я им, гадам...

Больше Коля ничего не сказал. С яростью нахлобучил на самые глаза бескозырку, схватил гитару и запел, сначала робко, тихо: «Прощай, любимый город»... Но когда стоящие рядом начали понемногу присоединять свои голоса, он запел громче, уверенней, приятным бархатным баритоном. Постепенно весь громадный корабль подхватил песню, а потом и другие корабли и люди на набережной.

Песня лилась, и ее слова звучали вдохновенной импровизацией. Город остался позади.

Еще не наступил рассвет второго дня пути, как на горизонте показалось зарево. Горела Одесса. Слышался глухой нарастающий гул непрерывной канонады. Из серой предрассветной мути выплыл, как призрак, знаменитый одесский маяк. С резким звоном стали лопаться в воде тяжелые снаряды — то слева, то справа по борту. Вход в порт простреливался насквозь, и нам с большим риском, под прикрытием предутреннего тумана, удалось невредимыми проскочить и ошвартоваться за портовых холодильником.

В полном молчании выгружалась «Абхазия». Морская пехота вливалась в озаренный заревом пожарами город.

...«Юнкерсы» появились одновременно с солнцем. Сигнал тревоги застал меня на верхней палубе крейсера «Коминтерн» около зенитной батареи. Крейсер стоял на причале у гранитного пирса.

Бомбы с первого самолета, резко просвистев, высоко вздыбли пенные фонтаны неподалеку от нас. Я начал снимать. Мой киноавтомат работал безукоризненно, но самочувствие у меня, признаюсь, было скверным, дрожали колени, а под диафрагмой было так пусто, так холодно...

Ожесточенно били зенитки. Прислонившись спиной к стальной мачте, я снимал их непрерывный огонь. И вдруг все три орудия разом смолкли, а зенитчики упали на палубу и поползли в разные стороны. Раздался сильный взрыв. Я медленно осел на палубу. Камера выпала из рук.

Корму окутало черным дымом, из его густых клубов выползли, обливаясь кровью, краснофлотцы.

Один из них поднялся и побежал в мою сторону. Его живот был распорот. Я никогда не забуду расширенных предсмертной болью глаз. Он кричал: «Братцы! Братцы, брати-и-шки, бра...» Не добежав нескольких шагов до меня, он упал, чтобы никогда уже не встать.

Снова свист бомб и удар взрыва — это уже второй заход «юнкерсов»...

Я поднял кинокамеру — ее, как и меня, спас стальной ствол мачты. Преодолевая дрожь и отвращение, продолжал снимать схватку крейсера с «юнкерсами», взрывы и кровь, полет бомб и тела убитых...

В этот раз я впервые увидел войну в ее настоящем, страшном, кровавом обличье.

Но бояться войны нельзя. Нет ничего на свете страшней и отвратительней массового истребления людей. Но я видел, как миллионы советских граждан, которые до войны были учителями или инженерами, плотниками или каменщиками, преодолевали свой страх и становились настоящими воинами. Они сражались за право вернуться к мирной жизни, за свободу Родины. И я горжусь, что мне довелось запечатлеть на пленке невиданный подвиг советского народа.

Скоро и я «обстрелялся»: научился лучше владеть собой, думать не об опасностях, а о своей работе.

Однажды из Одессы вышел на разведку торпедный катер. В последний момент перед отплытием я прыгнул на его палубу. Но устроиться с киноаппаратом на маленьком суденышке было положительно негде. Чтобы не слететь за борт, я оседлал правую торпеду у самого ее основания.

Десятка «юнкерсов» атаковала лидер «Ташкент». Бомбы споясали корабль кольцом водяных грибов. Одна повредила корму. Наш катер подлетел совсем близко к лидеру, и я мог снимать крупные планы.

Зенитный огонь отогнал воздушных стервятников, и дальнобойные орудия «Ташкента» ударили по береговым укреплениям врага. Катер взял курс к берегу и стал корректировать огонь с лидера.

Осыпаемый водяными брызгами от пуль и осколков мин, яростно вспарывая морскую гладь, катер стремительно пронесся вдоль берега, сделал отчаянный поворот, при котором я чудом удержался на своем ненадежном сиденье и не свалился в воду, и под прикрытием дымовой завесы ушел в порт.

...Разминая затекшие ноги, я увидел, что весь с ног до головы перемазан в масле: торпеды были густо смазаны им. В горячке боя даже не заметил этого.

СТЕНА ОГНЯ

Прозрачный купол накрыл кабину стрелка-радиста. Я словно попал в тесный зеленый аквариум, из которого нет выхода. Остро ощутил оторванность от остальных членов экипажа. Мне не с кем разделить тревогу: я не мог увидеть ободряющей улыбки, услышать голоса друзей...

Я давно хотел заснять боевую работу летчиков. С большим трудом попал на один из прифронтовых аэродромов бомбардировочной авиации. Долго уговаривал начальника штаба взять меня в один из полетов. Наконец услышал:

— Хорошо. Полетите на Плоешти. Вылет ночью. Цель на восходе. Устраивает вас по свету такая операция и стоит ли оставлять самолет без стрелка-радиста? Ведь в случае необходимости вам придется заменить его.

— Постараюсь заменить.

Ночью перед полетом меня снова вызвали к начштаба. Он строго и официально сообщил:

— Самолет, на котором вы должны были лететь, не вернулся на базу, и командование решило отменить ваш полет на Плоешти.

— Я такой же солдат, как и другие. Погибнуть можно и на земле. Разрешите лететь?

Мы спорили до самого старта, и все же мне удалось настоять на своем. И вот я участник боевой операции.

Медленно наливает, заполняя все видимое пространство, сверкающее холодным блеском море. Ущербная луна, кривляясь, заглядывает сквозь гнутый плексиглас кабины. Равномерный рокот моторов, ровная дорожка света на море успокаивают меня. Мы летим на большой высоте. Ночное море внизу, ночное небо вокруг — фантастическая панорама, безгранично величественная, неповторимая.

Наверно, когда человек в опасности, он особенно остро чувствует природу, может быть, инстинктивно прощаясь с нею навсегда.

Мне не терпится снимать. Наконец посветлело, и стали видны наши машины — слева, справа, сзади. Их девять. Они идут близко друг к другу. Высота 3 800. Под нами посеревшее море. Впереди проглянула неясная дымка — это вражеская земля. Внимательно осматриваюсь по сторонам. Снял несколько общих планов полета.

Вдруг в стороне и немного ниже появились яркие короткие вспышки. Я обернулся: всюду были всплески дыма, черные, бегущие назад. Вот она, непроходимая стена огня!

Я думал только о том, чтобы камера не отказала. Нажимая спусковой рычажок, не слышал обычного стрекота: рев мотора все заглушал. Сняв до конца завода, отнял камеру от глаз — мне показалось, что она не работает. Лихорадочно сунул камеру в перезарядный мешок и понял, что отснял целую кассету пленки.

Перезаряжая кассету, я неотрывно следил за летящими рядом бомбардировщиками. Вдруг один самолет как бы подпрыгнул, а идущий слева круто отвалил в сторону и пошел вниз, к земле. За ним тянулся черный шлейф дыма, у правого мотора билось яркое пламя.

Бешеная злоба овладела мной. Я схватился за пулемет, но тут же понял, что бессилен что-либо сделать. От этого стало еще невыносимее. Я с тревогой ждал и, наконец, увидел: далеко внизу вспыхнули белые венчики парашютов. Но летчики приземлились на вражескую территорию. Что ожидает их?..

Мои мысли прервал сильный звенящий удар. Резкий толчок сбросил с сиденья. В обшивке самолета зияло несколько рваных пробоин.

Я схватил камеру и начал снимать. В визире сквозь густую пелену дыма далеко внизу виднелись четкие прямоугольники строений. Оттуда тянулись смертоносные нити трассирующих снарядов, и все они, как мне казалось, были направлены прямо в наш самолет.

Резкие струи холодного воздуха с шипением врываются в дыры. Не успел я перезарядить камеру, как получил сигнал от пилота. Наступал самый важный момент нашей операции — момент, ради которого я полетел в этот сумасшедший рейс. Его нельзя прозевать. Он длится всего несколько коротких секунд. Сейчас бомбы пойдут на цель.

Нажал на спусковой рычажок автомата. Нажал так сильно, что даже согнул его. Я не слышал, как работала камера, я вообще ничего не слышал.

На земле появились яркие всполохи пламени и поползли вверх черные грибы взрывов. Я так обрадовался, что начал дико кричать. Что кричал, не помню, и сейчас не могу себе представить, что можно в таких случаях кричать.

Оторвав камеру от мокрых глаз, я успел еще раз завести пружину. Камера работала — пружина завелась.

Машина стала легче. Мы развернулись и, меняя высоту, легли на обратный курс. Навстречу из моря поднималось оранжевое солнце.

Наконец вышли из зоны зенитного огня. Теперь нужно ждать нападения истребителей. Так мне говорил командир эскадрильи. Я схватился за ручки пулемета и стал следить за небом. Далеко слева по борту показались быстро плывущие в нашу сторону темные черточки. Мгновенно они выросли и превратились во вражеских истребителей.

Я видел, как у них по обе стороны винта мигали яркие вспышки. Поймал один из истребителей на мушку пулемета. Нажал гашетку, в горячке боя показалось, что очередь была очень короткой и внезапно кончились патроны. «Мессершмитты», словно коршуны, яростно налетели на нас.

Кабина заполнялась каким-то едким газом. Из пробойны в левом моторе выбивалась дрожащая сизая струйка масла, а за ней тянулся еле заметный тонкий голубой дымок. Он то исчезал, то вновь появлялся. Левый мотор стал работать с перебоями. Самолет терял высоту и скорость. Но «мессершмитты» исчезли. Мы висели в синем небе над сверкающим морем. Неужели все?

Я вспомнил о парашюте, но его на мне не оказалось. Он лежал в стороне с перепутанными лямками. Когда я его сбросил — не помню.

Мотор явно доживает свои последние минуты. Берег близко. Но после сильных толчков левый мотор заглох окончательно. Мы летим на одном моторе. Чувствуется, как ему тяжело. Неужели не дотянем? Как бы мне сейчас хотелось увидеть лица пилота, штурмана! Будь он проклят, мой персональный продырявленный аквариум!

Песчаная коса с отмелью совсем близко. Самолет резко

теряет высоту. Я чувствую, что летчик должен сажать самолет где-то здесь. Дальше будет поздно.

Машина села на живот. Левое крыло коснулось воды — море было совершенно спокойным. Мы погрузились в густую тишину. Только в ушах еще шумели моторы.

Я не знаю, сколько времени мы сидели, не вылезая из кабин, но когда выбрались на песок, нам всем стало очень радостно — так, как бывает только по возвращении в жизнь, когда радуется все — и тишина, и теплое ласковое море, и возможность дышать, двигаться.

Разбитая машина распласталась у самой воды. Стали считать пробоины. Их оказалось шестьдесят четыре.

ЧЕРНОМОРЦЫ

Весна 1944 года. Части Советской Армии подошли к Севастополю.

Итальянское кладбище. Здесь мне знаком каждый пригорок, каждый кустик. Заржавевшие немецкие каски и буйное цветение ярко-красных маков.

Мы осторожно продвигаемся вперед вместе с разведчиками. Мой ассистент Костя Ряшенцев отстал. Когда он подполз, я увидел у него в руках несколько грязных ленточек с выгоревшими названиями кораблей.

— Черноморцы... Они остались здесь. — Костя не прятал слез. Он наклонился и поцеловал землю.

В дни обороны Севастополя Ряшенцев был бойцом морской бригады. В те дни мы с ним и познакомились. Однажды в ожесточенной рукопашной схватке, спасая жизнь командира, он заколол фашиста штыком. Вскоре он стал моим помощником в работе — ассистентом кинооператора, ведь на фронт он ушел со 2-го курса ВГИКа.

Я взял у Кости одну из ленточек и бережно положил ее рядом с фотографией матери...

За косогором сверкнули разом десятки огненных всполохов. Ударили «катюши». Над фашистскими позициями дыбится земля, вырастает лес разрывов. Нахожу удачную точку и снимаю, снимаю всеокрушающий огонь наших батарей.

Разведчики поднялись на вершину горы. Было видно, как в беспорядке отступает вражеская пехота, а от Херсонеса отходят один за другим военные транспорты. С другой стороны Балаклавских высот в Инкерманскую долину вливались боевые порядки советских танков. Штурм Севастополя начался.

Скоро я снова пройду по улицам города, где провел долгих 250 дней осады, где снимал, как боролись и умирали, не сдаваясь, герои-черноморцы. Перед глазами возникают кадры фильма — картины жизни осажденного Севастополя...

Девять бомб попало в миноносец. Он загорелся и стал погружаться. Боевые расчеты у зениток остались на своих местах и продолжали вести огонь. На контуженных, раненых моряках загоралась одежда, но они подавали снаряды,

наводили орудия и стреляли, стреляли, стреляли... Они стреляли, даже оказавшись по колено в воде. Корабль погиб, но не прекратил борьбы.

Немцы бомбили город и корабли непрерывно. Бывало, тысяча двести самолетов делали по четыре вылета в день. Воздушная тревога продолжалась круглые сутки. Казалось, на земле не должно было остаться ничего живого, ни одного дома, ни одного корабля.

В городе фашистским летчикам особенно хотелось разрушить памятник Ленину. Однажды район памятника стали бомбить до 60 самолетов.

«Врете, сволочи, ничего у вас не получится», — думал я, занимая с кинокамерой позицию под мостиком, недалеко от памятника.

Бомбы падали беспрерывно, но памятник Ленину, окутанный дымом, пробитый осколками, стоял как прежде.

В тот день я первый раз был контужен, но зато мне удалось снять один из самых впечатляющих эпизодов фильма о черноморцах. Я ездил по городу на «газике», поднимался на косогоры, на руины домов, на палубы стоящих в бухте кораблей; снимал с катера, с танка, с бронепоезда. Я боялся пропустить хоть один эпизод. Мне казалось преступлением не запечатлеть для других людей, для потомков мужество черноморцев. Это была не просто неравная борьба — в этих

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «ЧЕРНОМОРЦЫ»

Морская пехота занимает город.

эпизодах раскрывалось нечто неизмеримо большее: русский характер, русская душа, которые в дни тяжелых испытаний способны на величайшие взлеты героизма и самоотверженности.

...В Севастополе чудом уцелела гостиница. Жили в ней всего три человека: начальник нашей киногруппы Левинсон, художник-карикатурист Сойфертис и я. Была какая-то особая прелесть в вечерних возвращениях «домой» трех постояльцев заброшенной гостиницы. Три человека, спаянные общей работой, общей опасностью, подружились.

Рано утром мы выезжали на съемку.

И на этот раз ровно в шесть часов мы выехали с Левинсоном в направлении Херсонеса. Отъехали метров двести, не больше. Летят немецкие бомбардировщики. Свист бомб. Обернулись — прямое попадание в гостиницу.

Бросились обратно. Бомба попала в фасад здания. Вбежали в гостиницу: разбиты стекла, зеркала. Все в дыму.

Дверь в наш номер не открывается. Наконец открыли. Все исковеркано. Пол красный, словно залит кровью. Это маки, охалка красных маков, которую накануне я привез с переднего края. Пленка пробита осколками.

На этот раз судьба и точность в работе уберегли нас от гибели.

Шофер нашего «газика» Петро лез в самый огонь, мчался под бомбежкой и, когда я кричал ему «стоп», безропотно останавливал машину для съемки.

Последняя пядь крымской земли свободна!

Однажды бомбежка была очень жестокой. Один из «юнкеров» стал пикировать на нашу машину. Мы выскочили и бросились в придорожную канаву. Бомбы упали метрах в десяти, но не разорвались. Сев в «газик», мы понеслись дальше, а через минуту ухнул взрыв. Бомбы были замедленного действия. Взрывной волной Петра на полном ходу выбросило из машины. Я нажал на тормоз и остановил «газик». Петро был жив, он даже не ушибся.

— Не могу больше ездить, убей меня сам! — неожиданно взмолился он. Как видно, сдали нервы. Да, было тяжело, очень тяжело.

Несколько минут мы стояли молча. Потом Левинсон сел за руль. Но Петро отстранил его и нажал на газ. Снова снимали под огнем, а ночью прятали машину в катакомбах.

Однажды я неожиданно встретил своего старого товарища по институту оператора кинохроники Дмитрия Рымарева. Мы стали неразлучны. Наши киноавтоматы работали, дополняя друг друга, и все тяготы и ужасы стали переживаться намного легче.

Мы снимали не только в Севастополе. Вместе с Рымаревым, ассистентами Костей Ряшенцевым, Федей Короткевичем, фоторепортером Колей Асиным и шофером полуторки матросом Чумаком проехали, прошли и проползли на животе весь Крым. Когда мы, измученные, потеряв машину, с трудом пешком добрались до Севастополя, фашисты пол-

Здравствуй, Севастополь! Мы снова вернулись к тебе.

ностью окружили город. Наступили последние дни героической обороны.

Как-то утром снимали у пристани. В мирное время теплоход «Абхазия» возил туристов. На его палубах люди отдыхали, радовались морю, солнцу. Сейчас теплоход погибал.

И вдруг показался самолет, который шел прямо на нас. Я снимал тонущий теплоход, не видя и не слыша ничего вокруг.

— Ложись! — закричал Левинсон, который успел отбежать за скалу.

Я упал, только голову успел спрятать.

— Ты жив? — словно сквозь густой слой ваты, услышал я голос Левинсона.

Встал — значит, жив. Кругом осколки, земля сыплется. Неподалеку упали четыре бомбы. А если жив, значит надо работать.

Где же теплоход? Он кренится на левый борт, медленно погружаясь в море. Схватился за камеру — осколок попал в объектив. Переставил объектив, шагнул вперед, чтобы ясней увидеть, и упал. Отнялась нога, совсем не чувствую ее.

— Ты ранен? — спрашивает Левинсон.

— Ранен? Не знаю... — Ощупываю ногу, раны как будто нет. Вырвана спинка у кителя, брюки в нескольких местах пробиты осколками, и все. Но стоять не могу.

Лег ничком, взял камеру, надо доснять последние кадры гибели «Абхазии».

В тот раз уцелел чудом — попал в самый купол взрывной волны. Отделался тяжелой контузией. Меня отнесли и укрыли в штольне.

Однако командование категорически приказало отправить меня в Москву.

— Прощай, Севастополь! Мы еще вернемся!

По дороге в Москву больше всего волновался за пленку. Отснятые кассеты я отправлял в Москву с разными людьми, большинство из них не знал даже по фамилиям.

А вдруг эти люди забыли про пленку, потеряли ее или погибли в дороге?

Но — вот чудо! — все кассеты до одной были в целости и сохранности доставлены на студию. Люди хорошо понимали, как дороги, как много значат эти пленки.

В Москве я узнал, что награжден орденом боевого Красного Знамени и медалями «За оборону Севастополя», «За оборону Одессы», «За оборону Кавказа». За фильм «Черноморцы» мне и моим товарищам было присвоено звание лауреатов Сталинской премии.

* * *

И вот я снова в Севастополе. Графская пристань. У группы моряков, первой ворвавшейся в город, нет знамени. Один из матросов снимает с себя тельняшку, привязывает ее к веревке и поднимает на флагшток. Я беру ки-

нокамеру. В визире символический кадр: над только что освобожденным городом полочется на ветру «морская душа».

КРАСНЫЕ ОГНИ В ВОЛНАХ АТЛАНТИКИ

Закончен в основном фильм о черноморцах. У меня возникает новый план. Вместе с оператором Р. Халушаковым мы сидим по ночам и с увлечением пишем предварительный сценарий документального фильма под условным названием «Архангельск — Лондон — Нью-Йорк». Пройти вместе с караваном кораблей по этому маршруту, снять фильм о боевой дружбе советских, английских, американских моряков, об их совместной борьбе с фашистами — эта идея захватила наши мысли.

И вот все готово к дальнему, долгому и опасному путешествию. Большой караван советских, американских и английских транспортных судов вышел из Архангельска 17 ноября 1942 года. Нас четверо операторов: Н. Лыткин, Р. Халушаков, В. Соловьев и я.

До Лондона мы добрались без особых приключений, если не считать, что за время пути мы потеряли из 8 кораблей 4, англичане — 22, а американцы — 17.

На теплоходе «Пасифик Гроуд», держащем путь из Лондона к Нью-Йорку, было 13 пассажиров. То ли это несчастливая цифра сыграла роковую роль, то ли судьба решила испытать наше мужество, но однажды в темную штормовую ночь резко зазвучал сигнал тревоги.

Лицом к лицу
С ОПАСНОСТЬЮ

ЕГО ЗОВУТ БОРИС НЕФЕДОВ

Человек перегибается через борт шлюпки и ступает в ледяную воду. Он торопливо идет к берегу, раздвигая мелкие острые льдинки.

На темном утесе стоят трое зимовщиков. Рядом, на нартах, завернутая в кухлянку, лежит женщина. Человек, с трудом передвигающийся в холодной воде, знает о ней лишь то, что она радистка с острова Колючий, что фамилия ее Еремеева. И еще он знает, что радистке нужна срочная медицинская помощь. Об этом сообщила вчера дробь морзянки.

Человек поднимает женщину и снова шагает в воду. Кажется, что до шлюпки стало дальше. Снежная крупа сечет лицо: ветер теперь бьет в грудь. «Только бы не свело но-

ги! — думает человек. — И не надо спешить, а то поскользнусь».

В шлюпке отчаянно работает веслами матрос Владимир

Глухой взрыв встряхнул корабль. Стрелки часов в кают-компании показывали ровно двенадцать. Мы бросились в каюту, схватили кинокамеры, спасательные жилеты и поднялись на верхнюю палубу.

Шедший слева от нас большой английский танкер крепился на корму, над ним клубились облака черного дыма. На несколько минут выглянула луна и осветила торпедированный подводной лодкой корабль. Команда танкера быстро спускала шлюпки, но ни одной из них не удалось отчалить. Высокая волна, ударяя шлюпки о борт, разбивала их в щепы.

В темных ледяных волнах Атлантики замерцали красные огоньки. Отчаянные пронзительные свистки пронзали ночь. Это свистели утопающие моряки. Попав в холодную воду, человек быстро теряет голос, и поэтому в дополнение к спасательному жилету с красной лампочкой всем морякам и пассажирам выдавались свистки.

Танкер медленно погружался в пучину океана. Справа и слева, взывая о помощи, плясали на волнах красные огоньки.

Взмывали в небо осветительные ракеты. Команды, занявшие боевые посты, всматривались в волны, пытались обнаружить перископ подводной лодки. К месту гибели транспорта подошел американский миноносец. Лучи его прожекторов беспокойно металась по взбудораженной поверхности океана. Внезапно мы все увидели выхваченную лучом прожектора рубку подводной лодки. Она медленно погружалась. Очереди трассирующих пуль и зенитных снарядов впились в нее.

Голубев: иначе скорлупку давно бы уже выбросило на скалы и разбило.

Шаг. Два Три. Как медленно сокращается расстояние!

Шаг. Два. Три. Человек бережно, не спеша кладет в шлюпку свою ношу. Теперь за весла!

Словно стена, надвигается высокий борт шхуны. Сейчас, когда шлюпку поднимут, судно двинется туда, где за холодным горизонтом глубоко вдалась в берега бухта Провиденция. Там больную ждут врачи.

Человек непослушными руками стаскивает с себя заледевшую одежду.

Человека зовут Борис Нефедов. Он старший помощник капитана на гидрографическом судне «Горизонт».

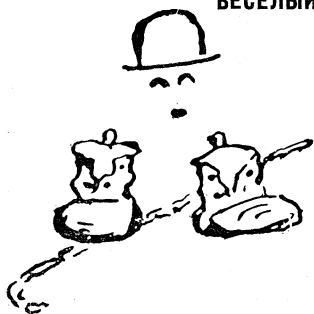
Набирая скорость, маленький миноносец пошел на таран. Раздался сильный лязг. На волнах расплылось жирное пятно нефти. Подводный разбойник пошел ко дну.

Остаток ночи, до шести утра, прошел спокойно. Но ровно в шесть снова раздался глухой взрыв.

Двенадцать дней подряд подводные лодки регулярно атаковывали наш караван. Как видно, они рассчитывали и на психологический эффект: атаки следовали ровно в 12 ночи и в шесть утра.

Наконец сквозь завесу снежной пурги показался размытый силуэт Статуи Свободы. Ее гигантская серо-зеленая рука протягивала навстречу нам факел. Ветер сильными порывами разорвал снежный занавес, проглянуло солнце, и перед нами предстал Нью-Йорк.

ВЕСЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК С ГРУСТНЫМИ ГЛАЗАМИ

На обороте фотографии моей матери, которую я всюду носил с собой, — смешной рисунок: усы, брови, над ними котелок, внизу два огромных изношенных ботинка и тросточка. Этот рисунок — шуточный автопортрет Чарли Чаплина.

В Америке у нас было много самых разных встреч. Американцы живо интересовались положением на рус-

ском фронте, восхищались беспримерным героизмом русских людей.

НАД БЕЗДНОЙ

Стремительно течет Ангара. Пробиваясь сквозь скалы, она клочочет, пенится. Там, где река особенно неистова, высятся грандиозные сооружения «Братскгэсстроя».

Телефонный провод — ниточка, переброшенная через реку, — связывает строителей правого и левого берегов. Оборвись она — нарушится связь.

Однажды кабель порвался. Надо было срочно подвесить новый. Пробовали натянуть провод лебедкой по идущему над рекой тросу. Безуспешно. Устранить аварию вызвался тракторист Анатолий Вайнаровский. Лялька с Анатолием заскользила по тросу над кипящей рекой.

Вот он добрался до места обрыва. Но до висевшего кабеля из ляльки не дотянуться. Тогда Анатолий пристегнул себя монтажным ремнем к тросу и стал подбираться к кабелю. Место разрыва ближе, ближе. Тракторист уже у цели. Соединив

Среди американских впечатлений наиболее запомнилась мне встреча с Чарли Чаплином.

Мы встретились с ним в Голливуде. У меня не было под рукой ни записной книжки, ни листа бумаги. Увидев фотоаппарат, Чаплин попросил разрешения и мгновенно набросал на ней выразительные штрихи рисунка.

...Когда мы подъехали к его студии, нас встретил пожилой привратник.

— А Рашен бойс¹, прошу, пожалуйста, проходите! Мистер Чаплин с минуты на минуту должен быть. Разрешите поздравить вас с успехами на фронте. Сейчас радио принесло очень хорошие новости. Ваши войска продолжают теснить Адольфа. Я только и живу сейчас от одного сообщения до другого.

В это время за воротами студии послышался гудок автомашины. Распахнулась дверка, из автомашины вышел невысокого роста человек с седыми волосами. Его большие черные, немного грустные глаза блестели молодым огнем. Он был очень весел, с лица не сходила улыбка.

Мы прошли в небольшой просмотровый зал. Чарли Чаплин сказал, что он покажет нам свой фильм, который он делал 18 лет назад. Пока мы занимали места, он подбежал к роялю, сыграл что-то очень бравурное.

— Шостакович! — сказал он, сел рядом со мной и спросил: — Не правда ли, это смешно?

Эта фраза — его постоянная поговорка.

Затем Чаплин вскочил на спинку кресла, заглянул в окошечко будки и сказал, что пора начинать.

С того момента, как погас свет, и до того, как он снова загорелся, мы смеялись до слез, до боли в животе. Чаплин

---

¹ Русские мальчижи (англ.).

концы, Анатолий вернулся в люльку. Люди быстро потянули ее к берегу. Но Вайнаровский, видно, спешил. Кабель оборвался во второй раз. И опять поплыла люлька над бездной. Теперь Анатолий оставался в воздухе значительно дольше, и связь была восстановлена.

Так, дважды рискуя жизнью, устранил аварию тракторист Анатолий Вайнаровский.

так гениален в своей простоте, что не восторгаться им невозможно.

— Не правда ли, смешно? — сказал Чаплин, как только мы пришли в себя после картины.

— Да, это смешно до слез, — согласился я.

Настала наша очередь. Мы показали Чаплину фильм «Черноморцы». Я давал пояснения.

Когда в зале зажегся свет и Чаплин повернулся к нам, намереваясь что-то сказать, мы увидели: его глаза были влажны. Он извинился:

— Я так потрясен, так взволнован, что не могу говорить.

Наступила тишина, которая длилась несколько минут. Все это время Чаплин сидел, положив голову на руки.

— Я хотел пригласить вас к себе домой, но неожиданно узнал, что сегодня постный день, — сказал Чаплин. — Не правда ли, это смешно: в Америке постные дни? — Он снова засмеялся и пригласил нас поехать с ним в клуб «Коричневая шляпа». Пока мы были в клубе, Чаплину то и дело приходилось давать свои автографы. Подходили люди всех возрастов, от детей до стариков. Мы узнали, что на мальчишеской бирже автографов за один автограф знамени-

---

„ОПЕРАЦИЯ ПРОШЛА УСПЕШНО“

В больницу привезли мальчика двух с половиной лет. Ребенок умирал: тяжелый случай полиомиелита. Молодой врач, аспирантка Рита Термане взялась сделать опасную, сложную операцию. Это не входило в ее обязанности, но ведь речь шла о жизни человека — маленького человека.

Тихо в операционной. Рита вскрыла дыхательное горло, ввела трубку, включила аппарат искусственного дыхания... Немного позже в журнале появилась запись: «Операция прошла успешно».

— Она, конечно, не думала заразиться, — говорит научный руководитель аспирантки Термане профессор Бие-

той Шерли Темпл, героини детских фильмов, дают три автографа Чаплина.

— Не правда ли, это смешно? — спросил великий актер.

Но нам почему-то стало грустно. На прощанье Чарли Чаплин крепко пожал нам руки и сказал:

— До скорой встречи в Москве!

И сегодня, много лет спустя, рассматривая чаплинский рисунок, я всегда вспоминаю грустные черные глаза человека, которого называют королем смеха.

* * *

Я прошел со своей верной кинокамерой по многим военным дорогам. Снимал в Болгарии, в Румынии, в Пруссии и на Одере. В Берлин не попал — помешало ранение. Но вот кончилась война. Оправившись от ранения, я выехал на Дальневосточный фронт, а потом в Японию, в Китай.

После войны я бывал с кинокамерой в Бирме и Финляндии, в Индонезии и в Венгрии. Сейчас снова упаковываю свое верное оружие. Вместе с другими советскими кинооператорами буду снимать фильм о борьбе народов Африки с колониализмом.

Но об этом отдельный рассказ.

Литературная обработка Ю. ПОПКОВА

знь. — Но если бы в ту минуту ей сказали, чем кончится для нее операция, она бы не отложила скальпель. Уж я-то

Риту знаю...

Указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР Рите Термане было присвоено почетное звание заслуженного врача республики. Присвоено посмертно...

БЕГЛЕЦ НА ПАРОХОДЕ

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

Я открыл глаза и взглянул на часы: было еще очень рано. На стенах каюты дрожали утренние солнечные блики, а в зеркале отражался бескрайний простор Тихого океана.

Я перевернулся на другой бок и заснул снова, но тотчас же был разбужен стуком в дверь — резким, настойчивым. Удары все учащались и становились сильнее.

— Что случилось? — крикнул я.

— Несчастье, — ответили из-за двери, — отойдите скорее бога ради!

Все еще в полусне я кое-как дотянулся до двери. В коридоре растерянный и бледный стоял старший помощник капитана.

— Что с вами? — спросил я. — Вы неважно выглядите! Присядьте.

— Одевайтесь скорее!.. — Он озабоченно схватил галстук и один ботинок и пытался засунуть все это за пазуху моей пижамы.

Обычно я сплю крепко и просыпаюсь не сразу. Поэтому мне требовалось время, чтобы прийти в себя. Но машинально я уже начал неторопливо одеваться.

— Поскорее, пожалуйста, нельзя ли поскорее...

— Да скажите, наконец, что случилось? Зачем именно я вам понадобился?

— И он еще спрашивает!

— Объясните толком, в чем дело?

— Да я только и делаю, что пытаюсь вам втолковать. Приснитесь же наконец! Ваш леопард вырвался и разгуливает по всему пароходу...

— Леопард?! Что же вы, черт побери, молчали?
Сон как рукой сняло. Леопард на свободе! Действительно, могло ли случиться что-нибудь более страшное!

Этого леопарда я приобрел случайно перед самым отплытием из Калькутты. Почти все мои животные — птицы и звери — были уже на борту. Матросы грузили последние клетки и готовились поднимать сходни, когда появился какой-то малаец, подъехавший на лодке. Он искал меня. В лодке стояла клетка с крупным пятнистым леопардом. Малайцу кто-то сказал, что мне нужен леопард, и он спешил доставить зверя к пароходу до отплытия. Мы сговорились очень быстро, потому что заказ на леопарда от Чикагского зоопарка у меня действительно оставался невыполненным. И клетка с хищником, поднятая с лодки, завершила погрузку.

Леопарда справедливо считают самым свирепым хищником на свете. Правда, он меньше тигра, но не менее кровожаден, более отважен, хитер и ловок. Леопард без труда взлезает на деревья, не боится человека и нередко на глазах у людей похищает мелкий скот и даже детей.

Купленный мною зверь оказался совершенно диким. Он был пойман в ловушку всего лишь несколько дней назад. Он рычал и бросался на прутья клетки, как только к ней кто-нибудь приближался. Когда мой помощник Али впервые хотел накормить леопарда, тот едва не разорвал ему руку.

Поэтому я сразу решил поместить его подальше от клеток с тиграми, чтобы он не подавал им дурного примера. Ведь они уже привыкли к людям и вели себя достаточно сносно.

— Где же мои помощники? Что говорит капитан? — спрашивал я, торопливо застегивая краги.

— Ваши помощники, вероятно, еще спят. Порыв ветра сбросил клетку с мостика, и решетка не выдержала удара... Капитан побежал за револьвером, чтобы пристрелить...

— Пристрелить? Такого великолепного зверя! Надо попытаться поймать его живьем!

Сунув в карман револьвер, я бросился к двери.

— Не могу ли я быть вам полезен? — спросил старший помощник.

— Да, конечно. Разбудите Али, пусть бежит сюда как можно скорее...

Пассажиры, разумеется, еще спали. Все вокруг казалось вполне мирным и спокойным.

Али уже бежал мне навстречу. Я высыпал ему в горсть десятка два револьверных патронов, приказав как можно скорее вынуть из них пули, оставив только порох для холостых выстрелов.

Поднявшись на палубу, я тотчас же увидел капитана. Согнувшись и держа в руке револьвер, он пробирался между ящиками и канатами. Увлеченный охотой, он не заметил меня.

— Алло, капитан! — Я старался говорить как можно спокойнее. — У вас такой вид, точно вы в джунглях или

нас преследуют пираты. Что вы собираетесь делать, если не секрет?

Он обернулся, увидел меня и облегченно вздохнул: ответственность за все происходящее с этого мгновения ложилась уже на нас обоих!

Я уговорил его не стрелять, если только непосредственная опасность не будет угрожать кому-нибудь из пассажиров или экипажа.

— Но помните, — сказал капитан. — Ваша охота не может продолжаться долго: скоро проснутся и начнут собираться к завтраку пассажиры...

— Постараюсь поспешить, но будьте так добры, прикажите кому-нибудь поднять из трюма хорошую запасную клетку и перенести ее на палубу.

Я вернулся к Али, который заканчивал порученную ему операцию с патронами. Поскольку я не успел ничего объяснить ему, он даже не знал толком, что именно произошло.

— Леопард на свободе, — сказал я, торопливо снимая со стены карабин.

— Как? — воскликнул Али. — Зачем же нам тогда холостые патроны? Его надо застрелить как можно скорее, а то он наделает бед. О, это очень плохой зверь!

Остановившись в дверях, я осмотрел карабин. Он был в порядке.

Так началась эта необычная охота.

Мы осторожно пробирались среди тюков хлопка и бочонков с маслом, чтобы незаметно приблизиться к беглецу. Я решил сперва посмотреть, как он чувствует себя на воле. Если зверь сохранил всю свою отвагу и злобность, пожалуй, действительно останется только застрелить его. Но мне не хотелось и думать об этом. Не вернее ли предположить, что, вырвавшись из клетки, он чувствует себя несколько растерянным? Надо взглянуть.

Али придерживался совершенно иного мнения. С его точки зрения, зверь, покинувший клетку, совершил великий грех и должен быть наказан. Единственным наказанием, достойным такого преступления, считал Али, была смертная казнь.

Сделав еще несколько шагов по нижней палубе, я ментально остановился и выставил вперед дуло карабина, держа палец на спуске: в пяти-шести шагах передо мной, над большим ящиком показалась голова леопарда. Он тоже увидел меня, глаза его блеснули... Бросится или нет? Готовый выстрелить, я осторожно продвинулся вперед на несколько сантиметров. Усы зверя топорщились, раздвоенная верхняя губа злобно приподнялась, он оскалил зубы и угрожающе заворчал. Но по легкой дрожи лопаток, по едва заметному тревожному трепетанию мышц я понял, что его самое сильное желание — удрать как можно скорее.

Конечно, если бы я бросился в атаку, он стал бы отчаянно защищаться. Но все же он был порядком испуган. Возможно, в более знакомой и привычной для него обста-

новке он без раздумий ринулся бы вперед, чтобы зубами и когтями расчистить себе дорогу. Но здесь, среди этих ящиков, бочонков и канатов непонятного назначения, все казалось ему враждебным.

— Али, мы возьмем его живым! — прошептал я.

Мы отступили, оставив пока беглеца в покое, и поднялись на верхнюю палубу. Мне хотелось заставить леопарда подняться наверх по лестнице и затем загнать его в пассажирский салон и там запереть.

Поэтому, войдя в этот салон, я позаботился закрыть все внутренние двери, оставив распахнутой только одну — выходящую на палубу. Трое матросов принесли клетку. Мы оставили ее пока возле двери. Затем я передал свой карабин Али и взял у него револьвер с холостыми зарядами. Конечно, с таким оружием я не мог чувствовать себя в безопасности лицом к лицу с диким хищником. Я не принадлежу к тем путешественникам, которые (если верить их рассказам!) без всякой нужды, с хлыстиком в руке и сигаретой в зубах лезут прямо в пасть смерти, в то время как подготовленный для этого случая фоторепортер или кинооператор увековечивает на пленке их отвагу. Леопард — это леопард, друзья мои! Ни больше, ни меньше. Но убивать животных, даже таких свирепых, как леопард, не моя профессия. Моя профессия ловить их живыми.

Разумеется, я вовсе не стремился оказаться в длинном списке людей, в разное время и при различных обстоятельствах растерзанных леопардами, но я надеялся, что решительность и хладнокровие, выработанные за долгие годы работы, помогут мне благополучно выйти и из этого нелегкого испытания. К тому же на случай опасности Али держал карабин с боевыми патронами, готовый в любую минуту передать его мне или стрелять сам, а стреляя он, надо сказать, очень недурно.

Леопарда мы нашли все на том же месте. Значит, оставалось заставить его подняться по лестнице на верхнюю палубу и войти в пассажирский салон. Затем нам следовало придвинуть к двери раскрытую клетку, загнать его в эту клетку и опустить решетку. Как видите, сущие пустяки!

На этот раз мы подошли к зверю сбоку. Я поднял револьвер... Выстрел... Продолав серию головокружительных прыжков с мудреными сальто, ошалевший леопард стал описывать круги неподалеку от лестницы. Мы продолжали преследование. Когда он находился всего в нескольких шагах от нижней ступеньки, я выстрелил снова три или четыре раза подряд. Но вместо того чтобы взбежать по лестнице, хищник метнулся в сторону, затем круто повернулся и присел. Он находился против меня, оскаленный, с выпущенными когтями, готовый к прыжку. Я дал ему успокоиться. Добрую минуту простояли мы так, глядя друг на друга. Я не мог позволить себе отступить, но и двинуться вперед было опасно. Понемногу когти зверя втянулись, верхняя губа опустилась и закрыла зубы. Тогда я выстрелил снова. Пламя сверкнуло перед самым его носом. Он отпрянул и бросился в сторону. Затем он описал

еще два круга, с такой быстротой оказываясь то впереди, то позади нас, что были мгновения, когда мне казалось, что он готов на меня броситься. Вероятно, дело этим и кончилось бы, если бы внезапно, обернувшись к нему в то время, как он оказался сзади, я не выстрелил снова. Быстрота этой атаки застигла его врасплох. Сбитый с толку, он перевернулся на месте и обратился в бегство.

В ту же секунду я услышал отчаянный вопль. На бегу леопард сшиб с ног боя-негритенка, который тащил куда-то два ведра воды. Откуда вдруг появился на мостике этот мальчишка, представления не имею!

Ведра с грохотом покатались в разные стороны, разлилась вода, мальчик с криком метнулся к той двери, через которую вошел. Растерянный леопард, очевидно, решил тоже улизнуть через эту дверь. Оба они, по-видимому, плохо соображали, что с ними происходило в эту минуту. Но, очутившись опять лицом к лицу с леопардом, негритенок не растерялся: увидев конец веревки, свисавший с рей над его головой, он подпрыгнул, с ловкостью обезьяны поймал этот конец и полез наверх, быстро работая руками и ногами и не забывая в то же время отчаянно вопить.

Я воспользовался растерянностью леопарда, который, подняв голову, с самым глупым видом размышлял над таинственным исчезновением мальчишки, и перезарядил револьвер холостыми патронами. Как только это было сделано, я возобновил стрельбу, и снова погнался леопарда к лестнице.

Наконец он догадался взбежать по ней наверх. Первая часть нашей задачи, таким образом, оказалась выполненной.

Тем временем разбуженные выстрелами пассажиры с ужасом наблюдали через окна своих кают за нашей охотой.

Теперь леопард кружился по верхней палубе, не решаясь войти в открытую дверь салона. Мы продолжали преследовать его по пятам. При каждом повороте он оборачивался и рычал, оскаливая зубы. Тогда я останавливался и давал ему успокоиться, но в одну из таких минут крики напуганных пассажиров придали ему смелости. Зверь припал к полу, готовый к прыжку.

— Али! Карабин...

Он почти бросил его мне в руки. Держа палец на спуске, я приготовился застрелить леопарда на лету, во время прыжка... но он не прыгнул.

Делаю полшага вперед. Он зарычал, но отступил.

— Али! Попробуй из револьвера!

Али выстрелил, и зверь опять бросился в бегство.

Это становилось утомительным.

Наконец, на миг остановившись перед открытой дверью, леопард, казалось, задумался, затем, сделав еще один круг и поняв, что все другие пути отрезаны, решительно прыгнул в дверь. Мы тотчас же ее захлопнули.

Передохнув немного, мы взялись за клетку. Установили

ее против дверного проема, подняли решетку; быстро открыв дверь, плотно придвинули клетку, чтобы при попытке выйти тем же путем зверь не мог миновать ее.

После этого я поспешил вниз; поднявшись по внутренней лестнице, прошел на кухню и приоткрыл ведущее в салон окно, через которое обычно передавались блюда. Просунув сквозь это окно длинный бамбуковый шест, пытаюсь таким путем загнать леопарда в клетку.

Леопард выразил недовольство моей тактикой, грызя зубами конец шеста и злобно рыкая. Затем он ушел в угол, улегся на полу и, казалось, решил не обращать на меня внимания.

Тогда я закрыл окно в салон, спустился в свою каюту, захватил лассо, с которым обычно никогда не расстаюсь в поездках, и перезарядил револьвер боевыми патронами. Я вернулся на кухню, снова открыл окно в салон и полез через него навстречу моему леопарду. Когда на кухне уже оставались только мои ноги, я услышал позади себя возглас помощника капитана:

— Что вы делаете? Вы, кажется, совсем сошли с ума? Мне некогда было отвечать. Да и что тут ответить? Я решил сделать все возможное, чтобы заставить этого идиота леопарда вернуться в его клетку.

Один конец лассо я перебросил к двери, где стояла клетка. Там его поймал Али.

— Когда прикажу, тяните за этот конец сразу и быстро, — скомандовал я.

Посреди салона, окруженный стульями, стоял большой стол. Я без труда прыгнул на него. Леопард лежал и не шевелился по другую сторону этого стола.

Держа наготове лассо, приближаюсь к нему.

Внезапно зверь испустил яростное рычание, и его передние лапы разом очутились на столе.

Стоя на задних лапах, он смотрит на меня. А я на него. Секунда... другая... третья...

И снова он отступает, ворча, в угол.

Как только он успокоился, я, тщательно нацелившись, метнул лассо.

Оно обвилось вокруг шеи зверя, я резко рванул свой конец и одновременно крикнул Али и матросам:

— Тяните!

И тогда, увлекаемый натянувшейся веревкой, леопард заскользил, опрокинувшись на спину, по натертому паркету к открытой двери клетки.

Напрасно он рычал, стараясь ухватиться лапами за ножки стульев.

Но вдруг движение прекратилось. Веревка продолжала натягиваться, но зверь больше не двигался. Его тело оставилось под прямым углом к веревке, зацепившись за выступ перегородки. Полузадушенный лассо, он хрипло рычал и не мог двинуться с места.

— Подождите тянуть! — крикнул я, спрыгивая со стола на пол.

Это казалось уже совсем рискованным. Но было ли у меня время подумать об этом? Я поймал одну из задних ног леопарда и, дернув ее на себя, повернул зверя. В тот же миг матросы так натянули лассо, что он влетел в клетку, как камень, выпущенный из пращи. Решетка клетки захлопнулась. Беглец был снова в плену.

Когда я подбежал к клетке, леопард уже не мог рычать и только хрипел. Я тотчас же отпустил конец лассо в надежде, что скользящая петля ослабнет сама собой и он сумеет от нее освободиться. Но напрасно! Туго затянутая петля почему-то не ослабевала.

Я вынул из кармана складной охотничий нож и, открывая лезвие, заметил, что руки у меня дрожат. В самом деле, все предшествовавшее было пустяком по сравнению с тем, что я собирался сделать.

Пришлось почти до локтя просунуть руку в клетку, и, заведя нож под веревку, стягивавшую горло зверя, одним ударом обрезать ее. Леопард мгновенно пришел в себя. Прежде чем я успел отдернуть руку, он уже оказался на ногах и взмахом мощной лапы разорвал от плеча до запястья мою кожаную куртку. К счастью, я успел достаточно быстро отпрыгнуть назад, и ему не удалось удержать меня у решетки, чтобы вторым ударом перервать мне горло...

Кожаная куртка, которую я надел нарочно перед облавой, сослужила мне хорошую службу. Только благодаря ей я отделался неглубокими царапинами, которые вскоре зажили.

Не прошло и трех недель, как мой неистовый пленник был сдан в зоопарк.

Однако пятнистый красавец так и не примирился с неволей. Вскоре он попытался загрызть своего сторожа и был застрелен при попытке осуществить новый побег.

Перевод с английского **Сергея Толстого**

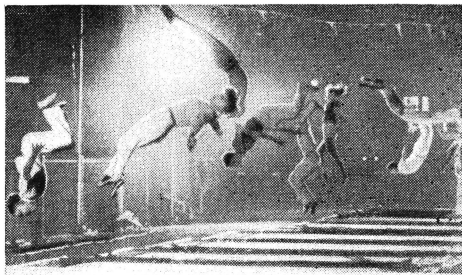

ВСЕМИРНЫЙ КАМЕИДОСКОП

Люди, в столь странных позах запечатленные на снимке, принадлежат к лос-анжелоскому клубу прыгунов на батуте.

Батут — гимнастический снаряд, более полувека применяется цирковыми артистами. И вот недавно предприимчивые дельцы решили «популяризовать» батут. Рекламы вещали, что мужчины, совершая регулярно прыжки на этом снаряде, смогут стать ловкими, а полные женщины — потеряют лишний вес.

Один за другим возникли «батутные клубы». Только в Лос-Анжелосе их насчитывается уже 175.

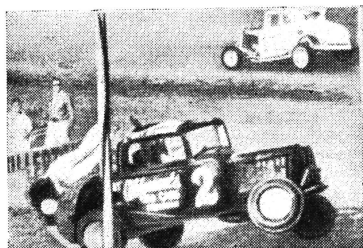

БИЗНЕС НА БАТУТЕ

Среди поклонников батута много ребят. Предоставленные сами себе, они часто получают разного рода ушибы и переломы. А для 16-летнего мальчика из Сан-Диего батутная лихорадка окончилась трагически — он сломал позвоночник и умер. Однако никто не собирается закрывать или контролировать «батутные клубы». И их хозяева продолжают беспрепятственно получать свои барыши.

СКОРОСТЬ СТОИТ ЖИЗНИ

Под таким диким девизом нередко проходят автомобильные гонки в капиталистических странах. Вот только два факта из множества сообщений, ко-

торыми пестрит зарубежная хроника.

На гонках в Калифорнии (США) автомобиль Арта Аткинсона после столкновения с машиной конкурента перевернулся шесть раз.

На гонках по Нюрнбергскому кольцу (ФРГ) машина Г. Скарлати на огромной скорости врезалась в боксы. От удара загорелся бензиновый бак. Взметнулось яркое пламя.

Такие эффектные зрелища привлекают жаждущую острых ощущений публику, приносят баснословные деньги организаторам гонок, смерть и увечья — гонщикам.

В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ

Недавно институт общественного мнения Гэллопа обратился к представителям всех слоев населения США с вопросами о деятельности известных ученых, полководцев, писателей, художников и т. п.

Откликнулись 4 тысячи американцев.

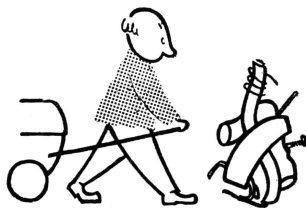
Четыреста из них ничего не знали о Христофоре Колумбе. Имена Карла Маркса, Шекспира, Рафаэля оказались этим гражданам также неизвестными. Зато...

Тициана многие считали дамским парикмахером, который изобрел рыжую окраску волос, Толстого — кинопредпринимателем, поставившим фильм «Война и мир», Бетховена —

автором вальса «Дунайские волны».

Торговец овощами заявил сотрудникам Гэллопа, что Аристотель каким-то боком причастен к деревянному троянскому коню. А Наполеон Бонапарт, по утверждению одной официантки, был известным французским большевиком: он завоевал Москву и казнил царя.

Комментарии излишни!

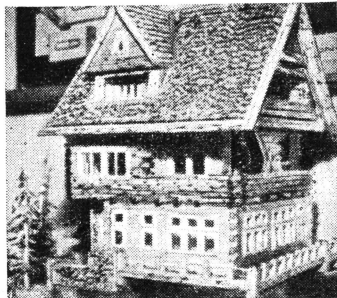

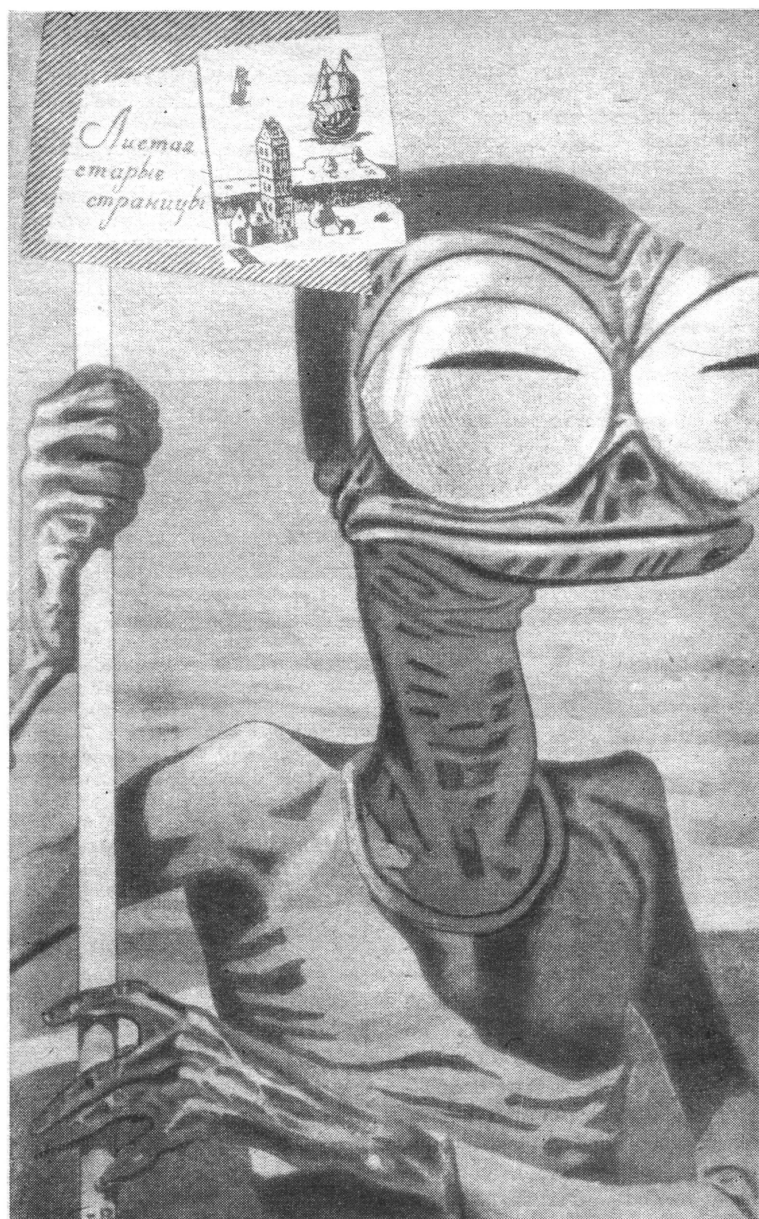
НЕВЕДОМЫЙ ШЕДЕВР

Из музея абстрактного искусства в Ганновере (ФРГ) похитили скульптуру. В связи с этим полиция разослала по городу инструкцию: «Сборщиков утиля просим быть особенно внимательными при скупке сырья, поскольку исчезнувшая скульптура по неведению может быть принята за металлолом».

ОХОТА ПУЦЕ НЕВОЛИ

Этот домик и вся его обстановка сделаны из самого обычного и в то же время необыкновенного материала. Он сооружен одним австрийским ремесленником из обгорелых спичек. Надо обладать поистине ювелирным мастерством и незаурядным терпением, чтобы обжечь 30 600 спичек и в течение 726 часов построить из них игрушечный домик.

Этот фантастический рассказ
был напечатан в журнале „Мир
приключений“ в 1928 году.

1

Два буйка качались на волнах среди непроглядной тьмы
гропической ночи.

Черная вода, встречая препятствие, вспыхивала и обтекала буйки пылающими струйками жидкого огня.

Буюк с седыми волосами назывался Николаем Ивановичем Врагиным, профессором биологии. Вторым буюком был я. Между нами плыла тяжелая решетка палубного люка.

Казалось, прошло несколько суток с того момента, когда мы после долгого колебания решились и прыгнули в воду с борта горевшего парохода, сбросив сначала решетку люка. Вцепившись в нее, мы плыли рядом: решетка была слишком мала, чтобы выдержать тяжесть хотя бы одного из нас.

Рассвет наступил неожиданно. Вдруг потухли струи, из поредевшего мрака выступили плавно вздымавшиеся и опадавшие мутно-серые водяные бугры, грубая решетка, наши скрюченные пальцы, вцепившиеся в нее, и бледное, но спокойное лицо Врагина.

Гребя изо всех сил, мы старались теперь направить плот к суше.

Предрассветные сумерки в тропиках коротки, но солнце еще не успело взойти, как мы подплыли к берегу настолько, что разглядели на вершине одной из дюн три неподвижные человеческие фигуры, похожие издали на вбитые в кочку колышки. Одна из фигур стала спускаться к воде.

Подплывая все ближе и ближе, мы пристально вглядывались в фигуры на берегу. Европейцы или туземцы? Через полчаса мы могли оказаться спасенными или... в плену. На западном берегу Африки возможно и это, что бы ни говорили те рассудительные люди, которые представляют себе весь мир чем-то вроде окрестностей Петергофа или Сестрорецка.

Приподнятый высокой волной, я увидел много ближе, чем ожидал, белую полосу — пену прибоя. На мелководье волны усилились.

Налетевшая большая волна, по пути подхватив на свой хребет и меня, с грохочущим ревом далеко выкатилась на берег, разостлалась и пенистым потоком поспешно хлынула обратно. Задыхающийся, полуголушенный, я оказался на мокром песке. Рядом, в пяти шагах, среди ключев пены и бежавших луж, полз на четвереньках Николай Иванович.

Саженья в двадцати дальше, размашисто шагая, направлялись к нам трое в темных фуфайках. Двое передних были с автомобильными очками на глазах, третий — в пробковом шлеме. Европейцы! Концы длинных тонких удилиц упруго колебались над их головами. Успела промелькнуть нелепая догадка: пришли ловить рыбу.

С шипением и свистом чудовищного змея вырос очередной вал. Не успев повернуть головы, краем глаза я увидел на миг близко, почти у ног, высокую изогнувшуюся стену кипящей воды, пронизанную пузырьками пены. Свертываясь наверху гигантской стружкой, стена нависла надо мною. Меня приподняло, завертело и швырнуло еще дальше на берег. Сознание гасло. Еще удар — и обильный пир крабам... При этой мысли, отчаянным напряжением собрав последние силы, я поспешно отполз на несколько шагов и, не подымаясь, долго силился глотнуть воздух, даваясь от воды, попавшей в легкие. Голова кружилась, все тело ныло.

II

Я медленно встал, шатаясь от слабости. И, еще не подняв головы, заметил, что спешившие к нам на помощь стоят совсем рядом, в двух шагах.

Мой взгляд скользнул от ног к голове по фигуре ближайшего. Я похолодел. Это было так неожиданно, точно из высокой травы внезапно поднялась и замерла в зловещей неподвижности у самого лица страшная голова змеи.

Вместо ожидаемого мною человеческого лица было нечто невообразимо чудовищное. Принятое издали за автомобильные очки оказалось в действительности громадными выпученными бельмами — глазами величиною в блюдец. Глаза сидели рядом, вплотную, несоразмерно большие для маленькой по сравнению с ними головы. Они занимали все лицо, выдаваясь из своих орбит выпуклыми фарфорово-белыми чечевицами.

Казалось, нет ни лба, ни щек, ни скул — одни глаза! Два белых шара на шее, стержнем выдвинувшейся из плеч. Блестяще-белую эмаль выпученных белым раскалывали пополам горизонтально, от края до края, тонкие черные трещины — щели сильно суженных зрачков.

Жесткая складка плотно сомкнутого, безобразно громадного лягушечего рта в грязно-зеленой коже, сухо обтягивавшей всю голову и свободную от глаз часть лица, придавала голове невыразимо свирепое выражение.

Разрез широкой пасти, загибаясь кверху, заканчивался

в дряблых складках кожи под ушами. Выдающаяся вперед, узкая и тупая, без подбородка челюсть нависала над жилистой шеей настороженной ящерицы.

Пораженное внимание, отвлеченное необычайным, пропустило деталь: между глазами виднелось небольшое, неправильной формы отверстие — единственная ноздря. Точно принохиваясь к чему-то, конвульсивно сокращались ее нервные, более светлые края...

Если бы я увидел эту голову на туловище гада, не было бы того впечатления отталкивающей сверхъестественности. Но голова чудовища — на человеческом туловище! Смятенная, бессильная мысль билась, как птица в силках. Сон, сказка наяву не поддавались объяснению.

Глухо, точно из-за толстой каменной стены, доходил до ушей грохот прибора.

Чувствуя, как земля колеблется подо мной, с ужасом смотрел я на гипнотизирующую маску чудовища. Немо и страшно, не шевелясь, глядело оно мне в лицо. И вдруг узкая щель зрачка мгновенно расширилась в овал, еле заметный золотистый обвод растянулся, сверкнул огнем.

Точно острое сверло со страшной быстротой завертелось в моем мозгу. Мгновенно потерявшие краски дюны и голова гада ринулись в бездну.

III

Царила тишина. Я открыл глаза. Перед самым лицом растилался в блеске солнца мелкий красный песок, в нескольких саженах далее подымаясь вверх пологим голым склоном. Я лежал на боку в тени большого камня.

Голова еще кружилась. Но сознание светлело. Я быстро сел, с изумлением осматриваясь. Море... Удивительно — море исчезло! Даже шума волн не было слышно. Я вспомнил о страшной встрече на берегу, но объяснил все галлюцинацией, результатом продолжительного нервного и физического напряжения. Чем другим можно было объяснить это, как не игрой расстроенных нервов? Но все остальное ведь было. Где же берег, море?..

Сердце сжало ожидание неведомого. Я осторожно выглянул из-за камня. Шагах в десяти на песке лежали и стояли тюки в брезентах, жестяные ящики, матрацы и несколько больших сундуков полированного дерева.

Вытянув голову еще дальше, я как обожженный отдернул ее обратно. Я опять увидел его. Он сидел на тюке среди груза. Выпуклый водолазный шлем закрывал его голову, но за дымчатыми стеклами я сразу разглядел фарфорово-белые глаза. Рядом стояло воткнутое концом в песок тонкое древко длинного копья.

IV

Первым побуждением было — бежать! Но как? Уползти по голому песку — детская затея. Укрываясь ящиками, прокрасться ему за спину и тогда перебраться за дюну? Как уйти незамеченным?

Я повернулся, пополз к другому концу тюка, заглянул за угол и окаменел от страшной картины. На брезенте, вытя-

нувшись, лежало на спине неподвижное тело Врагина. Два чудовища склонились над ним, неестественно изогнув хребты, точно горбатые гусеницы. Одно медленно погружало в чуть вздымавшуюся грудь моего друга большую тонкую блестящую иглу. Другое поддерживало вытянутые и поднятые вверх руки Николая Ивановича.

Напрасной гибелью, безрассудством было бы пытаться спасти Врагина. Но... оставить его на страшную смерть под пытками? Я знал: воспоминание о проявленной трусости и подлости не перестанет давить меня до конца жизни.

Сознавая безумие поступка, я вскочил. Невольный крик вырвался из горла.

В тот же момент, пронзительно присвистнув, точно подброшенный пружиной, сидевший высоко подпрыгнул, изумительным прыжком акробата подскочил сажени на две ближе и, взмахнув копьём, направил его мне в грудь.

Тонкое древко качалось, как стальное жало рапиры. Я знал, что рискую вызвать удар малейшим движением. Мгновение я стоял неподвижно. Где-то близко защебетала птичка. Уроды, выпрямившись, смотрели на меня. В тишине мой обостренный слух уловил шум моря и резкие крики морских птиц. Значит, море не особенно далеко.

Лагерь был расположен между дюнами, во впадине. Песчаная могила... А может, не поздно уйти? Я как бы с усилием повернул рычаг в мозгу, подавляя эту мысль, и заставил себя пошевелинуться. В безнадежном отчаянии приговоренного к казни я медленно подошел к Врагину. Маленькое пятнышко краснело на его груди, под сердцем.

Я поднял его и понес. Зачем? Не знаю. Я был заведенным автоматом. Третий раз в этот день все происходящее казалось мне сном.

С мутнеющим сознанием, ежесекундно ожидая услышать дикий крик, принять боль удара, я медленно переставлял ноги в рыхлом песке. Тянулись секунды — ни окрика, ни звука нагоняющих шагов! Только невидимые птицы дюн усилили свист.

Неодолимо тянуло оглянуться — так тревожно было молчание. Но я шел и шел... Мимо проползли толстые искривленные кактусы. И снова раскаленный песок... Наконец я оглянулся. Сыпучий шлейф холма заслонил вид на пройденный путь.

Нервное и физическое напряжение оборвалось сразу. Я выронил тело Николая Ивановича и упал без чувств.

Впрочем, я тотчас же очнулся и повернулся к Врагину. Красноватая точка расплылась в широкое пятно. Я положил руку на грудь и сейчас же снял. Сомнений не оставалось — я принес труп. Риск был напрасен, они умертвили его! Там, на брезенте, Врагин еще дышал.

Я поднял голову. Частью колоссального зеркального шара поблескивала темно-синяя гладь спокойного океана. Синева, постепенно бледнея, сливалась с голубым небом. И на этом фоне — красные волны песка. Простор и великий покой пустыни.

От прибрежной полосы меня отделял ряд дюн. Со стороны берега на одну из них поднялись и стали спускаться в ложину четверо в шлемах, волоча тяжелые мешки.

Лагерь виднелся саженях в сорока лезее, в ложине. Там тоже шевелились фигуры. Значит, их не трое.

Ожидать помощи было неоткуда. Безучастный к своей судьбе и свершившейся судьбе Врагина, я машинально наклонился над ним. И широко раскрыл глаза. Врагин лежал на боку и ровно, глубоко дышал. Я лихорадочно осмотрел его вторично. Красноватое пятно заняло всю грудь. Я прикрыл голову спящего от палящих лучей, прилег рядом и сразу заснул.

▼

Проснулся я от неприятного ощущения пристального взгляда. Держа в руках свое копьё, глазастый урод стоял в трех шагах, пристально вглядываясь мне в лицо, словно пытаясь что-то прочесть на нем. Совершенно инстинктивно я сжался, ожидая нападения. С минуту смотрели мы в глаза друг другу. Ни единой человеческой мысли, ни одного чувства не отражалось на этой живой маске.

Урод внезапно нагнулся, захватил горсть песка. Он указал на себя, в сторону моря, вверх и, отведя копьё и подбросив песок в воздух, пронзил на лету облако падающих песчинок. И неподвижно уставился на меня. Я тупо следил за его движениями. Что он говорил? Конечно, о себе. Но что? Быть может, о буре и молнии, ударившей в корабль? Я кивнул головой. Мой взгляд упал на конец опущенного копьё, и дрожь омерзения пробежала по телу: пальчики зеленой лягушечьей лапки обхватывали прут.

Монстр повернулся, быстро, не оглядываясь, зашагал к лагерю. Я проводил его равнодушным взглядом. Не пытаюсь объяснить факты, я принимал их, и только.

— Довольно спать! — услышал я сквозь сон смеющийся голос Врагина.

На его голове тюрбаном был навернут рукав, оторванный от нижней рубашки. Он выплюнул зеленую жвачку и протянул мне кусок кактуса со стертými колючками.

— Хотите пить? Вместо воды пока. Да вот, — он оторвал второй рукав, — закройте голову!

С радостью я убедился, что Врагин остался прежним Врагиным.

Я со всеми подробностями рассказал ему происшедшее. Может, это неизвестное племя? Или болезнь — вроде пучеглазия?

Врагин покачал головой:

— Вряд ли. Это чужие... Идем к ним!

За извилистой ложиной открылся вид на лагерь. На тюках сидела одинокая фигура. Остальные пятеро суе-тились на большой дюне. Отражая солнечные лучи, поблескивала и искрилась сеть огромной паутины, раскинутой между тонкими кольями. Да они плетут сеть!.. Часовой, повернув голову, следил за нашим приближением, но за ору-жие уже не хватался.

Опасность нам, по-видимому, не угрожала.

Встревоженно засвистали птицы.

— Тогда тоже?!

— Что? — не понял я.

— Свистали пичужки?

— Все время. Но к чему...

— Они и тогда пересвистывались? — нетерпеливо пе-ребил Врагин. — Ни слова не произносили? Значит, это они!.. И остальные отзываются... Отойдем... Пока.

Мы сели неподалеку. Я жевал и сосал кактус. Врагин строил догадки. Изредка у него срывались отдельные слова:

— Эволюция... Ящеры... Другой путь... Но шлемы?..

От лагеря донесся дикий визг и скрежет, точно работала круглая пила.

Врагин вскочил, застонал и, хромя, побрел к лагерю. Постоял там минут пять, повернулся и пошел обратно.

— В большой ящик вертикально вставлен короткий стержень, на стержне со страшной быстротой вращается туман-ный шар. Звуки — из ящика. — Он молча сел и задумался.

Пронзительный звук, не смолкая до самого заката, метал-ся по ложине.

— Скоро отлив. Пора! Идем за ужином.

Мы перешли дюну возле сети на кольях. Шесть воткну-тых в песок никелированных прутьев метра в два длиною огораживали круглую площадку диаметром в три-четыре метра. В центре стоял седьмой прут — короче. Тонкие ни-ти проволоки соединяли верхние концы всех семи прутьев.

Возвращаясь, мы несли наловленных крабов, ракушек и сухих чурбаков с берега. Солнце быстро садилось за дюну, косая тень ползла к нам. Тень доползла и до лагеря. Звуки мгновенно замолкли.

Мы сидели у костра и хрустели печеными крабами. В сум-ерках видно было, как торопливо поднялись на дюну пять фигур и исчезли за серым гребнем.

— Видели? Отправились. И заметьте: отлив. Вы говори-ли, — утром тоже во время отлива ходили. И носили. Идем на разведку! Может, отчасти и разрешим загадку.

В сгущавшейся темноте внизу перед нами расстилалась знакомая прибрежная полоса. Пять черных пятнышек, вре-менами сливаясь в одно, быстро приближались к воде. Пря-мо впереди над низкими волнами отлива возвышалась об-наженная морем черная громада. Ее можно было принять за плоский, но широкий подводный камень, если бы не туда именно направлялась пятерка из лагеря.

— Их затонувший корабль.

— Корабль, да. Но их ли? Не наш ли? И груз вроде с нашего корабля, — возразил я.

Часа через полтора при свете звезд они возвратились. Молча прошли мимо нас. Но... ушли пятеро, вернулись шестеро. Обсуждая это обстоятельство, мы направились к тлевшим углям. Врагин завернул в лагерь и принес оттуда два больших шерстяных одеяла.

— Развязана целая кипа. Не отняли, — лаконично объяснил он.

VI

Через полчаса, перевернувшись на другой бок, я успел заметить, как на фоне звездного неба над лагерем что-то громадное плотным черным облаком взметнулось вверх и почти мгновенно скрылось в вышине.

Вспышки на дюне привлекли мое внимание. Голубые, зеленые, синие искры перескакивали между светившимися кольями, танцевали в проволочной сети паутины.

Я разбудил Врагина. Приподнявшись на локтях, мы наблюдали за мерцанием разноцветных огоньков.

Яркий метеор плавно скользнул по звездному своду, оставляя длинный след. Прямая черта тусклого света медленно таяла.

Внезапно Врагин вскочил:

— Скорее! Туда! К ним! Скорее! Скорее!..

В лагере неторопливо шевелились силуэты. Часовые? Или там вовсе не спали? Врагин замедлил бег, — стремительное приближение могли счесть за нападение. Но к нашему приходу отнеслись равнодушно.

Врагин порывисто схватил руку ближайшего, потом нагнулся, захватил горсть песка и повторил жест уроды, разбудившего меня днем своим пристальным взглядом.

Эффект был поразительный. Нас окружили кольцом, разглядывая так, точно сейчас только увидели. Я придвинулся к Врагину, чтобы вместе встретить нападение. Совсем близко перед нами — страшные головы-глаза. Зрачки, раздвинувшиеся до размера стекол больших карманных часов, отражали пляшущие искорки.

— Они недоброе задумали. — Мой голос осекся. — Ведь это в высшей степени неосторожно... — Я не окончил.

Врагин сжал мне плечо и почти закричал от охватившего его возбуждения:

— Вы ошибаетесь. Поймите же, черт возьми! Они другого, реального, чужого мира. Они так же естественны и нормальны, как мы.

Непоколебимая уверенность звучала в его голосе.

Темное облако проглотило луну. В набежавшей тьме выявилось незаметное при свете луны неравномерно пульсирующее сияние, фиолетовым ореолом стоявшее над ящиком. Оттуда доносились тихий писк и чирикание.

Один подошел к цилиндру, и вдруг пучок солнечных лучей залил лагерь.

Зрачки окружавших сузились опять в узкие разрезы, но весь облик их уже не казался мне теперь таким ужасным, как днем. Стоявший рядом прикоснулся к полированному

ящику — крышка мягко отскочила вверх. Я увидел тщательно уложенные кипы бумаг.

Дрожь овладела мною. Мы стояли на пороге одной из тайн вселенной, приподнималась завеса неведомого мира, затерявшегося в звездной пыли, в неизмеримой дали бесконечности.

VII

Открывший ящик взял узкий длинный лист и, указав на звездное небо, передал нам. Я жадно впился глазами. Сверху была изображена спиральная туманность. Ниже второй рисунок показывал ее ближе и уже не как туманность, а различимое звездное скопление с маленьким квадратом, обведенным красной линией. На третьем рисунке — увеличенный красный квадрат с несколькими десятками звезд, окружавшими небольшой синий треугольник, в котором была заключена одна звезда, ничем, впрочем, не отличавшаяся от других. На следующем — в большом синем треугольнике — горела голубым огнем яркая звезда, а еще ниже — звезда ясно распадалась на две.

Мы как бы мчались с быстротою мысли, пронизывая бездну вселенной, приближаясь к какой-то определенной точке.

На последнем рисунке оба светила сильно увеличенной двойной звезды были так искусно раскрашены, что я, точно заглянув в трубу сверхтелескопа, увидел два — голубое и оранжевое — солнца.

Под рисунком была схема их солнечной системы — две крошечные точки-песчинки кружились вокруг своих солнц.

Нарисованные сбоку два кружка разного диаметра, соединенные тонкими белыми линиями с точками на схеме, указывали сравнительные размеры планет. Меньшая планета была ближе к своему оранжевому солнцу, чем планета голубого солнца.

Рисунки и чертежи, чрезвычайно понятные, дополняли друг друга.

Вероятно, подобные случаи были предусмотрены, и все эти листы с картами и рисунками были специально изготовлены для снаряжавшейся экспедиции, чтобы облегчить объяснения с обитателями других миров.

Развернули большой широкий лист с восемью плоскошарьями. Серебристые области обозначали воду, — мы поняли это по жесту в сторону моря.

Меньшая по размерам планета имела только небольшой клочок суши, — коричневый островок среди сплошного океана планеты. О нем рассказывал дополнительный цветной рисунок. Густые джунгли ярко-зеленых растений странной формы — скорее, трава, чем деревья, — поднимались со дна на огромную высоту над поверхностью вод. Лодка с двумя сидящими большеглазыми существами давала представление, как громадна высота морских джунглей.

Развернувший лист красноречивым жестом обвел кругом и заостренной металлической спицей нарисовал на таблице рядом с кружком планеты другой, почти равного диаметра, сравнивая величину Земли с размерами этой планеты.

На втором, таком же широком листе восемь плоскошарий показывали карту поверхности планеты голубого солнца, обитателями которой были они. Здесь, кроме суши и воды, имелось множество других обозначений: красные пятна, зеленые поля, желтые полосы, черточки, точки, квадратики и кружки разной окраски и размера пестрым узором покрывали сушу и местами море. Прямые тонкие линии разного цвета перерезали воду. Пунктирные — сушу... Глаз открывал все новые и новые знаки. Все это ждало пояснений, поняты были только серебристые извивы рек.

Рядом посыпались сухие, щелкающие удары, словно два больших пустых ореха часто бились один о другой.

Врагин выпрямился, как бы опомнившись.

— Слушайте, — заговорил он отрывисто. — Ночью взвился аэростат. Шар — вместо мачты беспроводного телеграфа. Возможно, не первый. На дуне — звездчатая антенна. Этот, в шлеме, работает у аппарата. Они зовут кого-то. Значит, они не одни. Они торопятся связаться с теми, другими, которые мчатся со скоростью света, а может, еще быстрее. Они торопятся связаться, пока не разделило недостижимое даже для их воли пространство. Они не намерены остаться здесь, на нашей Земле, этой пылинке, к которой пристали лишь на краткий миг своего чудовищного полета и случайно потерпели аварию. Их жест с песком означает путь сквозь звезды. Нежные, разноцветные искры в антенне — ответ. Каждую минуту можно ожидать появления тех, которые сейчас отвечали.

Он схватился за голову.

— Наш долг перед человечеством, перед мировой культурой не потерять связи, не упустить возможность... Исключительный случай, может, один в тысячи лет. Надо быстро найти решение. Отойдем, здесь невольно будем отвлекаться.

Мы молча дошли до брошенных одеял. Врагин сел и отвернулся. Аппарат молчал. Через полминуты погас прожектор. Земная ночь окружила нас, окутала мраком.

VIII

И вдруг я увидел, как край облака, закрывавшего луну, закрутился, будто захваченный смерчем, и разорвался в клочья.

На дуне фейерверком посыпались искры, взметнулся клуб голубого пламени. Аппарат в лагере щелкнул пять раз подряд и смолк. Высоко вверху резким правильным кружком зачернело небольшое облако. Не теряя правильности очертаний и густоты, оно быстро увеличивалось в диаметре.

Едва успел я понять, что через секунду оно упадет на нас, как гигантский черный круг навис над ложиной в десятках метров над землей. Плавно опустился еще ниже и неподвижно замер в воздухе.

Большой овал белого света с минуту лежал на песке вокруг нас, потом мигнул, дрогнул, погас. Снизу поднялся луч другого прожектора, осветил плоскую, движущуюся поверхность металла.

Из мрака выступил громадный, медленно и беззвучно вращавшийся наподобие грампластинки диск размером с арену большого цирка.

Потом корабль опустился еще ниже и плоским обширным сводом повис в воздухе саженях в трех над землей.

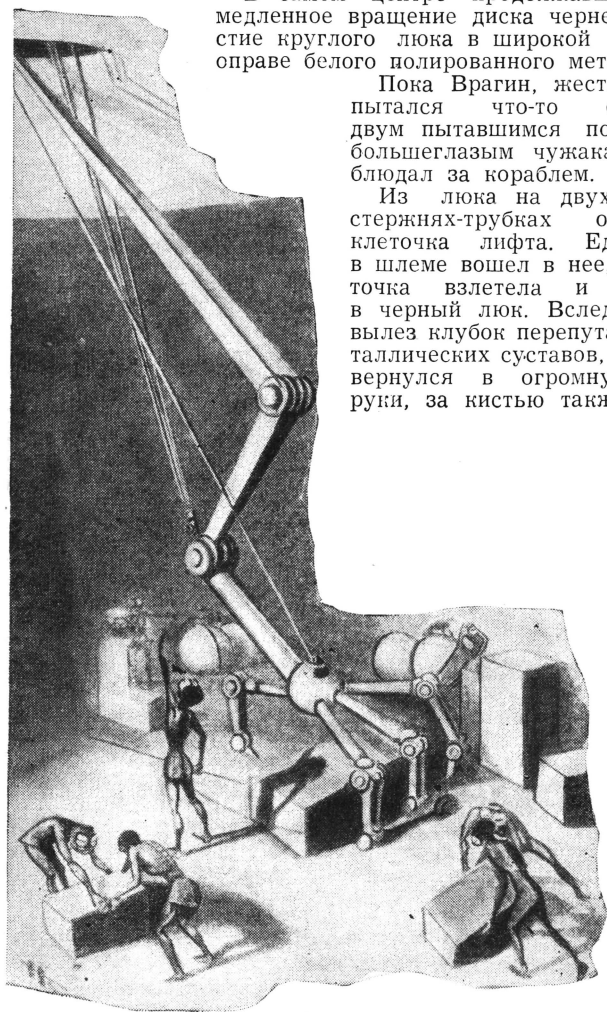
Ровная поверхность металла вверху и волнистый песок образовали обширную, но узкую щель; свет прожектора в центре как бы столбом поддерживал низкий потолок.

Мы побежали к лагерю.

В самом центре продолжавшего свое медленное вращение диска чернело отверстие круглого люка в широкой выпуклой оправе белого полированного металла.

Пока Врагин, жестикулируя, пытался что-то объяснить двум пытавшимся понять его большеглазым чужакам, я наблюдал за кораблем.

Из люка на двух тонких стержнях-трубках опустилась клеточка лифта. Едва один в шлеме вошел в нее, как клеточка взлетела и нырнула в черный люк. Вслед за этим вылез клубок перепутанных металлических суставов, вяло развернулся в огромную кисть руки, за кистью также лениво

показался локоть, точно наверху, проснувшись, потягивался циклоп. Полуразжатые пальцы висели в аршине над землей. Внезапно ожив, рука поднялась, повернулась, металлическая кисть осторожно опустилась на два крайних тюка, пальцы сжали их, как ястреб цыпленка, и в одно мгновение исчезли с добычей в люке.

Один большеглазый отправился на дюну — конечно, снять антенну. Всё говорило о скором отправлении.

Мгновенная боязливая мысль вспыхнула и когтистым страхом вцепилась в сердце.

Что, если вдруг на секунду приостановит работу удивительная сила, вырванная у природы гением неизвестных существ и, закованная в броню металла, ударит о землю чудовищным молотом, поднятым сейчас над головой, страшная тяжесть нависшего корабля? На краткий миг сомкнется щель... Невообразимая боль раздробленных костей. Голова под неумолимым прессом. Хотелось выбежать из-под корабля на простор родной ночи. Но голос более сильный — голос человеческой гордости и разума — приказывал оставаться на месте до конца.

IX

Взволнованный, радостный возглас Врагина привлек мое внимание:

— Кончено! Добился!..

— Чего?.. Остаются? — обрадовался я.

— Нет, я с ними... Единственный выход. Через десять-двадцать лет я вернусь. За это время я сумею многое узнать.

— Но можете и не вернуться.

— Вернусь, верьте! Они летят наверняка! Целая эскадрилья. Позаботьтесь о Лиде.

Лифт сновал безостановочно.

Механическая рука продолжала втаскивать грузы.

Потом стали подниматься наши недолгие соседи. Один протянул мне сложенную карту, служившую при последних объяснениях с Врагиным. Врагин пожал мне руку.

— Ждите! Передайте мой привет Лиде. Ну, она-то не забудет меня...

— Николай Иванович!..

Он не дал мне договорить.

— Да, я знаю. Я знаю вас и могу быть спокойным. Надеюсь на вас. Ждите... Мы опустимся на поляне за домом... Хоть через двадцать лет... Ждите...

Он еще раз пожал мне руку своей вздрагивающей рукой. Пустая клеточка опустилась. Врагин вошел. Мы обменялись последним рукопожатием. Я почувствовал под левой ладонью металл лифта, и клетка взвилась. Через секунду голова и плечи Врагина показались за перилами в люке.

— Прощайте!.. — закричал я.

Круглым зрачком зачернело отверстие люка... Я услышал из темноты:

— До свидания!

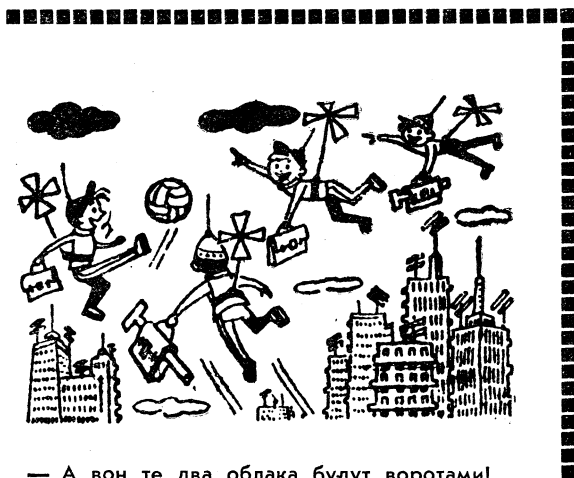
И В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

НЕДОСТАТОК ОПЫТА

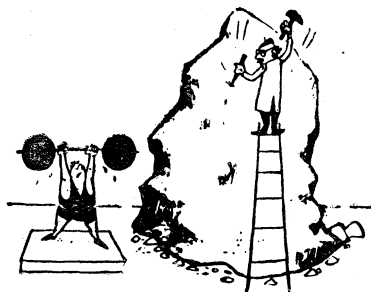
Перевод — дело сложное. Еще в давние времена от знаний, добросовестности, расторопности толмача зависело многое. Если верить библии, даже вавилонская башня рухнула главным образом потому, что не было полиглота, владеющего двумя десятками языков.

К тонкому и трудному делу перевода теперь пытаются привлечь электронные машины. Но, увы, и они несовершенны. Одной из машин было задано перевести с испанского на английский известное изречение: «Тело немощно, но дух бодр». Пораскинув электронными «мозгами», машина выдала решение: «Мясо испортилось, но спирт еще ничего».

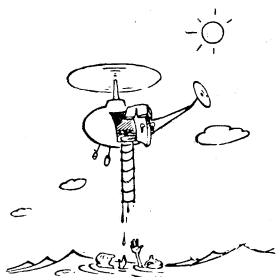
Не стоит винить машину в том, что она не уловила разницы между «спирит» — дух и «спирт» — спирт. У нее не было достаточного опыта.

— А вон те два облака будут воротами!

— Подержите еще
немножко, я скоро кончу!

— Что же делать?!
— Придется ждать прилива...

Без слов.

ОПАСНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Одни коллекционируют пуговицы, другие собирают спичечные коробки, а швейцар одного лондонского отеля Фильмер одержим страстью заводить знакомства среди обитателей зоопарка.

Хотя новоявленных знакомых всегда отделяет от коллекционера решетка, ему есть чем гордиться. Вряд ли кому еще приходилось дружески пожимать лапу львам, волкам и даже черной пантере.

Успех «коллекционирования» Фильмер приписывает своему красноречию. Выжидая удобного момента для «рукопожатия», он с чарующей улыбкой произносит перед клеткой патетические монологи.

И только исполинская горилла Гай не оправдала надежд Фильмера. Уловив после своей речи в глазах гориллы «дружеское расположение», он протянул руку через решетку...

Через несколько часов «коллекционер» выходил из больницы. Все обошлось сравнительно благополучно, хотя врачи немало потрудились, накладывая швы на руку, побывавшую в пасти Гая. Сам пострадавший считает, что горилла просто не поняла его дружеских намерений. Фильмер продолжает пополнять свою редкую и бессмысленную коллекцию.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Открыта новая — космическая эра в истории человечества	2
АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВ, АНДРЕЙ ДОНАТОВ. «713» просит посадку	4
Чудеса XX века	56
СЕРГЕЙ МАРТЬЯНОВ. Генацвале	59
ГЕРМАН СЕРГО. Капитан Конга Юссь	64
А. ФЕДОРОВ. Покоряя пространство и время	73
ЛАСЛО ФЕЛЕКИ. Встреча на Марсе	76
В. СУСЛОВ, В. НОЗДРЮХИН, А. КОРОЛЕВ, В. РАЧКУЛИК. Заоблачная дрейфующая	78
КИРИЛЛ АНДРЕЕВ. Сверстники юности	91
РЭЙ БРЭДБЕРИ. Улыбка	94
РЭЙ БРЭДБЕРИ. Золотые яблоки солнца	101
Снимки рассказывают	108
Н. ЛЫСОГОРОВ. Через смерть и жизни	110
В. МИКОША. Кинокамера — мое оружие	118
Его зовут Борис Нефедов	130
Над бездной	132
«Операция прошла успешно».	134
ФРЭНК БУК. Беглец на пароходе	136
Всемирный налейдоскоп	144
А. М. ВОЛКОВ. Чужие	146
И в шутку и всерьез	158

ОКЕАН В ОГНЕ

«Океан охвачен пламенем!» Потрясающая весть облетела земной шар. На следующий день стали известны новые подробности: в результате катастрофы затонул большой каргобот «Сильвер Стар», плававший под пуэрто-риканским флагом. Погиб весь экипаж. Пошло ко дну и японское океанографическое судно «Тана-Мару». Лишь трое с «Тана-Мару» были спасены. И спасены при странных обстоятельствах — их подобрал появившийся неизвестно откуда геликоптер, пилотируемый двумя молодыми американцами — Фреди Лиифом и Робом Потером...

Что же случилось в Тихом океане близ Марианских островов? Кто такие спасенные с «Тана-Мару» и молодые американцы? Почему журналистам ничего не удалось узнать о катастрофе?

Обо всем этом вы узнаете из фантастико-приключенческого рассказа румынского писателя Раду Нор «Океан в огне». Рассказ будет напечатан в четвертом номере «Искателя».

Редакционная коллегия: **Б. А. БАЛАШОВ, И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ**
Художник-оформитель: **В. НЕМУХИН**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

Рукописи не возвращаются. Технический редактор И. Егорова.

Адрес редакции: Москва, А-55, Суцевская, 21.

Тел. Д 1-15-00, доб. 3-38.

А01900 Подп. к печ. 8/V 1961 г. Бумага 84 × 108 1/2. Печ. л. 5 (8,2). Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 100 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 442.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-55, Суцевская, 21.

Читайте в следующих номерах «Искателя» фантастический роман «РОБИН-ЗОНЫ КОСМОСА». Автор романа — французский писатель Ф. Карсак, «современный Жюль Верн», как назвала его газета «Юманите».

ЦЕНА 20 коп.